

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

КРИВОРУЧКО Юлия Геннадьевна

ИСТОРИЯ ЛЕКСЕМЫ ΕΘΝΟΣ В ГРЕЧЕСКОЙ
ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ VIII - V вв.

ДО Н.Э.

Ю.02.14. - классическая
филология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель -
доктор филологических наук
Гиндин Л.А.

Москва - 1990

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Лексико-семантические основы изучения лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$	
§ 1. Когнитивная структура понятия "этно-социальная общность" и семантическая структура лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$	10
§ 2. Семантическая структура $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ по данным лексикографии	32
ГЛАВА 2. Семантика лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ в свете лингвистических данных	
§ 1. Традиционный подход к этимологии и внутренней форме лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$	56
§ 2. Внутренняя форма лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ с точки зрения дериватологической теории	66
§ 3. Генезис лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ и развитие ее словообразовательной структуры	77
§ 4. Некоторые апеллятивы и собственные имена, производные от $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$	112
ГЛАВА 3. Развитие семантики лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ в литературных памятниках архаического и классического периодов.	
§ 1. Семантика лексемы $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ в гомеровских поэмах	140
§ 2. Основные направления развития семантики $\tilde{\epsilon}\lambda\upsilon\varsigma$ в VI-I вв. до н.э.	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	190
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	218
Приложение	220

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной исторической науке резко возрос интерес к социальным структурам древнегреческого общества, а следовательно, и к сочинениям античных писателей, содержащим информацию об этих структурах. Включение в научный оборот новых памятников материальной культуры создало необходимость взглянуть на давно и хорошо известные письменные источники под новым углом зрения и переосмыслить содержащиеся в них социологические сведения. Однако при обращении к письменным источникам во многих случаях обнаружилась значительная неадекватность употреблявшихся лексикографических толкований и других средств филологической обработки текста современным представлениям о структуре античных социумов. Стала очевидной потребность в углубленной, основанной на современных историко-социологических данных разработке семантики соционимов. На страницах классико-филологических журналов и периодических изданий по античной истории, как "Klio", "Parola del Passato", "Kadmos", "Acme", "Classical Philology"

появились статьи П.Брианта (P.Briant), М.Гагарина (M.Gagarin), У.Донлана (W.Donlan), К.Вандерслеена (C.Vandersleyen), А. ван Эффентера (H.van Effenterre), М.Негри (M.Negri), посвященные семантике таких терминов, как *δῆμος*, *clavis*, *LaFekras*, *ὠβς*, *λαοὶ βαβυλωνιοί*, *κώρυ* и др. Значению соционимов были посвящены специальные конгрессы антиковедов в Турине (1978) [250] и Вене (1981) [236]. Было принято издание многотомных справочных пособий по социальной лексике, из которых прежде всего следует упомянуть "Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in der Sprachen der Welt" (1981-1985) [310], а также специальный словарь

"Lessico politico dell'epica greca arcaica" (Ed. L. Bertelli, I. Lana), выпуск которого продолжается. Таким образом, историческая социология явилась новым стимулом для лексикологических исследований.

В широком круге проблем исторической социологии значительное место принадлежит проблемам исторической этнографии, непосредственно связанным с предметом настоящего исследования. За последние годы в этой области ведутся интенсивные разработки таких важнейших вопросов, как становление этнического самосознания древних греков, этническая ситуация в античной Греции, роль политического и политеарного факторов в формировании этнического сознания греков и т.д. Из советских ученых в этих направлениях работают М.В. Крюков с соавторами [55; 123], за рубежом - Ф. Гшнитцер (F. Gschnitzer) [264, 265], Дж. Рой (J. Roy) [302], М. Сорди (M. Sordi) [309] с соавторами, Ф. Папазоглу (F. Papazoglou) [299], Дж. А. О. Ларсен (G. A. O. Larsen) [286, 287] и др. Однако историко-этнографическое изучение письменных памятников шло в отрыве от их филологической обработки, что неизбежно сказалось и на конечных результатах. Поэтому особое значение для адекватного толкования источников в настоящее время имеют семасиологические исследования лексем, обозначающих этно-социальные процессы и этно-социальные общности. Соединение лексикологических данных с этнологической теорией и материалами по этнографии Древней Греции позволяет устранить как ошибочные априорные суждения о семантике этно-социальных обозначений, происходящие из игнорирования результатов этнографии, так и неточные толкования этнографических сведений в сочинениях античных писателей, происходящие из игнорирования результатов семасиологии.

К числу важнейших этно-социальных терминов древнегреческого языка принадлежит лексема *ἔθνος*. В настоящей работе предпринята первая в отечественной науке попытка дать историко-семантическое описание данной лексемы. Вопрос о значении *ἔθνος* не раз поднимался историками, специалистами по истории политических учений, и этнографами [83; 250; 294; 295; 320; 321]. Однако ни историки, ни этнографы не ставили своей целью изобразить развитие семантики *ἔθνος* как эволюционный процесс, а ограничивались лишь отдельными замечаниями в связи с конкретными интересовавшими их текстами или группами текстов. Изучение *ἔθνος* как лексемы, т.е. во всей совокупности форм и значений данного слова, представлено лишь в лексикографии.

Лексикографические описания *ἔθνος*, в том числе и содержащиеся в наиболее авторитетных словарных источниках, характеризуются отсутствием единого подхода и последовательности в изображении эволюции слова, а в отдельных случаях даже противоречивостью.

Многие значения *ἔθνος* зафиксированы лишь в единичных словарных источниках. Например, значение "вид, порода животных" отмечено только в "Древнегреческо-русском словаре", "родственников" - только у Лиддела-Скотта-Джоунза, "genus civitatis" - только в "Thesaurus Graecae Linguae" и т.д. Нередки случаи, когда одни и те же контексты привлекаются для иллюстрации различных значений.

Сказанное относится не только к общей древнегреческой лексикографии, но и к словарям отдельных авторов, в первую очередь Гомера. Например, в гомеровских словарях Г.Эбелинга и Г.Аутенрита мы не найдем специального толкования словосочетания *ἔθνος*

ἔθνη, хотя оно приводится практически во всех общих словарях; в словаре Дж.Э.Пауэлла к Геродоту мы обнаружим значение "национальная принадлежность", в остальных словарях отсутствующее, и т.д.

Недостатки лексикографического описания *ἔθνος* отражаются на качестве последующей научной обработки текстов, как филологической, так и источниковедческой. Так, отсутствие в словарях значения "народ" для уровня гомеровских поэм позволило В.К.Поплинскому сделать вывод о неразвитости этнического сознания в гомеровскую эпоху [83]. Традиционное для словарей прошлого столетия толкование *γένυ* как составных частей *ἔθνος* укрепило П.Мэнтрена во мнении, что *ἔθνος* - это совокупность тех, кто не является членом *γένος* [246]. Далеко идущие выводы об уровне развития этнического сознания в IV в. до н.э. были сделаны В.Рудольфом [303] и И.В.Крыковым [55], которые опирались на приведенное в некоторых словарях значение *ἔθνη* - "варварские народы". Необоснованные заключения, сделанные названными авторами, происходили из неверных или не вполне точно сформулированных словарных данных. Таким образом, вследствие отсутствия четких критериев выделения значений, в отсюда и субъективизма лексикографов сложилось положение, когда толкования *ἔθνος* могут оказаться не только подспорьем, но и помехой в интерпретации текстов.

Устранение допущенных просчетов и дальнейшее совершенствование лексикографического описания *ἔθνος* возможно лишь на пути применения к лексикографической практике адекватной лексикологической теории. При этом, как указывал А.Ф.Досев, семасиологи должны постоянно стремиться к "более глубокому и последовательному оформлению своих категорий с точки зрения логики" [63, с. 114].

Последовательность и непротиворечивость семасиологической теории особенно важна при анализе сложных понятийных образований, каким является семантическая структура *ἔθνος*. В классической и архаической литературе нельзя выделить такого хронологического периода, когда лексема *ἔθνος* не обладала бы по меньшей мере двумя различными значениями. Вся совокупность разнообразных значений *ἔθνος* развивается, чутко реагируя на изменения в социальной жизни греческого общества. Так, развитие в семантической структуре *ἔθνος* значения "провинция" связано со становлением системы римского администрирования; с появлением христианства возникает и закрепляется в многочисленных дериватах значение "язычники" и т.д. При столь развитой полисемии и значительном динамизме семантической структуры исследуемая лексема является весьма непростым объектом семантического анализа, требующим применения современных методов описания лексического значения.

Теория лексического значения получила глубокую разработку в отечественной лексикологии, и в частности в трудах В.В.Виноградова, А.И.Смирницкого, С.Д.Кацнельсона, Д.Н.Шмелева и др. Принципы семантических исследований, сформулированные названными учеными, легли в основу нашей работы. Следует, однако, отметить, что до сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной науке не создано обобщающего исследования, в котором бы задачи и методы лексикологии древних языков сопоставлялись с задачами и методами лексикологии современных языков. В данной работе мы стремились хотя бы отчасти заполнить этот пробел, уделяя особое внимание теоретическим вопросам древнегреческой лексической семантики.

Материалом исследования послужили: 1) данные общей и специальной лексикографии, в том числе этимологических словарей, словарей к авторам, понятийных и синонимических словарей; 2) литера-

турные источники от Гомера до Аристотеля, на основе которых была составлена полная картотека контекстов, содержащих лексему

ἔλκος, ἑλκος, ἑλκον, ἑλκυ. *ἑλκος, ἑλκος, ἑλκος* эпизодически для сравнения привлекались контексты с другими лексемами, а также данные по более поздним периодам истории греческого языка.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе рассмотрена понятийная структура лексемы *ἔλκος* и ее отражения в лексикографии.

Анализ лексикографии показывает, что наиболее затруднительным для толкования является древнейший период истории *ἔλκος* — гомеровский. Чтобы осмыслить гомеровское словоупотребление исторически, т.е. как результат предыдущего развития, а не только как отправную точку последующего, необходима тщательная разработка внутренней формы указанной лексемы, ее этимологического значения.

Вторая глава посвящена реконструкции словообразовательной истории *ἔλκος*. В ней рассмотрены также и другие лингвистические данные, проливающие свет на древнейшее значение *ἔλκος*, как-то: семантика дериватов от *ἔλκος*, однокоренные слова и т.д. Генезис *ἔλκος* как этно-социального обозначения разъясняется на примерах становления этнообозначений в разносистемных языках на древнейших стадиях общественного развития, т.е. при помощи типологических аналогий.

Лингвистические и типологические материалы, при всей их сложности и противоречивости, позволяют сформулировать гипотезу о внутренней форме лексемы *ἔλκος* и ее употреблении в период, предшествующий письменной фиксации.

В третьей главе результаты анализа текстового материала сопоставляются с результатами дериватологической реконструкции.

Преимущественное внимание уделяется гомеровскому словоупотреблению как наиболее архаичному и отражающему древнейшие социальные деления древнегреческого общества.

В заключении предлагается новая лексикографическая трактовка исследуемой лексики.

Все цитаты приводятся в наших переводах, за исключением примеров из "Илиады" и "Одиссея", которые даны в классических переводах Н.Гнедича и В.Жуковского. Добавления, сделанные в переводе для связности текста, отмечены треугольными скобками. Сокращения имен авторов и названий произведений даются по словарию Лиддела-Скотта-Джоунза. Прочие сокращения приведены в списке сокращений. Заключает работу список основной использованной литературы.

ГЛАВА I
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *Εθνος*

§ I. Когнитивная структура понятия "этно-социальная общность"
и семантическая структура лексемы *Εθνος*

Важнейшей проблемой лексической семантики является проблема соотношения лексического значения и понятия. Дискуссия по этой проблеме берет свое начало в античности и до сих пор еще далека от завершения. Много нового внес в разработку проблемы соотношения понятия и значения 20-й век. Значительное развитие получили антименталистические теории значения сосюррианской, блумфилдианской и неогумбольдтианской направленности. В ходе критики антиментализма сторонники качественного единства значения и понятия, в том числе такие советские исследователи, как С.Д.Кацнельсон, Л.О.Резников, М.М.Гухман, Д.Н.Шмелев, А.А.Леонтьев и др. внесли значительный вклад в разработку теории лексического значения. В значительной мере благодаря этому вкладу в современном советском языкознании положение о концептуальной природе лексического значения не вызывает более споров. Однако значительное распространение все еще имеют взгляды, согласно которым значение языковых знаков является концептуальным образованием низшего уровня, чем понятия [51, с. 20-25; 122, с. 59-61]. При таком подходе лексическое значение выступает как "краткая характеристика обозначаемого предмета, минимальный набор характерных признаков (взятых из числа признаков понятия), которые позволяют экономным образом опознавать этот предмет" [99, с. 14]. Подобные определения лексического значения основываются на признании существования так называемых бытовых или формальных понятий, от-

личных от понятий содержательных (научных) [51, с. 20]. Не углубляясь в критику этой точки зрения отметим, что мы полностью солидарны с исследователями, не находящими "основательных доводов в пользу того, что между концептами - научными понятиями и концептами - словесными значениями непременно должно существовать принципиальное различие, что надо говорить о двух разных концептуальных уровнях сознания" [74, с. 43]. В "удвоении" шире понятий нет надобности, поскольку известно, что обыденные житейские понятия в процессе познания способны развивать требуемую меру глубины и точности.

Лексические значения являются понятиями в полном смысле этого слова, и проявляют все присущие понятиям признаки и качества. Всякое лексическое значение, рассматриваемое с точки зрения своего содержания, представляет собой "единое понятие, глубина и содержательность которого обусловлены опытом данной вещи, содержанием и характером всей деятельности человека, имеющей данную вещь в качестве объекта" [74, с. 44].

Однако лексическое значение - это не просто понятие, а понятие, связанное с языковым знаком. Этой его соотносительностью обусловлена возможность рассматривать лексическое значение в двух аспектах: с одной стороны, как чистое понятие, с точки зрения его когнитивной структуры и, с другой, как содержание знака, с точки зрения закреплённости за определённым знаком данного мыслительного содержания. Первый аспект исследования является в известном смысле необходимым этапом второго, поскольку нельзя изучать, как выражается нечто, не представляя, хотя бы приблизительно, что именно выражается.

Закономерности формирования понятий и их внутренняя структура изучаются в логике. Косвенным свидетельством того, как мно-

го ценного для определения содержания понятий было сделано в таких областях, как логическая семантика, диалектическая логика и др., является часто встречающийся в логической литературе указание на необходимость "избегать превращения логики в один из разделов лингвистики" [56, с. 161]. Однако лингвисты лишь в исключительно редких случаях пользуются в практике своих построений достижениями логической теории. Между тем использование понятийного анализа, несомненно способствовало бы прогрессу лексической семантики по следующей причине: четкое представление о структуре понятия, выражаемого в данном слове, помогает понять, что в данном лексическом значении идет от структуры понятия, предопределено и обусловлено этой структурой, а что - от специфически языкового воплощения этого понятия.

В данной работе методы понятийного анализа привлекаются для изучения семантики *этнос*. Будучи многозначным словом, *этнос* отражает не одно, а несколько понятий. Однако интерес, который эта лексема вызывает у многих поколений исследователей, в значительной степени обусловлен ее способностью выражать понятие "этно-социальная общность". Поэтому ниже мы проанализируем структуру понятий об этно-социальных общностях и рассмотрим, как отражается когнитивное качество понятий об этно-социальных общностях на семантической структуре лексемы *этнос* в синхронии и диахронии.

С точки зрения генезиса и сущности понятия об этно-социальных общностях, отраженные в этно-социальной лексике, являются общими понятиями, т.е. понятиями о классах. Возникают они как результат абстракции обобщения вещей с общим основанием, т.е. конкретных этно-социальных общностей с общими признаками, как-то: наличие единого бытового уклада внутри общности, этнического се-

мознания и т.д. Согласно общепринятому в логике подходу, "класс возникает в результате абстракции обобщения, т.е. мыслительной операции такого моделирования мира в сознании, которая позволяет ему оперировать не образами отдельных единичных вещей, а их обобщенными мыслительными представителями - понятиями" [74, с. 50].

Понятия о классах формируются, с одной стороны, индуктивно-эмпирическим, а с другой - конструктивно-логическим путем. Индуктивно-эмпирический путь образования понятий заключается в наблюдении вещей, выявлении их общих признаков, установлении закономерных связей между существенными признаками и последующем объединении вещей в классы согласно выявленным признакам или совокупностям признаков. Однако поскольку "на уровне обыденного сознания необходимые и случайные связи по своей природе неразличимы"

[56, с. 82], далеко не все выделяемые в процессе классообразования признаки оказываются в равной степени существенными для вещей данного класса. Эмпирическое понятие может включать наряду с необходимыми также и несущественные, случайные признаки вещей. В то же время задачи практики создают потребность в различении случайных и необходимых признаков, потребность во внесении в структуру понятия жесткой иерархической зависимости. Поэтому наряду с индуктивно-эмпирическим при образовании понятий постоянно реализуется и противоположный принцип, называемый конструктивно-логическим.

Конструктивно-логическое построение класса осуществляется следующим образом: вначале выделяется некоторый признак или набор признаков, а затем отбираются вещи, обладающие заданным признаком или признаками. Оба способа построения общих понятий сосуществуют, переплетаясь и дополняя друг друга, как два аспекта единого процесса познания, поскольку каждое понятие должно, во-

первых, быть эмпирически адекватным, и во-вторых, быть достаточно четко определенным, чтобы им можно было оперировать.

Понятие в индуктивно-эмпирическом аспекте определяется теоретиками семиологии как "изначально вероятностная структура" или "явный стохастизм" [74, с. 56]. "Содержащиеся в индуктивно-эмпирическом понятии признаки 1) характеризуются степенью вероятности вхождения/невхождения в понятие, 2) связаны предметно-логическими зависимостями, т.е. образуют структуру и 3) взаимозависимо варьируются в диапазоне возможных для них значений..." [74, с. 52]. Эти важнейшие свойства признаковой структуры индуктивно-эмпирического понятия противопоставляют его понятию конструктивному, где признаки детерминированы определением класса и не имеют вероятностного характера. "Эмпирическое понятие в силу вероятностного характера своей структуры видоизменяет свое содержание по мере накопления опытного знания". Оно "вырастает из дознакового сознания и связывает абстрактно-обобщающий уровень сознания с чувственно-наглядным... В ходе познавательного процесса совершается постоянное соотносение логического понятия и построенных на его основе логических моделей с индуктивно-эмпирическим понятием и через него с миром действительности... Образовав конструктивно-логическое понятие, мы далее сопоставляем его содержание с реальными распределениями, совмещениями, зависимостями признаков в вещах. Если при этом обнаруживается недостаточное их соответствие, понятие переформулируется и образуется новое, более адекватное конструктивно-логическое понятие о классе" [74, с. 55].

Во всяком понятии обнаруживается две стороны - индуктивно-эмпирическая и конструктивно-логическая, которые развиваются согласуясь по содержанию и объему. Рассматривая с этих позиций раз-

личные понятия, можно обнаружить, что у одних превалирует одна сторона, у других - другая.

Общие закономерности формирования понятий о классах справедливы также и по отношению к понятиям об этно-социальных общностях. Принципиально важной особенностью когнитивной структуры понятий об этно-социальных общностях является отчетливое преобладание индуктивно-эмпирического аспекта над конструктивно-логическим. Этнические общности предстают сознанию в достаточной качественной определенности, но эта определенность не может быть описана конструктивно-логически, ибо выступает как множество взаимозависимых признаков. В современной теории этнографии общепризнанным является положение о том, что "ни один из компонентов культуры не является этнодифференцирующим признаком... этнос характеризует не какой-то отдельный компонент культуры, а совокупности их, хотя и не обязательно всех" [29, с. 19]. О вероятностной природе понятий об этнических общностях свидетельствуют определения типа: "Этнос представляет собой определенную культурную целостность, многие составляющие которой, как правило, в той или иной степени обнаруживают устойчивые специфические черты" [30, с. 56]. Стохастические свойства этнической реальности позволяют современным этнологам использовать для ее описания статистические методы. В частности, советскими этнографами применяются такие показатели, как коэффициент этнической общности, коэффициент этно-территориальной общности, показатель социо-этнической плотности, индекс этнической мозаичности и т.д. [42, с. 37-39]. Получила распространение информационная теория этноса, применяющая для выделения этнических общностей такие понятия, как уровень плотности информационных связей, соотносительная плотность внутриэтнических и межэтнических инфосвязей и т.д. [25, с. 23-26]. Достижения со-

временной этнографии помогает более глубоко и всесторонне осмыслить природу этнической действительности древнего мира и отражавшие ее понятийные категории.

Сочинения древних писателей содержат убедительные доказательства, во-первых, объективно вероятностной природы этнической действительности древнего мира, и, во-вторых, ее вероятностного когнитивного отражения. Особенно богаты подобными свидетельствами сочинения "отца истории" Геродота, которого с равным правом можно назвать и "отцом этнографии". Признаки, отличающие или сближающие одни этносы с другими, привлекают самое пристальное внимание историка и описываются им с большой тщательностью. В этом отношении материал, дошедший до нас, трудно переоценить.

Так, Геродот неоднократно отмечает сходство различных особенностей вооружения, одежды и бытовой культуры соседних народов:

Φρίγες δὲ ὡς ἡογάμην οἷος Παφλαγονικῆς βίον ἔ-
χον, ὁμοίαν παρὰ Πάββακας

"Фригийцы имели вооружение, близким образом сходное с пфлагонскими, лишь с некоторыми отличиями" (7. 73).

τὰς μὲν καπατάς ἐδίχατο κύριον οὐ βεβίβας αὐ-
τῶν, αἱ δὲ ἄλλαι ἔχον κινῶνας, τὰ δὲ ἄλλα
κατὰ τὴν Ἑλλήνας

"Цари их <киприев> повязывали головы митрами, прочие носили хитоны, а все остальное у них было как у греков" (7. 90).

Λωτοφάγους δὲ εὖ παρὰ Πάββακας ἔχοντας Μάχλους,
οἷον Λωγῶ μὲν καὶ αὖτα Χρυσίονα, ἀγὰρ ὑββόν
καὶ τῶν προτέρων Λεχθέντων

"За лотофагами по побережью живут махли, которые также едят лотос, но меньше, чем упомянутые лотофаги" (4. 173).

Все отмеченные сходства не препятствуют историку отличать фригийцев от пеллагонцев, а саклиев от лотофагов. Не снижает этнических различий и сходство языка. Автор "Истории" часто и описывает ситуацию, которую в современных терминах можно назвать "лингвистическим континуумом", но объясняет ее, разумеется, по-своему:

*φιντῆ δὲ οἱ Σαυρομάται νομιζοῦσι Σινδικῆ, βο-
δοκίμοις αἰτῇ ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου, ἐπεὶ οἱ
Χρυεῖς ἐξέμαδον αἰτῇ αἱ Ἀμαζόνες*

"Савроматы пользуются скифским языком, но употребляют его издревле неправильно, поскольку амазонки плохо его изучили" (4, 117.)

I). В процессе этнической ассимиляции Геродот допускает усвоение одной этнической общностью языка другой общности, например:

*προκαταρχήκασι δὲ ἡδύβαλ μὲν πρὸς τὸ Κερικὸν
ἔδρες, ἣ οἱ Κάρες πρὸς τὸ Καλικὸν τοῦτο γὰρ
εἶναι ἔκαστος ἀρεσκόμενος διακρίνει.*

"Приблизились ли по языку кавнии к керийцам или керийцы к кавниям, я не могу определить точно" (I. 172. I). Или:

*τὸ Ἀττικὸν ἔδρες ἐὼν Πελαγονικὸν ἄρα τῇ μορᾷ
ἡ ἐς Ἑλλήνας καὶ τῇ ἡδύβαλ μορᾷ*

"Аттический народ, который был ранее пеласгическим, присоединившись к эллинам, выучил их язык" (I. 57. 3). Как видно, критерий языковой принадлежности при выделении этнической общности не является решающим.

Этноним — это наиболее яркое внешнее проявление этнического самосознания. Однако и он, согласно Геродоту, не может считаться абсолютным этнодифференцирующим признаком. Этноним изменяется во времени при сохранении этнической тождественности. В то же время экзоэтнонимы нередко не совпадают с эндоэтнонимами и выступают

как нечто в значительной мере произвольное:

οἱ δὲ Καππαδόκες ὑπὸ Ἑλλήνων Συρίαι ὀνομάζονται
 "Каппадокийцев эллины называют сирями" (I, 72). И далее на-
 ходим:

ὑπὸ πολλοῖς Ἑλλήνων καλεῖσθαι καὶ οἱ Βούδιαι Γε-
 ῥωνοί, οὗτοι ὀρθῶς καλεῖσθαι

"Эллины и будинов называют геронами, но это неправильно" (4.
 109).

Такой признак, как постоянство этнической территории также не воспринимается Геродотом как обязательный для сохранения этни-
 ческой тождественности:

εἰς δὲ ... κῆρος καὶ ἀνδρῶν ἐς τὴν ὑπὲρ
 ἐν τῷ γένει

"А керийцы пришли на материк с островов" (I. 171):

οὗτοι δὲ οἱ Φοίνικες τὸ παλαιὸν οἴκοντο ἐν
 τῇ Ἐρυθρῇ θαλάσσῃ, ἐνδύσαντες δὲ ὑπερβαίνοντες τὴν
 Συρίαν οἴκοντο τὸ παρὰ θαλάσσαν

"Эти финикийцы жили не прежде над Красным морем..., а затем пере-
 шли через Сирию и живут теперь по побережью" (7. 39. 2).

Итак, этническая действительность древнего мира характери-
 зовалась такой не известной природой этнических отличий, как и
 действительность современная. Многочисленные примеры факультатив-
 ного, вероятностного характера этнодифференцирующих признаков,
 содержащиеся в древних текстах, показывают, что в древности, как
 и в новое время, индуктивно-эмпирический способ не мог не быть
 основным при образовании понятий об этно-социальных общностях.

Способ становления понятий об этно-социальных общностях от-
 ражен в их когнитивной структуре. Введем некоторые термины, ис-
 пользуемые при анализе понятий, и в частности лексических значе-

ний. Понятие о признаке, представленное в значении слова, принято называть семантическим признаком - семой [99, с. 24]. Лексическое значение тем самым предстает как определенным образом организованная совокупность сем. С точки зрения своей значимости для лексического значения как целого признаки неравноценны, и потому в структуре лексического значения выделяются две части - интенционал и импликационал. Интенционал - центральная часть лексического значения, состоящая из признаков, наличие которых для денотатов данного класса обязательно. В составе интенционала различают родовой признак - гиперсему и дифференциальные признаки - гипосему.

Импликационал - это совокупность признаков, существование которых предполагается (имплицитруется) признаками интенционала. Поскольку в реальной действительности различные признаки предполагают друг друга с различной степенью вероятности, возможна сильная (обязательная, высоковероятностная), слабая (свободная) и отрицательная импликация, называемая также неимпликацией.

Сильный импликационал - область семантических признаков, вероятность наличия которых у денотатов данного класса приближается к единице, т.е. они обязательны или практически обязательны. Сильный импликационал наиболее тесным образом связан с интенциональным ядром значения. Слабый импликационал представляет собой область признаков, наличие или отсутствие которых в данном значении равновероятно. Это периферия конкретной семантической структуры. Наконец, неимпликационалом является совокупность сем, не совместимых с данным интенционалом.

Так, семантическая конфигурация, образующая значение "этно-социальная общность", включает сему "совокупность людей" в свой интенционал, поскольку всякая этно-социальная общность обязательно является совокупностью людей. Такие семы, как "населяющий по-

бережье", "населяющий горы", "многочисленный", "немногочисленный", "оседлый", "кочевой", "воинственный", "миролюбивый" и т.д. равно могут присутствовать и отсутствовать у денотатов класса "этно-социальная общность". Следовательно, все они входят в слабый импликационал исследуемого понятия. Такие, например, семы, как "текущий в берегах", "окрашенный в полосочку", "шестикрылый", не совместимы со значением "этно-социальная общность" и составляют его неимпликационал.

Понятия, где доминирует когнитивно-логический аспект, имеют четкую семантическую структуру. Их интенционал является жесткой конфигурацией конечного числа признаков. Импликационал четко дифференцирован от интенционала, а внутри интенционала гиперсема четко отделена от гипосемы. Для разъяснения такого значения достаточно привести семы интенционала.

Напротив, значение, образованное преимущественно индуктивным путем, не имеет развитой внутренней организации. В результате эмпирического обобщения возникает широкий, но слабо структурированный набор семантических признаков, в котором ядро четко не выделено, и границы между интенционалом и импликационалом размыты. Безусловно определенной выступает только гиперсема, а гипосема сливается с областью сильной импликации. Определить такой класс достаточно непросто, поскольку кроме гиперсем приходится приводить еще значительное количество признаков сильной импликации.

Понятия об этно-социальных общностях образованы, как было показано выше, преимущественно индуктивным путем, и потому их лексическим значениям присущи все свойства явных стохастизмов. Их характеризует чрезвычайно общая гиперсема "люди" и весьма широкая гипосема "обладающие общим этническим самосознанием, обычаями, языком, этнической территорией и т.д." с очевидной тон-

денцией к растворению в сильновероятностном импликационном поле, поскольку, как уже было сказано, даже такие признаки, как общий язык, этническая территория, обычаи, религия и т.д., являются этнодифференцирующими лишь в вероятностном смысле.

Из сказанного следует важный практический вывод о способах описания анализируемого значения, а именно: оно не может быть описано конечным числом признаков, т.е. не может служить объектом компонентного анализа и других исследовательских процедур, ориентированных на значения скрыто-стохастического типа.

До сих пор речь шла о структуре лишь одного из значений лексемы *Этнос*. Между тем за данной лексемой, как и за большинством словесных знаков, закреплён целый ряд разнообразных значений. Соседство значений в понятийной структуре слова не произвольно (в этом случае единство знака постоянно разрушалось бы различием в содержании), а обусловлено естественно существующими в сознании ассоцированием понятий, их концептуальными связями.

Определим некоторые понятия, используемые при анализе многозначного слова. Каждое из значений многозначного слова мы будем называть словозначением или значением лексико-семантического варианта (ЛСВ). В согласии с традицией отечественной семасиологии, идущей от А.И.Смирницкого, мы понимаем под ЛСВ "совокупность всех грамматических форм данного слова, соотнесенных с одним определенным значением" [99, с. 23]. Членение словозначений на импликационал и интенционал, а этого последнего — на гипер- и гипосему позволяет четко и экономно описать соотношения различных лексико-семантических вариантов (ЛСВВ) в понятийной структуре слова. Возможны два типа содержательных связей между значениями: импликационные и классификационные связи, называемые также типами лексико-семантического варьирования. Первые отражают реальные связи

сущностей объективного мира, вторые - общность признаков в сущностях объективного мира.

Как и сами реально отношения объективного мира, отражающие их импликационные связи исключительно многообразны: это пространственно-временные, причинно-следственные, отношения части и целого, признака и вещи, материала и изделия из него и т.д. При импликации общего вида интенционал исходного значения имплицитует гиперсему производного значения, а сам выступает как его гипосема. Проиллюстрируем указанное развитие значений на примерах из словарных статей *νόσος* и *χαλκός* в LSJ :

νόσος I.I. труд, особенно тяжелый труд (**work, esp. hard work, toil**) и II. все, что произведено трудом (**anything produced by work**), *μετὰ ββαῖν γυνὸς νόσος* Pl.P. 6. 54 - о меде.

В данном примере между двумя указанными значениями наличествует импликация по типу "процесс" - "результат".

χαλκός I.I медь (**copper**) *ἐργαστὸς χαλκός* Il. 9. 365, II.I у поэтов часто - обо всем, что сделано из металла, особенно об оружии (**in poets freq. for anything made of metal, esp. of arms**) *ὅς τις ἐκ' ἔβλυτος καὶ ἀνδράγατος ὄρεϊ χαλκῷ δουρὶα κατὰ μέεβον* Il. 4. 540, о рыболовном крючке Il. 16. 408 , II. 2 о сосудах (**of vessels**), Il. 18. 349, II.3. о бронзовом зеркале (**of bronze mirror**), A.Br. 393, II.4 собирательно - медные деньги (**collectively, copper money**) II.5. = *χαλκίνα* , бронзовая пластинка или табличка. В данной статье между всеми значениями I.I и всеми разнообразными значениями раздела II. существует однотипное импликационное отношение "материал" - "изделие из этого материала". Каждое из производных значений имеет собственный родовой признак - гиперсему: "предмет оружия", "предмет посуды", "зеркало", рыболовный крючок",

"монеты", "пластинка, дощечка". В качестве гипосемы выступает признак "медный", который является интенционалом исходного значения.

Классификационные связи не предполагают каких-либо реальных отношений между сущностями - их общность устанавливается только в сознании, на уровне соответствующих понятий. Возможны два подтипа классификационных связей: гипер-гипонимические и симулятивные (метафорические). При гипер-гипонимической связи одно из значений составляет гипосему другого. Например, в статье *кэдурма* видим: I. сидеть (**to be seated, sit**) 7. об областях или странах, быть расположенным (**of districts or countries, lie**) *Хурне*
Ормоне кэдурма **Thphr. № 8.8.7.** Значение "быть расположенным, иметь положение в пространстве" выступает как гиперсема первого значения, поскольку последнее, кроме этой семы, содержит еще и дифференцирующий признак "сидячей позы".

В статье *гэху* находим следующее развитие значений:
II. I. судьба, провидение, рок (**fortune, providence, fate**) *пэме*
гэху кеи рога, Перикесс, адрэ адрэ
III. I. благая судьба, успех, удача (**good fortune, success**) *бэ жэр*
Джэи энорэби, аэ жэр эи ... эс гобоге гэхуэ эмиеи
Nat. 1. 124, III. 2. злая судьба (**ill fortune**) *гоаиуви*
перемпгои гэхуви **Nat. 6. 16.**

Значение "судьба" (II. I) входит в значения III. I. и III. 2 на правах родового признака. Гипосемами являются соответственно понятия "благая" и "злая".

При симулятивной (метафорической) связи семы импликационала или интенционала исходного значения становятся гипосемой производного. Гиперсемой производного значения может выступать любой класс, в котором возможен подкласс с данной гипосемой. Например:

λάμπω I. светить, сиять (give light, shine) πῶς λάμπει
блвв Всп. 84.6, 2. о звуке, звучать громко и ясно (of sound,
ring loud and clear) παρὲν δὲ λάμπει S.OT 186.

Структура первого, исходного значения включает гиперсему "све-
тить" и гипосему "ярко, интенсивно". Эта же гипосема входит и во
второе значение, но здесь она присоединяется к гиперсеме "звуч-
ать". Или же χαλινός I. узда (bit), 2. переносно обо всем,
что сдерживает, ограничивает (metaph., of anything which curbs,
rest reins, or compels) Pl. P. 4. 25

- о якорь. Дифференциальный признак "служащий для сдерживания"
объединяет первую семантическую структуру со второй. Гиперсемы
первичного и производного значений в обоих приведенных примерах
не взаимосвязаны друг с другом.

Описанные взаимосвязи значений в многозначном слове и отно-
шения, возникающие в ходе семантической эволюции, суть связи од-
ного качества: и те, и другие основаны на общих механизмах ассо-
циирования понятий. Порождение новых ЛСВВ слова осуществляется
от уже существующих ЛСВВ по одному из типов семантического варьи-
рования. Это позволяет рассматривать семантическую структуру сло-
ва как статически, в плане синхронии, т.е. с точки зрения того,
какие значения в данной структуре содержатся и как они соотно-
сятся, так и динамически, т.е. с точки зрения того, какие значе-
ния могут быть в ней развиты.

Если рассмотреть в этой последней позиции лексико-семанти-
ческий потенциал ЛСВ "отно-социальная общность", то можно конста-
тировать следующее: 1) поскольку в гипосеме и высоковероятност-
ный импликационал исследуемого ЛСВ входит широкий набор призна-
ков, возможности дальнейшего варьирования весьма велики: 2) сема
"совокупности, множественности" является в семантической структу-

ре данного ЛСВ одной из центральных. Между тем выше мы видели, что интенциональные признаки при двух типах варьирования, имплицитном и гипер-гипонимическом, сохраняются полностью, а в случае симуляции служат имплицитными. Это дает основания полагать, что сема "совокупность" присутствует также и в большей части слово-значений, связанных с данным ЛСВ. Следовательно, словозначения, соседствующие с ЛСВ "этно-социальная общность", будут в большинстве своем обозначениями классов, и семный состав их будет весьма разнообразен.

Наше представление о семантике лексемы *Σδν* будет неполным, если мы ограничимся лишь рассмотрением соотношений ЛСВВ в пределах слова. Каждый ЛСВ является также частью общей системы номинативных средств языка, т.е. взаимодействует и с другими ЛСВВ других слов. Отдельные словозначения многозначных слов не являются в этом аспекте равноценными. Для описания их значимости в семантической системе языка применяется понятие "статус словозначения". Под статусом словозначения понимается "характеристика ЛСВ слова по реальным возможностям его функционирования в речи, связанная с ограничениями, которые могут быть наложены на употребление слова в том или ином свойственном ему значении" [73, с. 122]. На ограниченность отдельных ЛСВВ слова указывал еще В.В.Виноградов, выделявший прямые номинативные, фразеологически связанные, синтаксически и конструктивно ограниченные словозначения [99, с. 35 - 38]. Формальные (несодержательные) параметры, по которым отдельные словозначения различны между собой, называются также статутными признаками.

Одним из наиболее существенных статутных признаков является первичность-вторичность словозначения. Первичное значение принципиально отличается от всех вторичных, поскольку принадлежит уров-

ню прямой (первичной) номинации, т.е. является непосредственным обозначением соответствующей реалии. Напротив, вторичные значения производны от прямых и не являются прямыми именованиями соответствующих объектов, они всего лишь реализуют определенную возможность развития концептуальной структуры прямого значения. Существование вторичных словозначений (уровня вторичной номинации) является важнейшим свойством семантической системы естественных языков, поскольку позволяет обозначать объекты, не имеющие прямого обозначения, не увеличивая общего числа словарных единиц и не усложняя синтаксических структур высказывания. Строго говоря, весь уровень вторичной номинации принадлежит сфере потенциального, это не конечный перечень определенных вторичных значений, а открытая система - область возможного развития первичных семантических комплексов. При этом некоторые из возможностей семантического развития поддерживаются сильной номинационной потребностью, часто употребляются в речи и оформляются в устойчивые узусальные вторичные значения. Граница между вторичной и первичной номинацией не является неизменной во времени, т.к. вторичные словозначения способны усиливать свои позиции в узусе и успешно конкурировать с прямыми.

Помимо первичности-вторичности, т.е. ономаσιологической нормативности или ненормативности, словозначения различаются характерными синтаксическими признаками, грамматическими конструкциями, лексической сочетаемостью и т.д. За последние десятилетия немало сделано для выявления всех возможных статутных признаков словозначения, т.е. для уточнения и расширения числа параметров, предложенных В.В.Виноградовым. Так, в своей монографии "Лексическая структура слова" М.В.Никитин дифференцирует следующие основания соотносительной характеристики словозначений: "1) способ по-

иминации; 2) референционная достаточность; 3) частотность; 4) мотивированность морфологической структурой десигнатора (соответствие внутренней форме десигнатора); 5) полнота словообразовательных рядов (парадигм), объем словообразовательных гнезд, суммарная частотность слов словообразовательного гнезда; 6) полнота формообразовательных парадигм; 7) объем разрешенных синтаксических функций; 8) круг синтаксических валентностей; 9) объем и полнота лексической сочетаемости; 10) логические ограничения сочетаемости в результате взаимодействия словозначений; 11) наличие десигнаторных (формальных) вариантов словозначений; 12) употребление в семантических функциях репрезентации и дефиниции денотата; 13) употребление в частной и общей соотнесенности; 14) степень конкретности/абстрактности словозначений; 15) число содержательных связей в семантической структуре слова" [73, с. 58].

Первые тринадцать оснований автор считает собственно языковыми, два последних — понятийными. Для ранжировки словозначений в пределах одного слова наиболее существенными ему представляются 1), 2), 3), 5), 9) и 14) основания.

Приведенные основания соотносительной характеристики словозначений не являются независимыми. Некоторые из них соотносятся как причина и следствие, например 5) — 11) и 3). Признаки с пятого по одиннадцатый раскрывают отдельные аспекты той закономерности, что иерархически главенствующее словозначение синтагматически свободнее и парадигматически объемнее, чем словозначение более низкого статуса. Пятый признак утверждает это относительно словообразовательных парадигм, шестой — относительно словоизменительных. Одиннадцатый признак (наличие десигнаторных вариантов), по нашему мнению, также может быть отнесен к характеристикам словообразовательных парадигм, поскольку при рассмотрении лексемы с

точки зрения ее понятийного содержания десигнаторы, образованные по разным деривационным моделям, выступают только как формальные морфологические варианты плана выражения. Результатом более многообразной сочетаемости и большего парадигматического богатства доминирующего словозначения является его большая частотность (признак 3).

Определение иерархии словозначений в семантической структуре слова, т.е. идентификация первичного значения и выявление отношений взаимопроизводности между отдельными значениями представляют собой сложную теоретическую проблему. Значительные неясности возникают и при практическом применении статутных критериев. По мнению М.В.Никитина, основные затруднения при выявлении статуса конкретного словозначения заключаются в следующем: "1) не вполне выяснены понятия конкретного и абстрактного значений, неизвестны критерии степени конкретности - абстрактности значений и тем более неизвестна какая-либо методика... оценки словозначений по этому основанию; 2) не вполне выяснены понятия прямого и переносного значений и неизвестна убедительная методика установления такого соотношения между словозначениями и тем более ... определения степени зависимости переносного значения от прямого; 3) отсутствуют достаточные данные о частотности словозначений, тем более, что в идеальном случае следовало бы учитывать не просто частотность словозначения, а суммарную частотность всех словоформ, однокорневых производных и сложных слов, а также словосочетаний, связанных с рассматриваемым словозначением; 4) не всегда ясны границы разрешенной и запрещенной сочетаемости, объем лексической и синтаксической валентности и даже объемы словообразовательных рядов; более того, не всегда можно с уверенностью сказать, разрешены или запрещены те или иные словоформы в парадигме словозначения

ния; к тому же все эти вопросы еще не обследованы и не изучены с достаточной полнотой; 5) зачастую сложно установить степень референционной достаточности словозначения, т.е. определить, насколько императивна потребность в вербальных уточнителях для десигнатора в данном значении.

И наконец, следует указать на главную трудность — сложность демаркации полисемии, так что иногда приходится сопоставлять словозначения без должной убежденности в том, что сравниваешь то, что нужно" [73, с. 61] .

Итак, принятая нами теоретическая модель многозначного слова предполагает, что это последнее является системой взаимосвязанных ЛСВВ. Для исчерпывающего описания многозначного слова необходимо: 1) выделить его ЛСВВ; 2) описать связи между ними; 3) описать статус ЛСВВ.

Многозначное слово является развивающейся системой. Это означает не только развитие в нем новых ЛСВВ согласно правилам концептуального варьирования, но и постоянную динамику статуса ЛСВВ. Словозначение, бывшее когда-то иерархически главенствующим, может оказаться вытесненным на периферию слова, а затем исчезнуть окончательно из его структуры, в то время как другое, бывшее вторичным, займет его место. Этот процесс собственно и является "возникновением нового значения слова" в этимологическом смысле. Тем самым полное описание диахронии многозначного слова должно заключаться в выделении упорядоченного набора словозначений для каждого исторического периода.

В классико-филологической семасиологии указанная задача в большинстве случаев до конца не разрешима из-за особенностей материала. Как определение состава словозначений, так и их статутная ранжировка в древних и новых языках не совпадают ни по методам

ни по результатам. Что касается определения связей между ЛСВВ, то закономерности импликационного и классификационного варьирования имеют универсально-логическую природу. Следовательно, они воспроизводятся и адекватно понимаются во всех языках в любой исторический период (в той мере, в какой носители этих языков владеют общими знаниями о реальном мире).

Обратимся вначале к различиям в выделении отдельных слово-значений. Для демаркации полисемии в новых языках используется целый ряд приемов, неравноценных по своей методологической значимости: сравнение сочетаемости ЛСВВ, их синонимических замен и антонимов, переводных эквивалентов, сравнение возможных для данных ЛСВВ синтаксических трансформаций, сравнение дефиниций в толковых словарях, компонентный анализ и т.д. Очевидно, что далеко не все они могут быть использованы при исследовании полисемии в древних языках. Все утверждения о синонимии и антонимии в древних языках носят гипотетический характер. Мы лишены возможности судить о семантической эквивалентности тех или иных трансформаций, а также не располагаем толковыми словарями древнегреческого языка VIII-IY вв. до н. э. В конкретном случае к лексеме *ἐνός* неприемлем и компонентный анализ. Даже анализ данных двуязычных словарей не имеет в случае классических языков того смысла, который он имеет в случае языков новых, поскольку словари древних языков основаны на некотором множестве текстов и не могут быть верифицированы никак иначе, кроме как теми же текстами. Содержащиеся в словарях древних языков данные о ЛСВВ отдельных слов плохо согласуются между собой, а зачастую просто противоречивы.

Неизбежная ограниченность текстами, т.е. по существу закрытый характер семантической системы древних языков, накладывает свой отпечаток и на выявимость статутных признаков.

Ясно, что при характеристике словозначений древней лексики можно пользоваться только теми критериями сравнения, основания которых непосредственным образом могут быть выявлены в тексте, т.е. только формальными. Исследователи древних языков лишены возможности использовать, например, такой критерий, как референционная самодостаточность словозначения (2), поскольку для своего корректного применения он требует психолингвистического эксперимента. Однако взаимозависимость критериев позволяет в определенной мере компенсировать отсутствие обратной связи в изучаемой семантической системе. Так, некоторые данные о референционной достаточности можно почерпнуть из текстов, исследуя употребление словозначений в функциях репрезентации и дефиниции (критерий 12): первичное введение денотата в текст осуществляется, как правило, репрезентативно достаточным словозначением.

Выше было достаточно сказано о трудностях определения статуса словозначений и об относительности получаемых результатов. Еще более относительными все упомянутые критерии будут в классико-филологической семасиологии. В несохранившихся текстах могут быть представлены другие, кроме известных нам, дериваты (5-й критерий), грамматические формы (6-й критерий), синтаксические функции и валентности (7-й и 8-й критерии), десигнаторные варианты (11-й) и наконец иная лексическая сочетаемость (9-й критерий). Косвенно от сохранности материала зависят такие признаки, как 4-й, 10-й, 15-й, поскольку, например, количество содержательных связей в семантической структуре слова зависит от количества выявленных словозначений, а это последнее - от состава сохранившихся текстов, их тематических, диалектных, стилистических и иных характеристик. Тем более значительной видится роль каждого языкового факта, который может быть интерпретирован как статутный признак

изучаемого словозначения.

§ 2. Семантическая структура лексемы *ἔδος* по данным лексикографии

При изучении семантики лексемы *ἔδος* за основу нами взяты следующие двуязычные словари: F. Passow. Handwörterbuch der griechische Sprache / Bearb. v. E. Rost, G. Palm etc. - Leipzig, 1841-1857 (далее - Passow), Thesaurus Graecae Linguae / Ed. H. Stephani. - Paris, 1831-1865 (далее - TGL), A. Bailly. Dictionnaire grec-français / Ed. 4-me, Paris, 1903 (далее - Bailly, Древнегреческо-русский словарь / Сост. Дворецкий И.Х. - М. (далее - ДГРС), V. Magnien, M. Lacroix. Dictionnaire grec-français, Paris-Berlin, 1969 (далее - ML), H. G. Liddell, R. Scott. Greek-English Dictionary / 9-th ed. - Oxford, 1985 (далее - LSJ).

Выбор указанных словарей обусловлен следующими причинами: во-первых, необходимо было показать все многообразие представлений филологов-классиков о семантике лексемы *ἔδος*. С этой целью в число анализируемых включены словари, составленные учеными разных национальных школ и имеющие разный метаязык описания. Во-вторых, представлялось необходимым отразить развитие лексикографических подходов к лексеме *ἔδος* на фоне эволюции общих принципов описания лексики. Поэтому использовались не только словари, составленные в последние 30-40 лет, но и наиболее фундаментальные лексикографические разработки ученых прошлого столетия. В-третьих, необходимо было представить наиболее авторитетные и (относительно) независимые друг от друга издания, выполняющие в классико-филологической практике функцию словарей-образцов. Поэтому особое внимание мы уделили рассмотрению толкований LSJ как лексикографического источника, высоко оцененного семасиоло-

лами всего мира. Удобной точкой отсчета для нашего обзора служит словарь Ф.Пассова, поскольку его картотека послужила основой картотеки **LSJ**. . Сопоставляя данные этих двух словарей, мы наблюдаем, как преимущественность толкований, так и обогащение лексикографии новым материалом и новыми теоретическими подходами. Нельзя не указать и на труднодоступность таких источников, как "**Diccionario griego-español**" и продукции компьютерной лексикографии. Кроме того, русскоязычным филологам-классикам особенно важно представить себе способ подачи лексики в ДГРС. В целом использованный словарный материал отражает развитие лексикографической мысли за более чем двухсотлетний период.

Анализируя характеристику лексемы *ἑδρας* в указанных словарях, мы будем придерживаться хронологической последовательности.

Словарь Пассова дает для *ἑδρας* следующее развернутое толкование: "**jede zusammengewöhnte, durch Gewohnheit verbundene, Zusammenlebende Menge**". Частными случаями такого значения^I выступают гомеровские употребления *ἑδρας ἑταίρων* "Schar" и *ἑδρας λαῶν* "der Kriegsvölker". Применение *ἑδρας* к животным Пассов объясняет семантическим переносом. Из указанно-

I. Рассматривая словарные статьи **s.v.** *ἑδρας*, мы пользуемся для обозначения их составных частей понятием "значение". Это вынужденно нетерминологическое употребление объясняется тем, что компоненты значения, выделяемые в различных словарях, с точки зрения своей семантической природы представляют собой как отдельные ЛСВВ, так и их сочетания. Определение же того, чем именно является данное словарное значение, ЛСВ или их совокупность, увело бы нас слишком далеко от нашей основной задачи.

го первичного значения происходят также **"Geschlecht"**, которое автор иллюстрирует примерами из Пиндара *ἔθνος ἀνθρώπων* (O. I. 66) и *ἔθνος ἰουδαίων* (P. 4. 252), и **"Stamm"**, в впоследствии также и **"Volk, Völkerschaft, Nation"**. Это последнее Пассов считает наиболее употребительным (**"die gewöhnlichste"**) в период после Фукидида. Отдельно отмечено употребление *ἔθνος* Гиппократом (Loc. Nom. 1) в смысле *tribus* и наличие композита *ἐθνομία* на основе этого ЛСВ.

Все приведенные выше значения относятся Пассовым к одной рубрике, которой противостоит вторая - "все неевреи или нехристиане" (у писателей христианского периода).

Следующий рассматриваемый нами словарный источник - **TGL** излагает интересующую нас семантику существенно подробнее, нежели Пассов, и по несколько иной логической схеме. Основным значением *ἔθνος* считает **"gens, natio"**, которое иллюстрируется примерами из авторов классического периода: Фукидида, Ксенофонта, Эсхине. Далее выделяются две разновидности переносных значений, первая из которых заключается в употреблении *ἔθνος* **"pro ordine et societate ac genere hominum"**, а вторая - **"de brutis"**. При этом первая разновидность трактуется весьма широко: в нее входят не только контексты, где *ἔθνος* обозначает собственно **"ordo"**, т.е. сословие или класс - у Ксенофонта, Платона и Аристотеля, но и более ранние пиндаровские употребления. Их автор статьи считает чистыми поэтизмами: **"Non dubito autem quin ἔθνος pro certorum hominum multitudine ex Homero petiverunt ejus posterī, dicente aliquoties ἔθνος ἐλαίων aliaque huiusmodi nonnulla"**.

Как традиционные поэтизмы интерпретируются и употребления по отношению к животным.

Нельзя не отметить, что **TGL** -- единственный словарь, четко указывающий на поэтический характер отдельных словоупотреблений. Замечательны также латинские аналоги, которыми сопровождаются отдельные контексты: вергилиевское **"vasti gens humida ponti"**, **"aetia ferarum"** Лукреция и т.п.

Еще два значения описываются **TGL** как *élve* pro *jivos* причем в одном случае подразумевается **"genus"**, а в другом - **"genus civitatis"**. Если первое значение, как мы видели выше, выделяется Нассовом, то второе (**"genus civitatis"**) отсутствует не только у Нассова, но и в абсолютном большинстве последующих лексикографических пособий. **TGL** иллюстрирует это значение сообщениями Поллука (9, 8; 8, III), а также глоссами Фотия и Суда.

Помимо леммы *élve*, **TGL** содержит также лемму *élvy* (Pl.) с двумя основными значениями: **"provinciae populi Romani"** и **"gentes, gentiles"**. Таким образом, в нем последовательно проводится разделение ЛСВВ, не совпадающих по объему разрешенных грамматических форм.

В словаре М. Байи лексеме *élve* дается следующее толкование: **" propr.(proprement - Ю.К.) toute classe d'êtres d'origine ou de condition commune"**.

Это значение, по мысли автора, получает развитие в двух направлениях: во-первых, **"Race, peuple, nation, tribu en gen. (en général - Ю.К.)"** и во-вторых, **"abs.(absolument - Ю.К.) race de peuple, race, nation"**. Первая семантическая область включает как обозначения множеств людей (подпункт 1), так и множеств животных (подпункт 2). Сюда Байи относит употребления *élve* Пиндаром, а также гомеровские контексты из "Одиссеи" и *élve λαών* "Илиады" (13. 425). Третью подгруппу с пометой **"p. anal. (par**

analogie - Ю.К.)" обрезают употребления *ἔθνος* у Ксенофонта и Платона в значении "classe, corporation, selon la profession", четвертую - значение "sexe".

Второе направление развития *ἔθνος* понимается автором как собственно этнографическое. В этой связи Байи приводит противопоставление *ἔθνος - γένος* у Геродота (I. 56), толкуя *γένος* как "subdivision de *ἔθνος* ", а также позднейшие противопоставления провинциалов (*ἔθνη*) ~~и~~ и язычников - евреям. Таким образом, разделение значений *ἔθνος* у Байи отличается определенным своеобразием по сравнению с приведенными мнениями других лексикографов.

ДГРС, составленный И.Х.Дворецким, содержит восемь значений слова *ἔθνος* , которые подаются автором как иерархически равнозначные, т.е. без внутренней рубрикации или указаний на производность значений, а именно: "1) общество, группа, толпа; 2) класс, сословие, 3) пол; 4) племя, 5) народность, народ; 6) pl. языческие племена, язычники; 7) род, вид, порода; 8) стая, стадо, рой". В первой рубрике автор отмечает, что *ἔθνος* может употребляться "описательно", т.е. в составе следующих перифразистических выражений: Ἀχαιοὶ ἔθνος (Ил. 17. 552) = Ἀχαιοί, προγόν, προγόν или Ἰωάνην ἔθνος (Р1.Н. 3,74; II.42 etc.) = βροτεί, ἄνθρωποι, ἔθνος ἀνθρώπων (Р1.О.1.66) = ἄνθρωποι. ДГРС - единственный словарь, эксплицитно указывающий на десемантизацию *ἔθνος* в подобных словосочетаниях. В плане подачи этнографических значений лишь ДГРС проводит разделение между понятиями "племя" и "народ, народность". У остальных рассматриваемых авторов эти значения не разделяются. Не разделяются другими лексикографами и значения "вид, порода" и "стая, стадо, рой" - как мы видели выше, они повсюду выступают как единое "употребление *ἔθνος* по отношению

"
к животным.

В словаре Маньена-Лакруа, как и в ДГРС, значения даются без иерархического структурирования. Их шесть, и они сопровождаются подробными разъяснениями. Первое из них по толкованию "**groupe, masse, troupe de gens ou d'êtres agissant ensemble**" напоминает исходное значение Пассова, но иллюстрировано лишь чрезвычайно общим примером *ἔθνη λαόν*. Второе значение "**groupe, ensemble, classe, foule d'êtres ayant même nature**" авторы представляют на примере гомеровского *ἔθνη μετ' ἑαυτῶν* (II. 2. 87). За ним следует традиционно сформулированное третье "**classe, corporation, groupe des gens ayant même profession**" и четвертое "**sexe**" значения, последнее - с пометой "**par ext.**" (**par extension** - Ю.К.). Этнографическое содержание лексемы *ἔθνη* раскрывается следующим образом: "**groupe des gens ayant mêmes habitudes, même origine, peuple, nation, race**". Завершает статью позднее ("**depuis Arst.**") значение "**nation étrangère, peuple étrangère**" и его христианское переосмысление "**gentils**".

В словаре LSJ приводится семь значений лексемы *ἔθνη*, причем в отличие от ML и ДГРС, в нем предусмотрена внутренняя рубрикация значений. Богато иллюстрировано примерами из Гомера, Пиндара и трагиков первое значение "**number of people living together, company, body of men**": *ἔθνη παρ' ἑαυτῶν* II. II. 724, cf. 7.II5, Od. 10.526 etc., Pl.K. 3. 74; II. 42 etc. В этом пункте авторы LSJ прямо повторяют как формулировку Пассова ("**living together = zusammenlebende**"), так и его контекстные материалы: II. 3. 32; 7. II5; 13. 495; Pl.O. I. 66; P. 4. 252 etc. Отсутствует и противопоставление множеств людей множествам животных, поскольку под тем же значением приведены примеры,

касаящиеся птиц, мух и др. (Il. 2. 87, 459, 469, *ἔδνυ*
δυστ s. Ph. II47, Ant. 334 etc.). Здесь не отдельно
отмечено применение *ἔδνυ* к Эриниям (A. Bu. 336).

Особый интерес представляет цитирование в том же разделе
словарной статьи гомеровских употреблений *Λοκίων πέλας ἔδνυ*
(Il. 12. 330) и *Ἀχαιῶν ἔδνυ* (Il. 17. 552), поскольку
собственно этнографические обозначения сосредоточены в следую-
щем, втором разделе, которому предпослан перевод "nation, people".
Само же значение "нация, народ" (2 а) названо авторами "послего-
меровским" - характеристика, не применявшаяся в предшествующей
лексикографии. Далее LSJ повторяет замечание о противопоставле-
нии *ἔδνυ* - *γένος*, с которыми мы уже встречались у Байи.
Описывая значение "нация, народ", авторы LSJ выделяют два позд-
нейших его развития в подрубрики: "foreign, barbarous nations"
- 2 б, уже известное нам "provinciae" - 2 с. Первое из них огра-
ничено в своем употреблении артикулированной формой множественно-
го числа, второе встречается также и в единственном (в TGL иначе
- pl. tantum). Хронологически первым примером на "foreign
nations" признается Arist. Pol. 1324в 10, где *ἔδνυ* противо-
поставлено *ἔσσυες*. Сюда же относятся авторами и примеры из
эпиграфики: *ἔδνυ κοινὰ τοῦ Βεδάωιν*, IM 2203 (Syria) и
"athletic clubs of non-Athenians", согласно IG 2. 444 .
В продолжение развития "foreign nations" дается употребление
"non-Jews" и "Gentiles".

Третьим значением *ἔδνυ* по LSJ является "class of
men, caste, tribe", иллюстрируемое стереотипными примерами Pl.
lg. 776 d, Plt. 209 b, Org. 445 b, X. Sup. 3 - 6. Расширяет
наше представление о диапазоне этого значения эпиграфический ма-
териал: OGI 90. 17 (II в. до н.э.), где *τὰ ἔρη ἔδνυ*

обозначает "the orders of priests", и папирусные находки P. Petr. 3, p. 67 (III в. до н.э.), где *ἐδρυ καὶ ἐργασίῃα* интерпретируется как "trade-associations or guilds".

Четвертое значение LSJ совпадает по формулировке "sex" и иллюстративному материалу (единственный контекст X. Оес. 7. 26) с аналогичными статьями в ML, Бэйи и др. Напротив, в выделении пятого значения *ἔδρυς* LSJ следует лишь за Пассовом, переводя толкование "Teil, Glied" как "part, member".

Шестое значение добавлено в рассматриваемую словарную статью в 1968 году и дается без прямого перевода, а лишь с указанием на сферу применения "of things" и единственным контекстом IG 2²: I20. I4 (Афины, IV в. до н.э.).

Перечисленные шесть значений образуют раздел I, описывающий абсолютное большинство употреблений *ἔδρυς*, за исключением одного - P.L. 5. 43. Специально для этого контекста выделен раздел II: "of a single person, a relation". Помимо LSJ, ни в одном из анализируемых словарей это значение не выделено.

Таким образом, принципы исторической и логической полноты описания реализуются цитируемыми авторами в разной степени. Обращает на себя внимание сильная зависимость таких словарей, как Пассов и Бэйи, а также отчасти ML, от этимологических построений. Так, Пассов, принимая версию *ἔδρυς < ἔδος*, акцентирует момент сходства привычек и обычаев у членов множества - *ἔδρυς*: "jede zusammengewöhnte, durch Gewohnheit verbundene ... Menge" а Бэйи сосредоточивается на общем происхождении "classe d'êtres d'origine... commune" (подчеркнуто нами - Ю.К.), поскольку убежден в справедливости возведения *ἔδρυς* к сир. "vrđh" "расти". Между тем природа нашего материала такова, что предполагает строгое

разделение этимологического и историко-этимологического аспектов описания *Edva* в словарях.

Необходимость этого разделения станет очевидной, если мы рассмотрим, какое место отводится этимологическому значению в интерпретации семантической структуры слова. Полученный в результате этимологизирования ЛСВ_{эт} включается в структуру других ЛСВВ слова, зафиксированных в наиболее ранней части текстов. В частном случае словозначение, выделенное в результате этимологизирования, может совпасть с уже зафиксированным в данном слове ЛСВ. Поскольку реконструированный ЛСВ_{эт} является первичным в диахроническом смысле, он нередко понимается также и как первичный в статутном смысле. Тем самым ЛСВ_{эт} воспринимается как основное, иерархически главенствующее словозначение данной лексики, а остальные ЛСВВ - как производные от него. Примеры такой интерпретации мы наблюдали выше у Пасова и Байи.

Однако этимологическая реконструкция основывается на данных исторической дериватологии, т.е. на реконструкции значений морфем и реконструкции словообразовательных моделей. С увеличением хронологической глубины реконструкции достоверность ее результатов падает. Легко понять, что ЛСВ_{эт}, будучи результатом многоступенчатой словообразовательной реконструкции, не может быть более достоверным и информативным, нежели любой из ЛСВВ в текстах. Если же недостоверный ЛСВ_{эт} занимает место первичного, иерархически главенствующего ЛСВ слова, то это неизбежно искажает перспективу семантической структуры слова и приводит к логическому противоречию, когда более достоверный и информативный материал интерпретируется сквозь призму менее достоверного и информативного.

Противоречия не возникает, если достоверность текстового лексико-семантического варианта или вариантов сопоставима с достовер-

ностью реконструируемого ЛСВ_{эт}, что бывает в случаях галексов, глосс и другой редкой лексики.

И если постулирование первичности ЛСВ_{эт} в ходе семасиологического исследования можно считать допустимым как исследовательский прием, то в словаре, призванном сообщать достоверную информацию о слове, это вряд ли оправдано. Что же касается лексемы *élves* имеющей длительную и надежно зафиксированную письменную традицию, то в словарях она может и должна объясняться на основании текстовых, а не этимологических данных.

Такие словари, как **Тол** и **ДГРС**, выгодно отличаются от Пассова и Байи полным отсутствием какого бы то ни было этимологического детерминизма и последовательной ориентацией на тексты. Несомненным достоинством **Тол** является также и пристальное внимание к центральным областям семантической структуры *élves*. Однако в **Тол** не всегда последовательным выглядит разделение контекстного материала по рубрикам. В еще большей мере этот недостаток свойствен **LSJ**. Так например, в рубрике I.I **LSJ** значение сформулировано как "number of people...., body of men" (подчеркнуто нами - Ю.К.), но в ней приводятся и контексты, относящиеся к животным и Эриниям. По соображениям корректности описания следовало бы либо расширить формулировку рубрики, либо выделить для понятий иной признаковой структуры отдельную рубрику. В этом плане словарям прошлого столетия, а также **LSJ** в той мере, в которой он сохраняет их черты, противостоят словари середины XX столетия, в частности **ДГРС** и **МЛ**, демонстрирующие высокое качество логической обработки материала. Толкование **ДГРС** следует считать образцовым с точки зрения отсутствия в нем логических противоречий.

Нетрудно видеть, что расхождения в подходах к семантике лексемы *élves* между различными лексикографическими школами весьма

значительны начиная с расхождений, касающихся состава ЛСВВ лексе-
мы *ἔθνος*. В таблице I по горизонтали расположены значения

LSJ в порядке возрастания номеров, сопровождаемые для удобства условными латинскими переводами. Этими переводами мы будем пользо-
ваться ниже для обозначения ЛСВВ. Если данное значение **LSJ** в
каком-либо из помещенных по вертикали словарей не отражено, в со-
ответствующей клетке стоит знак "-". Если же это значение представ-
лено, то указан номер содержащей его словарной рубрики. Для **TOL**,
где рубрики не нумерованы, наличие значения отмечено знаком "+".

Сверх имеющейся в **LSJ** классификации значений, в таблицу
введены два разделения, которые принимаются во внимание большинст-
вом лексикографов. Так, в столбце I проводится разделение "**multi-
tudo hominum**" (слева) и "**multitudo animalium**" (справа), а в
столбце 2 "**natio aliena a propria natione**" (слева) и "**natio
aliena a fide Christiana**" (справа). Если какой-либо словарь, как
и **LSJ**, не противопоставляет этих значений, то соответствующая
цифра поставлена посередине.

Данная таблица охватывает все ЛСВВ *ἔθνος*, выделяемые в
словарях, кроме уже упоминавшегося "**genus civitatis**", выделенного
в **TOL**. Сделаем некоторые выводы из этого первого этапа сравне-
ния лексикографических толкований. Прежде всего очевидно, что це-
лый ряд значений *ἔθνος* в отдельных словарях не выделяется.
Это может быть объяснено следующим образом: 1) соответствующий
контекстный материал был неизвестен автору словаря, 2) этот мате-
риал не входил в круг литературы, охватываемой данным словарем,
3) автор словаря не находил достаточных семасиологических основа-
ний для выделения в какой-либо группе словоупотреблений *ἔθνος*
отдельного значения. По поводу первой из названных причин следует
заметить, что все представленные материалы были известны филологам

Таблица I

	multitudo		natio		natio aliens		provincia Romana	ordo	sexus	pars de rebus	cogna- tus
	animarum numerus	liberorum numerus	liberorum numerus	liberorum numerus	liberorum numerus	liberorum numerus					
Passow	I	I	-	2	-	-	-	I	-	-	-
TOL	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-
Boilly	I	I 2	-	II 2	II I	II I	I 3	I 4	-	-	-
ATPC	I	7,8	4,5	-	6	-	2	3	-	-	-
ML	2	5	6	-	-	-	3	4	-	-	-

еще в прошлом столетии. Ни одно из выделяемых значений не основано всецело на эпиграфических, папирусных или каких-либо иных находках. Следовательно, первая причина применительно к *ἔθνος* маловероятна.

Сознательное исключение материала можно предполагать лишь относительно значений I. 5 и I. 6 по LSJ : первое встречается единожды в сугубо медицинском контексте, второе - в эпиграфике. Кроме того, для ДГРС, не включающего лексику историков и риториков времен Империи, естественно отсутствие значения "provincia Romana". Таким образом, основной причиной невыделения того или иного значения является семасиологическая.

На основании приведенной таблицы можно констатировать, что лишь три словозначения лексемы *ἔθνος* выделяются безоговорочно всеми лексикографами: это "multitudo", "natio", "sexus". В то же время у пяти авторов отсутствуют значения "de rebus", "cognatus", "genus civitatis", у четырех - "pars" и "natio aliena", у трех "provincia Romana" и у одного - "ordo". Далее мы исключаем из рассмотрения такие значения, как "provincia Romana" и "gentiles", поскольку и то, и другое выходит за хронологические рамки данной работы. Первое очевидным образом не могло возникнуть раньше становления римской системы провинциального управления, а второе - раньше возникновения христианства. Подробнее на вопросах выделения словозначений мы остановимся в III главе при анализе текстов.

Помимо информации о составе словозначений *ἔθνος* словари содержат еще и гипотезы о предполагаемой организации ЛСВВ в структуру, т.е. об их связях и взаимном статусе. Отражение многомерной семантической структуры в одномерном линейном пространстве словаря невозможно без определенных условностей. В исследованном нами материале используются условности тройного рода 1) семантические аналогии и эквиваленты, 2) лексикографические пометы, 3) внутрен-

ная организация словарных статей. Следующей нашей задачей будет раскрытие смысла всех условностей, применяемых при описании лексемы $\tilde{E}nos$ в словарях, и описание этих условностей в терминах вероятностной теории значения. Это позволит нам в дальнейшем опереться на наиболее апробированные мнения о статусе отдельных ЛСВВ лексемы $\tilde{E}nos$.

Наиболее наглядным является семантическое содержание полных аналогий. Так, когда TGL указывает на аналогию $\tilde{E}nos$ *рафцбѣ* - **natio candidatorum**, то семантическое содержание этого сравнения можно определить следующим образом: 1) семантический объем лексем $\tilde{E}nos$ и **natio** совпадает, поскольку TGL переводит $\tilde{E}nos$ в основном значении как "natio";

2) между $\tilde{E}nos$ в его основном значении и $\tilde{E}nos$ в $\tilde{E}nos$ *рафцбѣ* существует тот же тип семантического варьирования, что и между основным значением лексемы **natio** и значением **natio** в словосочетании "natio candidatorum";

3) поскольку однотипному варьированию подвергаются одинаковые семантические конфигурации, то и результаты этих преобразований совпадают, т.е. совпадают значения $\tilde{E}nos$ в $\tilde{E}nos$ *рафцбѣ* и **natio** в "natio candidatorum".

Это можно условно записать следующим образом:

$$\frac{A_{осн}}{A_N} = \frac{B_{осн}}{B_N},$$

т.е. соотношение между основным значением лексемы $A_{осн}$ и ее производным значением A_N тождественно соотношению между основным значением лексемы $B_{осн}$ и ее производным значением B_N .

С точки зрения реконструкции иерархии словозначений можно утверждать, что любое словозначение, для объяснения которого привлекается аналогия, является вторичным. В этом аспекте использование

аналогии равнозначны употреблению пометы "переносно". Однако аналогия несет еще и дополнительную информацию о типологической или культурной близости языка-объекта метаязыку словаря, поскольку полные аналогии могут возникать либо независимо, т.е. в результате действия общих логических закономерностей развития значения, либо в результате влияния семантической системы одного языка на семантическую систему другого. Последнее, по-видимому, имеет место в нашем случае.

Помимо ^{TGL}, чьи аналогии к поэтическим употреблениям *ἔθνος* нами уже приводились, этот способ словарного толкования использован также Бэйли для значения "ordo".

Иным представляется семантическое содержание таких словарных пояснений, которые можно условно назвать эквивалентностями. В нашем материале встречаются два вида эквивалентностей: $A \equiv B_{осн}$, который можно назвать минимальным видом, и $A \equiv B_{раз}$, который можно назвать развернутым видом. Примером первого может послужить пассовское *ἔθνος = μέγας*, примером второго - *ἔθνος pro γένος, i.e. sexus* и *ἔθνος pro γένος de genere civitatis* в TGL.

Чтобы понять семантическое содержание эквивалентностей, следует принять во внимание следующие обстоятельства:

- 1) лексема, которая привлекается для пояснения другой, берется в своем основном значении. (Если конкурирующих между собой основных значений несколько, то в одном из них).
- 2) в языке существует тенденция закрепления понятия за определенным знаком, который выступает как преимущественный выразитель понятия. Это закрепление осуществляется на уровне первичной номинации, т.е. на уровне основных значений. Например, преимущественным обозначением представителей вида *Canis lupus* является

слово "волки", а не "санитеры леса" и т.п. Следовательно, если для выражения какого-либо понятия уже используется некоторое слово в своем основном значении, то для других слов выражение того же понятия будет второстепенной функцией. Если с каким-либо понятием уже связано $B_{осн}$, то синонимичное ему значение А не будет в структуре значений лексемы А основным.

Полная синонимия словозначений равного статуса возможна в сферах экспрессивной лексики, а также между исконными и заимствованными словами, однако ни тот, ни другой случай не имеют отношения к лексеме *ἔθνος* и не отменяют указанной общей тенденции.

Следовательно, на основании анализа семантической структуры эквивалентностей можно утверждать, что значение, объясняемое посредством эквивалентности, принадлежит уровню вторичной номинации. Первый вид эквивалентностей сверх простого указания на вторичность словозначения А_н содержит еще и информацию о синонимичности А_н и $B_{осн}$.

Второй вид указывает на типологическую аналогию в семантических структурах А и В.

Таким образом, с точки зрения своего статуса в системе словозначений *ἔθνος*, такие словозначения, как *ἔθνος ῥαψιδῶν* (TGL, Bailly), *ἔθνη θυρῶν* (TGL), *ἔθνος = μέγας* (Passow), *ἔθνος τὸ ὄψις* (TGL) и *ἔθνος - pro genere civitatis* (TGL) в соответствующих словарных статьях представлены как вторичные.

Наиболее распространенным способом указания на вторичность словозначений являются пометы. В целом обращает на себя внимание тенденция отказа от аналогий и эквивалентностей в пользу более широкого применения помет и структурирования статей. Это объясняется тем, что логическая структура как аналогий, так и эквивалентностей сложнее простого тождества метаязыкового перевода.

Все пометы, употребляемые в используемых нами словарях, можно разделить на три класса. Это, во-первых, пометы, указывающие на пространственно-временные характеристики словозначения, такие как "after Hom?", "at Athens", "at Rome" (LSJ), "depuis Arist." (ML), "von Thuc. an" (Passow); во-вторых, пометы, описывающие морфологические ограничения для отдельных словозначений: "pl.", "sg.", и в-третьих, пометы, указывающие на семасиологические характеристики словозначения: "übertr." (Passow), "metaph." (TGL), "p. anal." (Bailly), "par ext." (ML), "описательно" (ДГРС), "(used) of", "opposed to" (LSJ) etc.

Укажем сразу, что вторая группа помет на нашем материале используется лишь для характеристики значений римского и христианского периодов, которые не являются предметом нашего рассмотрения.

Пометы, описывающие место и время существования ЛСВВ, не являются чисто формальными характеристиками их фиксации. Географические и временные координаты словоупотребления неразрывно связаны в истории античной словесности с именами писателей, стилистическими направлениями и жанрами, в которых они творили, и другими важными историко-культурными факторами. Потому в соответствующих пометах присутствуют и стилистические, т.е. в конечном счете семантические коннотации. О них будет сказано при анализе отдельных значений.

Наиболее очевидное отношение к характеристике связей между ЛСВВ имеет последний из упомянутых классов помет. В нестрогой форме он отражает универсальные типы семантических связей между ЛСВВ. Тем самым пометы помогают понять и внутреннюю структуру лексемы, поскольку если некоторое словозначение является вторичным по отношению к другому, то у него можно предполагать более

низкий статус. Казалось бы, интерпретация помет не должна вызывать особых затруднений. Однако она далеко не во всех случаях самоочевидна. Объясняется это тем, что во-первых, авторы словарей как правило не эксплицируют семантического содержания помет, полагая его само собой разумеющимся. И если в случаях "übertr." (= *übertragende*), "metaph." (= *metaphora*), "p. anal." мы со значительной долей вероятности можем предполагать симулятивную связь, то гораздо менее ясно, что подразумевается под пометой "par ext." соотношение общего и частного значений, т.е. гипонимическая связь или все та же симулятивная. В качестве рабочей гипотезы можно было бы условно приравнять определенный тип помет к определенному типу семантического варьирования, и это позволило бы рассмотреть гипо- и гиперсемы различных ЛСВВ лексемы *Edvov*. Однако такое рассмотрение оказывается невозможным из-за еще одной неявной презумпции лексикографической практики. Семантические связи, как уже говорилось выше, устанавливаются между двумя ЛСВВ, один из которых выступает как исходный, производящий, а другой — как производный. Семантическая связь словозначений является двучленным направленным отношением. Помета же относится лишь к одному ЛСВ и указывает лишь на вид преобразования, в результате которого он получен, но не на исходный пункт преобразования. Этот последний остается подразумеваемым.

Анализируя словарные толкования, можно заметить, что исходным по большей части бывает первое из указанных в данном разделе словозначений. Так например, сопровождаемое в словаре Бэйи пометой "p. anal." значение I. 3-е "ordo" подразумевает в качестве исходного значение I. 1-е "multitudo hominum", а не I. 2-е "multitudo animalium". Аналогичным образом значение 4-е в ML

"*gens*" скорее мыслится производным от I-го "*multitudo hominum*", нежели от 3-го "*ordo*". Однако ЛСВ "*multitudo animalium*", помещенный в ТГЛ непосредственно после "*multitudo hominum*" в равной степени может считаться переносной версией предыдущего, как и первого ("*gens, natio*") словозначения.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении словарные пометы выступают как весьма слабо формализованные, а следовательно в значительной мере произвольные характеристики ЛСВВ. Чтобы выделить их конкретное содержание, необходим индивидуальный анализ каждого случая их употребления. Впрочем, при подобном анализе пометы становятся излишними. Этим, по-видимому, и объясняется их весьма скудное употребление в словарях преимущественно логической ориентации, как ДГРС и МЛ .

Безусловно, однако, что некоторые выводы из употребления семасиологических помет все же могут быть сделаны. Так, все перечисленные пометы являются прямыми указаниями на вторичность следующих за ними словозначений, что отличает пометы от неэксплицитных указаний на вторичность, какими являются аналогии и семантические эквивалентности.

Помещенная ниже таблица позволяет сопоставить точку зрения лексикографов на статус различных ЛСВВ лексемы *gens* . По вертикали в ней помещены три словозначения: "*multitudo animalium*", "*ordo*", "*gens*". ЛСВВ "*multitudo hominum*", "*natio aliena*", "*natio*", "*de rebus*" и "*cognatus*" в таблицу не включены, поскольку ни в одном словаре они не сопровождаются указаниями на вторичность. Если словарь содержит прямое (посредством пометы) указание на вторичный характер данного словозначения, в соответствующей клетке таблицы поставлен знак "+". Если словарь не дает прямых указаний на вторичный характер словозначения, то такое

Таблица 2

	! Passow!	TOL	! Bailly!	ATPC	! ML	! L&J
multitudo animalium	+ + - - - (+)					
ordo	- + + - - -					
sexus	- (+) - - + -					

понимание следует из структуры словарной статьи (см. выше о логических противоречиях в словарных толкованиях и о логической структуре эквивалентностей), в таблице стоит знак "(+)". Если прямых указаний на вторичность ЛСВ нет и такой вывод не может быть сделан из словарной статьи, в таблице стоит знак "-".

Как видно из таблицы, значение "**multitudo animalium**" оценивается тремя авторами из шести как вторичное, а относительно значений "**ordo**" и "**sexus**" такого мнения придерживаются в каждом случае по два автора. Нельзя назвать даже двух словарных источников, в которых совпадали бы характеристики всех трех ЛСВВ. Тем важнее отметить, что никто из составителей словарей не оценивает как вторичные такие словозначения, как "**natio**" и "**multitudo hominum**". Это согласное мнение лексикографов позволяет предполагать, что данные словозначения находятся в центре семантической структуры лексемы *~elvos*.

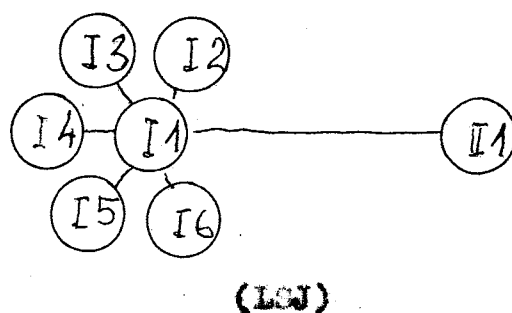
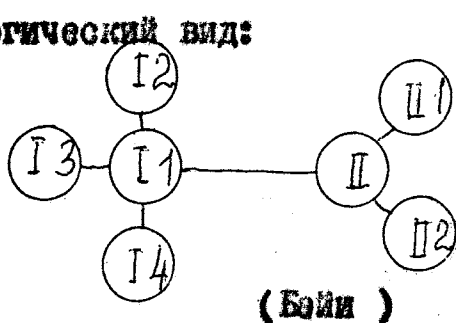
Среди других способов указания на статус словозначения мы упоминали внутреннюю организацию словарной статьи. Будучи плоскостным отражением многомерного значения, словарная статья

a priori не может адекватно отразить иерархии ЛСВВ. Однако некоторый минимум информации о статусе словозначения отражен во всяком словаре. Естественно, что первым по порядку будет словозначение, которое автор считает иерархически или хронологически первичным. Во всех анализируемых нами словарных статьях на первом месте стоит значение "*multitudo hominum*", а в ТСЛ — значение "*natio*". Именно эти два значения и были выделены нами как невторичные.

Помимо ЛСЖ и БЭИ, остальные словари перечисляют значения в простой линейной последовательности. Эта линейная последовательность отражает неоднородные отношения производности. Говоря о производности ЛСВВ, сопровождаемых пометами, мы отметили относительно преимущественное направление отношений производности. Таковым было названо направление "от первого значения", с которым конкурировало другое — "от предыдущего значения". Сделанные наблюдения можно обобщить для всех значений, включенных в наши источники. Очевидно, что ЛСЖ "*pare*" I. 5-е не образовано от I. 4-го "*sejme*", равно как и 5-е в МЛ "*natio*" не образовано от 4-го "*sejme*", непосредственно предшествующих им. Таким примерам противостоят немногочисленные случаи последовательной производности: 6-е в МЛ "*natio aliena*" от 5-го "*natio*", 6-е в ДГРС "*gentiles*" от 5-го "*natio*". Следовательно, линейный порядок расположения ЛСВВ по преимуществу соответствует отношениям производности этих ЛСВВ от первого словозначения. В терминах топологической классификации полисемии это обозначает, что линейная последовательность в большинстве случаев отражает радиальный тип полисемии. В меньшей части случаев представлена цепочечная полисемия, т.е. отношения последовательной производности.

Выделяя в статье *Edros* I и II разделы, ЛСЖ и БЭИ ука-

зывают, с одной стороны, на качественную однородность семантических связей (т.е. отношений производности) внутри раздела и, с другой стороны, на их качественное отличие от связей между разделами. В пределах раздела словозначения равноправны, т.е. находятся в одинаковом отношении к первому. Это радиальная полисемия. Отношения производности между разделами, напротив, разворачиваются последовательно - это цепочечная полисемия. Следовательно, толкования *ἔθνος* в Байи и LSJ имеют следующий топологический вид:

Как можно видеть, словозначение I. I Байи имеет иерархическое преимущество перед значением II, а в словаре (LSJ) значение I. I является абсолютно иерархически доминирующим.

Рассмотрев мнения лексикографов о составе ЛСВВ лексемы *ἔθνος* и их взаимосвязях, сравним теперь их точки зрения на хронологию отдельных значений, следуя порядку LSJ. Значения "multitudo hominum" и "multitudo animalium" (I.1), как полагают все исследователи, представлено в греческих текстах начиная с Гомера. Однако уже по вопросу о времени возникновения значения "natio" (I.2 а) единства мнений нет. Большинство авторов склонно считать его гомеровским, но LSJ категорически относит его к послегомеровскому периоду. Значение "natio aliena" (I.2в), по мнению ML и LSJ, получило развитие в послевариистотелевский период. (Остальные авторы, как мы помним, этого значения не выделяют). Нижней хронологической границей ЛСВ "ordo" (I.3) во всех словарях являются произведения Ксенофонта и Платона, а ЛСВ

"genus" (I.4) - Ксенофонта. К IV в. до н.э. относится употребление *ἔθνος* "de rebus" и наконец "cognatus" (II.1) выделяется в пятой Немейской оде, написанной в 480-е гг. до н.э. Слово значение "genus civitatis" выделено в TGL на материале Поллукса (около 180 - 190 гг. н.э.).

Итак, проведенный сопоставительный анализ словарных толкований *ἔθνος* показывает, что семантика данной лексемы изучена филологами-классиками глубоко и тщательно. Лексикографическая традиция 19-20 вв. выделила в семантической структуре *ἔθνος* свыше десяти словозначений, часть из которых безоговорочно признана всеми исследователями. В то же время семасиологи не ограничились простой демаркацией ЛСВВ, а выдвинули целый ряд гипотез об их взаимосвязях в семантической структуре слова. В частности, во многих словарных источниках даны ономаσιологические характеристики отдельных ЛСВВ и тем самым намечена их иерархия. В датировке отдельных словозначений *ἔθνος* крупнейшими авторитетами древнегреческой лексикологии обнаруживается много общего, в следовательно можно констатировать во многом близкое понимание динамики семантической структуры *ἔθνος*. Отмеченные сходства могут служить основательной базой для дальнейшего изучения рассматриваемой лексемы.

С другой стороны, анализируя интерпретации семантической истории *ἔθνος*, мы выявили немало противоречий как в отдельных словарных трактовках, так и между различными лексикографическими направлениями. Объективная сложность понятийной структуры *ἔθνος* и несовершенство лексикографической техники делают различия в описаниях до известной степени неизбежными. Однако отмеченные нами разногласия носят отнюдь не второстепенный характер, т.к. затрагивают принципиальные для понимания любого многознач-

ного слова вопросы, а именно: количество ЛСВВ, их взаимосвязь и статутные характеристики. Особенно многочисленны разногласия, касающиеся наиболее ранних словозначений *ἔλκος* - гомеровских. Между тем без правильного определения хронологически первичных словозначений невозможно правильное понимание развития семантической структуры слова. Поэтому в следующей главе мы обратимся к семантической доистории *ἔλκος* и рассмотрим его значение, каким оно представляется по данным дериватологической реконструкции. Спорные вопросы, касающиеся более поздних словозначений, анализируются нами в третьей главе с опорой на тексты.

Г Л А В А I I
СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ *ἐθνος*
В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

§ I. Традиционный подход к этимологии и внутренней
форме лексемы *ἐθνος*.

Вопрос о семантической эволюции *ἐθνος* и его месте в общей картине и.-е. этно-социальной лексики породил значительное число этимологических гипотез. Само их количество является свидетельством разнообразия представлений о семантике лексемы.

Одним из первых на происхождение слова указал Л.Додерляйн, который сопоставил *ἐθνος* с **ēdn*. [253, s. 988]. Это положение Л.Додерляйна вызвало возражение Т.Бенфея, которому более убедительной казалась параллель с скр. *vah/vadh*, ср. *vahu* "многочисленный". Первичное значение *ἐθνος* понималось им как "множество, группа" [239, s. 88]. На санскритский материал опирался и Л.Мейер, предложивший сопоставление с глаголом *vardh* "расти", поддержанное М.Байи [178, s.v.]. А.Фик возводил рассматриваемую лексему к **uodn*, ср. гот. *gewidan* "соединять" постулируя семантическую эволюцию "оплетение" > "объединение", ср. *ēdēre*, *ēbros* [257, 106].

В свою очередь Дж.Бонфанте сопоставлял *ἐθνος* с хетт. *utne* (*ut-ni-e*, *ut-ne-e*) "Land" [241, s. 223], однако эта точка зрения не нашла поддержки ни среди хеттологов, ни среди эллинистов [314, p. 166]. Э.Буазек вернулся к сближению с *ἐθνος* [179, s.v.], поддержав тем самым мнение Л.Додерляйна. В дальнейшем с ним солидаризовался П.Шантрэн [182, s.v.]. Эта этимологическая версия является в настоящее время наиболее распространенной.

Вопрос об анлауте $\xi\delta\alpha\varsigma$ остался, тем не менее недостаточно разработанным. Традиционная орфография $\xi\delta\alpha\varsigma$ (со *spiritus lenis*) определяется правилом античной грамматики, согласно которому в большинстве случаев ξ и θ перед придыхательной <согласной> пишутся с тонким придыханием", Hdn. I, 537). Фонетической реальности это написание не отражает. Более того, согласно данным В. Шульце, лексема $\xi\delta\alpha\varsigma$ была заимствована в коптский в форме $h\epsilon\delta\alpha\varsigma$, а в армянский - в форме $het'\alpha\alpha\alpha\varsigma$. Это свидетельствует о том, что и в послеклассическую эпоху исследуемая лексема могла иметь консонантный анлаут [306, 294].

На и.-е. уровне анлаут $\xi\delta\alpha\varsigma$, промежуточного звена этимологической реконструкции $\xi\delta\alpha\varsigma$, восстанавливается в форме $*s/sw$. $\xi\delta\alpha\varsigma$, как и лат. *suevis* восходит к одной из форм возвратного местоимения $*se/swe$, широко и разнообразно отраженного во многих и.-е. языках [191, Bd. I, S. 883]. Так, в ряде языков и.-е. рефлексив представлен формами, восходящими к $*se$: лат. *se* гот. *sik*, ст.-слав. *se*. В санскрите же и греческом реализована преформа $*swe$: *svayam* "сам", (F) ξ "себя". Подобное чередование начальных $*sw/s$ является типичным и наблюдается также в числительном "шесть": к $*seks$ восходят лат. *sex*, гот. *saihs*, к $*sweks$ - греч. (F) $\xi\zeta$, кимри. *chwech*, авест. *xšvaē*. Последовательное сохранение греческим языком w в рассматриваемом начальном комплексе позволяет предположить для $\xi\delta\alpha\varsigma$ преформу $*swedh$.

Фонетическое развитие группы $*sw$ шло в направлении превращения начального спиранта в h с последующим его исчезновением. Аналогичный процесс наблюдался и в ряде языков балканского ареала: фриг. *wekro* < $*swekr$ "свекор", *wegno* < $*swe-gno$

"своерожденный, родич", ср. мессыл. *veinal* (Ass.) < **swaino*, алб. *vete* "сам". Особый интерес приобретает в этой связи глосса Гезихия, на которую обратил внимание еще А.Мейе, усматривавший в *βίβα* тематический вариант *ἔδω* : *βίβα ἔδω καὶ ὁ γῶν ἔδω ἔμπερος*. *Λάκωνες δὲ βέβηκαὶ ἐν...* (конец испорчен) (Hsch., s.v.).

Помимо данных компаративистики, существенную роль в определении энлеута *ἔδω* играют материалы гомеровских поэм. Как известно, у Гомера встречаются различные виды метрических рефлексов дигаммы в зависимости от произношения этой последней и окружающих ее звуков. В 29 случаях гомеровский текст указывает на долгое произношение открытого слога с краткой гласной, когда этот слог находится перед формами рефлексива: Ил. 6. 192 *ἀντὶ μιν κατέρηκε, δίδου δ' ὅ κ' εὐχεσθῆς ἦν*. Такие же метрические изменения вызывает и восходящий к возвратному местоимению апеллятив *ἔκωρος*. : Ил. 3. 172 *αἰδοῖται γὰρ καὶ ἔββη, φίλτα ἔκωρε, δεινὸς γὰρ*. В то же время ни в одном из случаев употребления *ἔδω* подобных метрических эффектов не наблюдается. Следовательно, в начале слова *ἔδω* уже в гомеровский период произносилось сочетание, более простое, нежели **aw*. По нашему мнению, это может объясняться регрессивной диссимиляцией *h < a* и суффиксального *ɔ* в *ἔδω*. Ни в *ἔμπερος*, ни в формах рефлексива аспирированных не было, и потому в них мог сохраниться более сложный энлеут.

Использование возвратного местоимения у Гомера в 46 случаях сопровождается элизмой краткой гласной или сокращением предшествующей долгой. Например, в Ил. 18. 5 *ἄρδ' ἔββη δ' ἔρα σῆπε* *πρὸς οἷν κωκυλίσσας* *ἄρδ' οἷν* отсутствует долгота *ἔββη* закрытого слога *πρὸς*, т.е. по существу наличие дигаммы в тек-

оте неощутимо и может быть определено только методами лингвистической реконструкции. Такие случаи могут свидетельствовать о позднем происхождении данного фрагмента поэмы либо об использовании в нем различных поэтических приемов для снятия возникших метрических несоответствий.

Промежуточную группу представляют собой случаи, когда элизия краткого гласного и сокращение долгого не наблюдаются, а закрытый слог с краткой гласной выступает как долгий по положению. Именно так выглядит абсолютно большая часть метрических рефлексов неосложненной дигаммы. К этой группе относятся также рефлекс-сы консонантного энлаута *ἔδρος*. Следовательно, данные эпоса дают основания предположить, что в историческое время лексема *ἔδρος* имела фонетический вид *Fēdros*.

Что касается корневого расширителя **ah*, то аналогом древнегреческих *ἔδος*, *ἦδος* может служить сир. *avaddā* [191, Ид. 2, В. 456]. Но даже в санскрите нет полного аналога морфемной последовательности, представленной в греч. *ἔδρος*. Полные цельнолексемные соответствия изучаемой лексеме отсутствуют также и в других и.-е. языках. В этом плане присоединение конечного форманта *-vos* выглядит чисто греческим новообразованием. Поэтому центральным вопросом этимологии лексемы *ἔδρος* являются установление словообразовательных отношений между *ἔδρος* и основой *ἔδ-*, представленной в *ἔδος*, **ἔδω*. В интерпретации этих словообразовательных отношений существует длительная традиция.

Компаративисты и эллинисты еще в прошлом веке выделяли в составе исследуемой лексемы *Komponentsuffixe* (*Suffixalkomplexe*) *-pes-*. Этот сложный суффикс рассматривался обычно в ряду других суффиксов структуры *-Ces-* (*-pes-*, *-des-*, *-ges-* etc.). Тем са-

мым подчеркивался его вторичный, составной характер: **-nes-** **-n-es-** (или, в более общем виде, **-nes-** = "суффикс, содержащий **-n-**" + **-es-**). Например, Ауфрехт характеризовал его как "*verdunkelte Zusammensetzung zweier primären Ableitungselemente*". [238, S. 149].

Некоторые исследователи считали возможным говорить о собственной семантике деривационной модели на **-nes-**, относя ее к и.-е. языковому состоянию, поскольку образования на **-nes-** не являются исключительно греческими: ср. лат. *pignus*, *facinus* etc. [238; 292]. А.Мейе, посвятивший рассматриваемым дериватам специальную статью "*Sur la suffixe indo-européen -nes-*", высказал предположение, что с помощью суффикса **-nes-** от именных и глагольных основ образуются имена, относящиеся к понятийной сфере "*propriété, prêt*" [292, p. 254], ср. семантику таких греческих дериватов, как *χεῖρος* "богатство, изобилие, достаток", *γεῖρος* "земельный надел, участок, владения, поле, поместье", *κεῖρος* "1. домашний скот, 2. имущество, собственность", "драгоценность, сокровище", в IY значении по *ισμ* = *χρῖμα*. П.Шантрэн в монографии, посвященной древнегреческому именному словообразованию также определяет праформу *ἔδρος* как **wedh-nes* [246, p. 420], высказываясь тем самым в пользу трактовки **-nes-** как единого форманта.

Л.Хайльман вслед за В.Пизани определял образования на **-nes-** как *termini technici* юридической и религиозной сферы, коренящиеся в и.-е. праязыке, расширяя тем самым семантику образований на **-nes-** [242, p. 264].

Тщательный анализ дериватов на **-nes-** был проведен Бернхардтом Мадером в монографии "*Untersuchungen zum Tempusgebrauch bei*

Носер". Исследователь рассматривает семантику дериватов преимущественно филологическими методами, т.е. основывается на текстах, в основном ранних, но привлекает также и сравнительный материал. Анализ текстов приводит его к выводу, что в ряде существительных на *-vos*, в том числе и в *Σδvos*, практически не обнаруживаются семы "собственности" или "обладания" ("Besitz"). Речь может идти лишь о принадлежности в наиболее общем логическом смысле, который, заметим, выходит за рамки лексической семантики в область семантики категориальной. Автор отмечает, что значение *Σδvos* "свое", "совокупность своих, своего" не противоречит текстам, но является слишком общим. В текстах реализованы более узкие и конкретные значения: "стадо", "рой", "стая" и т.д. Б.Мадер не отрицает, что значение "стадо", "совокупность" могло быть первичным значением *Σδvos*. Присоединение суффикса *-vos* сопровождалось, по его мнению, конкретизацией значения "свой", понимаемой как сужение числа объектов, на которых может распространяться данный предикат. "Если *Σδvos* вообще имеет что-то общее с собственностью, - пишет Б.Мадер, - то это слово должно относиться к живой (одушевленной) собственности и - если употребление этого слова в эпосе вообще позволяет заключить о чем-либо ("etwas erkennen läßt") - к людям" [291, S. 177].

Расплывчатый характер выводов Б.Мадера свидетельствует о недостаточности изучения семантики *Σδvos* чисто филологическими методами. Предполагаемое этимологическое значение *Σδvos* может быть, как замечает сам Б.Мадер, подтверждено текстом, но оно не может быть из него выведено [291, S. 179].

Нельзя не отметить, что еще А.Мейне связывал с понятиями собственности, цены и т.п. первоначальные основы, содержавшие *-π-*, но не содержавшие *-ος-*. А.Мейне, таким образом, считал возможным

вычленение морфемы **-v-**, а суффикс **-es-** трактовал как расширитель уже имеющихся основ [292, p. 255]. Эта точка зрения получила развитие в компендиуме Э.Швицера - А.Дебруннера, где самостоятельный словообразовательный тип на **-vos** не выделяется [308, M. 1, S. 512]. Тем самым существительные на **-vos** включаются в широкий класс имен на **-os**, куда входят абстрактные обозначения состояний, свойств и результатов действий ("Ergebnisse"), а также названия конкретных объектов, включая архаизмы разговорной речи и поэтические новообразования [ibid, S. 579]. Широта семантической сферы существительных на **-os** делает еще более затруднительным объяснение внутренней формы $\tilde{\epsilon}dvos$ при членении $\tilde{\epsilon}dv-os$.

Итак, не существует единого мнения не только по вопросу о семантике, но даже о количестве суффиксов, при помощи которых была образована лексема $\tilde{\epsilon}dvos$. Отсутствие цельнолексемных соответствий лексеме $\tilde{\epsilon}dvos$ позволяет усомниться в справедливости рефлексивной этимологии. Еще более проблематичной она выглядит ввиду отсутствия убедительной трактовки внутренней формы данной лексемы. Так, М.Шидт, автор статьи s.v. $\tilde{\epsilon}dvos$ в "Лексиконе раннегреческого эпоса", сопровождает рефлексивную этимологию пометой "unsicher" [210, s.v.], В.Маньен и М.Лакруа в своем словаре цитируют ее с пометой "peut-être" [183, s.v.], Ч.Д.Бак - с пометой "probably" [180, p. 1314]. В большинстве двуязычных словарей, в том числе в LSJ и ДГРС, никакие этимологии $\tilde{\epsilon}dvos$ не приводятся, что свидетельствует об одинаково малой доказательности всех этимологических версий в глазах лексикографов.

Однако в плане семантической эволюции возведение $\tilde{\epsilon}dvos$ к основе рефлексива не вызвало возражений этимологов и лексикографов. Между тем небезынтересно отметить, что согласно сущест-

вущим источникам по семантической типологии она должна быть признана недостаточно аргументированной. Так, тезаурус Ч.Д.Бака содержит следующие типы этимонов для слов со значением **"people = nation, nationality, race"**; **"strength, power"** ("сила, мощь"), **"birth"** ("рождение"), **"customs"** ("обычай"), **"language"** ("язык"), **"country"** ("страна"). Кроме того, Ч.Д.Бак отмечает, что значение "народ" = этно-социальная общность" может развиваться у слов, обозначающих народ как социальную общность, т.е. имеющих своим основным значением **"people = populace of the country, region, town"** ("население страны, области, города") или **"common people vs. ruling class"** ("простой народ в противоположность правящему классу") [180, p. 1313 - 1314] .

Как видно, большинство признаков, положенных в основу номинации, входят в интенционал или сильный импликационал понятия "народ". Высоковероятностными или интенциональными являются признаки "наличие общего языка", "наличие общей территории", "общее происхождение", "наличие группового самосознания". К последнему типу номинации мы относим примеры перехода в этно-социальные обозначения слов со значением **"clan, family"**.

Происхождение лексического значения "народ" из лексического значения "обычай" зафиксировано единичным примером лексемы *ἔθνος*. Ни у Ч.Д.Бака, ни у других исследователей не приведено никаких аналогий такому семантическому переходу. Между тем семантическая эволюция других древнегреческих этно-социальных обозначений имеет надежные типологические параллели. Например, семантика, присущая древнегреческому *λαός* "войско - боепособные члены племени - племя, народ", находит соответствия в др.-перс. *kāra* [180, p. 1314] , груз. *er1* [9, s.v.] , а также, по-видимому, в таких германских дериватах, как др.-исл. *folk*, др.-англ.

и др. - в.-н. *folc* (ср. название небесных владений богини Фрейи *Folkvang* "Поле боя"). Вообще семантическое развитие этно-социальных обозначений отличается значительной регулярностью в различных, в том числе и разносистемных языках. Что же касается происхождения значения "народ" из значения "обычай", то оно не может быть признано достаточно доказательным типологически, хотя признак "наличие общих обычаев" и входит в сильный импликационал понятия "народ".

Для подтверждения гипотезы о происхождении *ēdros* от рефлексива Э.Буазак и другие этимологи приводят дериваты от *awe*, содержащие другой, нежели в *ēdros*, расширитель корня *-bh*. Это скр. *sabhā*, гот. *sibja* < *sēbhia*, др.-сакс. *sibbia*, др.-в.-н. *sibbia*, *sipra*, *sippja*, др.-англ. *sib*, ср.-в.-н. *sippe* etc. [179; 237] .

Следует, однако отметить, что ни германские, ни санскритская лексемы не являются этно-социальными обозначениями в строгом смысле. Так, др.-англ. *sib* подразумевает отношения взаимопомощи и дружбы между членами семейной общины, включая дальних родственников. Этническое же сознание как нечто качественное отличное от сознания родства этим обозначением не покрывается [120, с.90-101, 224] . Следовательно, приведенные примеры нельзя признать типологическими аналогами семантического развития *ēdros*.

Тем не менее мы полагаем, что этимология *ēdros* < *awe* является более убедительной, нежели альтернативные гипотезы. Отметим прежде всего следующее: все предложенные этимологии *ēdros* являются корневыми, и тем самым ни одна из них не имеет безусловного преимущества перед другой. Поэтому сравнительные достоинства каждой версии определяются по всей совокупности фонетических, словообразовательных и семантических критериев.

Сопоставления как с окр. *vahu* и *vardu*, так и с гот. *gewidan* с точки зрения словообразования равноценны, поскольку относятся лишь к *ēd-*, но не к *ēdros* как лексеме. Напротив, четкая параллель *utne*, содержащая *-n-*, менее убедительно фонетически.

Семантическая сторона санскритских и германского сопоставлений на первый взгляд выглядит доказательно. Так, происхождение *ēdros* из **vadh* "расти" находит семантическую параллель в образовании *γενειον* из *γενω*. Ср. также лат. *natus sum* "родиться", "получать физическое существование" > *natio*, ст.-слав. народ < родити. От корня **rel(ə)/plē*, образующего греч. *γενος*, происходят герм. *ESOO folk, folc*, а также, возможно, и лат. *populus*, что семантически совершенно аналогично сопоставлению *vahu* "многочисленный" - *ēdros*. Но при наличии реально-исторических, а не только чисто типологических аналогий семантика **vadh* или **wed* должна быть сопоставима с семантикой греч. *-ed-*. Санскритский или германский корень должен соответствовать по значению греческому корню. Во всех же рассматриваемых этимологич. соотношениях устанавливается между иноязычным корнем и греческим производным в условиях, когда более простые реализации того же корня с иноязычным материалом несопоставимы. Ни *ēdros*, ни *ēdων*, ни даже самые редкие глоссы, содержащие морфему *-ed-* или ее апофонические варианты *-ed-*, *-od-* не имеют значений, которые можно ассоциировать с "ростом", "многочисленностью" и т.п. Следовательно, семантическое подобие указанных сопоставлений только кажущееся. В случае же окр. *svadhā* "one's own nature, custom, home" имеется безусловное глубокое соответствие греч. *ēdros*, *γενος* как по содержанию, так и по форме. По всем приведенным причинам мы отдаем предпоч-

тение рефлексивной этимологии $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$.

§ 2. Внутренняя форма лексемы $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$ с точки зрения дериватологической теории

Одним из эффективных путей интерпретации семантики $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$ являются, по нашему мнению, словообразовательный анализ данной лексики с использованием современной дериватологической теории.

Морфологическое членение исследуемой лексики уже разрабатывалось в компаративистической традиции. В составе $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$ были выделены корневая морфема $\tilde{\epsilon}d-$ (через сопоставление с $\tilde{\epsilon}d-os$, $\tilde{\epsilon}d-\omega v$, $\tilde{\epsilon}d-i'g\omega$ и т.д.), суффиксальная морфема $-v-$ (через сопоставление с $\lambda\ddot{u}x-v-os$, $z\acute{e}x-v-\eta$ и т.д.), суффиксальная морфема $-es/-os-$ (через сопоставление с $\chi\acute{e}v-os$, $\kappa\rho\acute{\alpha}r-os$, $\mu\acute{o}\delta-os$ и т.д.). Согласно современной словообразовательной теории в структуре данного слова следует выделять также нулевую словоизменительную морфему. Она вычленилась через сопоставление $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$ с формами $\tilde{\epsilon}d\upsilon os < * \tilde{\epsilon}d\upsilon \varepsilon b os$, $\tilde{\epsilon}d\upsilon \varepsilon i < * \tilde{\epsilon}d\upsilon \varepsilon b i$, $\tilde{\epsilon}d\upsilon \eta < * \tilde{\epsilon}d\upsilon \varepsilon b \alpha$ и т.д. Кроме того, следует отметить, что варианты огласовки имеются как у корневой морфемы, так и у суффиксальной морфемы $-os-$; $-os-$ для Nom.-Acc.Sg. и $-es-$ для остальных падежей.

Взяв за основу предложенное морфологическое членение лексики $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$, рассмотрим ее словообразовательную структуру. Чтобы правильно интерпретировать семантику $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$, следует четко разграничить две принципиально различные проблемы: проблему определения значения $\tilde{\epsilon}d\upsilon os$, его внутренней формы, в момент его генезиса, с одной стороны, и проблему осмысления и переосмысления этой внутренней формы на дальнейших этапах развития языка, с другой.

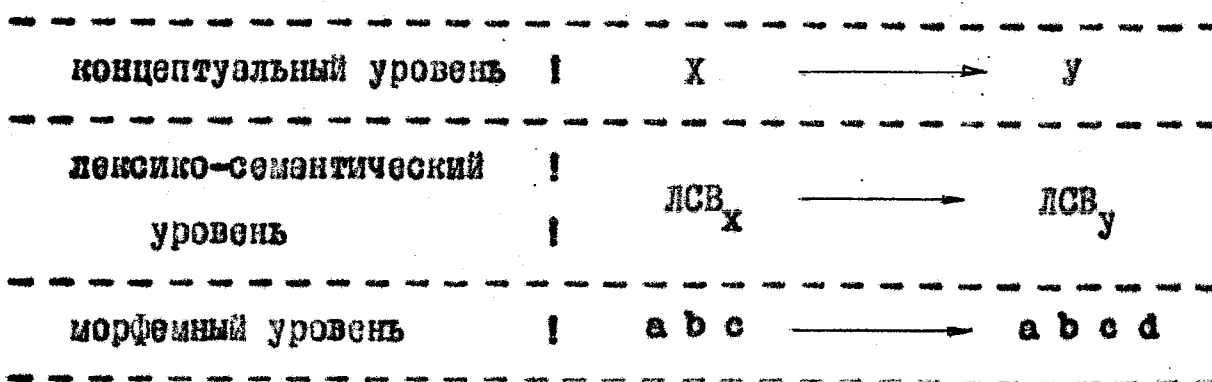
Новое слово образуется по продуктивной в данный момент истории языка словообразовательной модели. Впоследствии могут произойти самые разнообразные изменения: словообразовательная модель может выйти из употребления, семантика слова может трансформироваться так глубоко, что перестанет ассоциироваться с соответствующим словообразовательным значением и т.д.

Семасиологу, работающему в области классической филологии, необходимо понимание всех семантических процессов, происходивших со словом, значение которого он исследует. При этом важно не только так называемое этимологическое значение, но и знание того места, которое занимает слово в семантической системе языка в различные периоды своего существования. В этом плане в классической филологии разрабатываются как реальная, историческая производность древнегреческой лексики, так и многообразные отношения синхронической словообразовательной производности — восприятие и членение лексики носителями языка. Сложность второй задачи усугубляется тем, что если словообразовательный акт имел место однажды, то переосмысление слова происходило постоянно в течение многих столетий, т.е. существовали исторически сменявшие друг друга представления о мотивированности слова. Отсюда изучение семантики производного слова должно включать: 1) реконструкцию его первичного словообразовательного значения, 2) выявление и установление относительной хронологии происходивших впоследствии трансформаций (переосмыслений) словообразовательного значения.

Процесс словообразования в наиболее общих своих чертах является общезыковой универсалией. Благодаря этому обстоятельству применение при анализе словообразования в древних языках теория, разработанная дериватологами для современных языков. Эффективным является теоретический аппарат русского языкознания, поскольку

русская и древнегреческая словообразовательные системы в такой области, как суффиксация, характеризуются глубокой типологической общностью. При изучении древнегреческого словообразования вполне приемлемы выработанные в русской словообразовательной теории понятия "словообразовательная пара", "словообразовательная модель", "словообразовательный тип", "словообразовательное гнездо", "словообразовательная категория", "словообразовательная парадигма", "формант", "мотивация" и др.

Механизм словообразования, рассматриваемый с точки зрения своего универсального содержания, включает следующие компоненты: в сознании говорящих существует потребность в номинации некоторого концепта $У$, ближайшим к которому словесно выраженным концептом является $Х$. Словесным выражением этого концепта будет ЛСВ некоторого слова, который мы обозначим как $ЛСВ_X$. В таком случае принято говорить, что "одно слово мотивирует другое", между тем как в действительности $ЛСВ_X$ мотивирует $ЛСВ_Y$, т.к. мотивирующим является не все слово как семантическая структура, а лишь одно из его словозначений. Схематически это выглядит следующим образом:

Здесь концепт $У$ отличается от концепта $Х$ некоторым семантическим компонентом - семой, который в процессе словообразования должен получить материальное выражение, реализоваться в какой-либо мор-

феме. Эта материальная реализация (в нашем примере - *d*) называется словообразовательным формантом. Концепт *У* имеет общий с концептом *Х* семантический компонент, который также должен быть выражен в новообразованном слове через морфемы, служившие для выражения $ЛСВ_X$ (*a, b, c*) и называемые производящей основой.

Словообразовательный механизм по своей природе предполагает парное соотношение между производным и производящим словами, и, следовательно, бинарное членение производного слова. Распространенное в сравнительном языкознании выражение "лексема *N* образована от корня *M* при помощи суффикса *P*" следует считать неточным, поскольку слово образовано не от корня, а от полноценного словесного знака. Корень, будучи морфемой, не имеет такого значения, которое могло бы послужить отправной точкой словообразования. Его значение - качественно иного свойства. Пользуясь предложенными обозначениями можно отметить, что ни один корень не обладает способностью выразить концепт *Х*, т.е. представить какое-либо понятие как психолингвистическую реальность. Наглядно убеждает в этом случай так называемых связанных корней, т.е. корней, не употребляющихся без своих аффиксов. Очевидно, что ни один носитель языка не осознает значения корня "-у-" в словах "обуть" и "разуть", и что любая словообразовательная операция в этой понятийной сфере (если в ней возникнет необходимость) будет осуществляться лишь на основе всего комплекса значимых морфем данных слов. Психолингвистическая реальность (осознаваемость) присуща деривационным отношениям именно благодаря тому обстоятельству, что участвующие в них единицы суть формально-содержательные единства, а не чисто формальные категории, какими являются вычленяемые в процессе морфологического анализа морфемы.

Аналогичным образом следует признать неточными выражения

типа "производное от основы L", если основа L с добавлением необходимых словообразовательных формантов не существует в виде лексемы. Иными словами, в качестве словообразовательной базы может выступать только основа производящего слова, включающая корень со всеми аффиксами.

Иллюзия множественности деривационной структуры поддерживается не только множественностью морфемной структуры, но и множественностью семантических связей, возникающих между новообразованным словом и уже существовавшими словами языка. Особенно очевидны тесные связи между однокоренными словами. Именно они создают впечатление, будто слово порождается словообразовательным гнездом и его центром - простейшим словом, материально тождественным корню.

Из сказанного следует, что в конкретном словообразовательном акте используется всегда только один словообразовательный формант, в котором материализовано семантическое различие между X и Y. Если различия между значениями Y и X таковы, что для их выражения не достаточно одного форманта (не находится соответствующего форманта), то для выражения Y пользуются средствами синтаксиса, и значение Y не лексикализируется. Формант может включать только по одной морфеме каждого вида. В противном случае новообразование не отвечало бы основной своей цели - четкой и ясной номинации денотата. Таким образом, представление о множественных словообразовательных актах, когда к абстрактному корню присоединялось бы одновременно множество суффиксов, противоречит основным положениям теории деривации и должно быть отвергнуто.

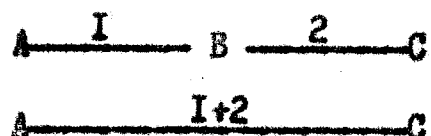
В языках с развитой морфологической деривацией, таких как русский и древнегреческий, слова, содержащие по 4-5 морфем, не являются редкостью. В каждом подобном случае поэтапный анализ

слова, т.е. интерпретация всех происходивших в процессе его становления словообразовательных актов, представляется единственно правильным и достигающим цели. Единственная реальная семантическая история производного слова - это история последовательных деривационных шагов, приведших к его появлению. Если же в процессе анализа не учитывается какая-либо словообразовательная стадия, то снижается достоверность дериватологической реконструкции в целом. Еще менее достоверной становится реконструкция, если опущено несколько стадий словообразовательного анализа. Именно по такому пути пошел Б.Мадер, интерпретируя *silves* как "совокупность своих". Исследователь истолковывал *silves* непосредственно через **swe*, т.е. в обход трех словообразовательных стадий, а именно $+ - \partial -$, $+ - \sqrt{-}$, $+ - es -$. Впрочем, неадекватность результата была очевидна и самому автору интерпретации [291, s. 179-182].

Тезис о невозможности образования слов одновременным присоединением более чем одного форманта не противоречит возможности существования составных формантов, т.е. формантов, состоящих из нескольких в прошлом независимых аффиксов. Такое явление деривации, как сложный суффикс, является, по-видимому, относительно распространенным во всех языках, где распространена суффиксация, в частности в русском и древнегреческом.

Ауфрехт, Мейе и другие цитированные выше авторы используют в своих работах термин "сложный суффикс". В компаративистике под сложным суффиксом понимается любая последовательность суффиксов вне зависимости от семантического содержания этой последней. Таким образом, в сложный суффикс могут входить суффиксы, составляющие производящую основу, составляющие формант, а также и те и другие вместе.

В современном словообразовании в термин "сложный суффикс" вкладывается совершенно иное содержание. Сложный суффикс рассматривается как результат процесса переразложения, который можно изобразить схематически следующим образом:

От лексемы А образуется при помощи суффикса I лексема В, а от этой последней при помощи суффикса 2 образуется лексема С. В дальнейшем лексема В исчезает из употребления, и лексема С начинает восприниматься как образованная от А при помощи суффикса, состоящего из последовательности суффиксов I и 2. Тем самым суффикс I+2 осознается носителем языка как единое словообразовательное средство.

Если процесс объединения I и 2 (включения суффикса I в состав форманта) имел место в одном слове, образуется единичный сложный суффикс I+2, который по аналогии с соответствующим простым формантом можно назвать сложным унификсом. Если аналогичные преобразования произошли в нескольких словах, т.е. это не единичное, а характеризующееся определенной частотностью явление, то можно говорить о регулярном сочетании суффиксов I и 2.

Предпосылкой переразложения лексемы С является, во-первых, такая употребительность производящего слова А, что частотность А в речи превышает частотность В. Кроме того, необходимо, чтобы с помощью суффикса 2 образовывались новые слова, т.е. чтобы суффикс 2 был продуктивным.

В результате переразложения создается потенциальная возможность возникновения новой словообразовательной модели, в которой сложный суффикс выступает как единое словообразовательное средст-

во. Иными словами, в языке возможна ситуация, когда суффикс I+2 превращается в продуктивный словообразовательный формант.

Прежде всего для этого необходимо, чтобы утрата звена В происходила в значительном числе случаев, поскольку становление типа не может основываться на единичном перерасложении. Важнейшим обстоятельством, от которого зависит продуктивность сложного суффикса является степень регулярности семантических отношений между А и их вторичными производными С. При этом случай высокой регулярности является менее вероятным, чем обратный, поскольку и 1, и 2, как правило, многозначны. Следовательно, результат их последовательного применения еще менее предсказуем, чем каждый из деривационных шагов в отдельности.

Если различные С далеко отошли от своих производящих А, и отношения в парах А-С практически несопоставимы друг с другом, то соответствующие суффиксы могут быть охарактеризованы как омонимичные унификсы, тождественные по форме, но в каждом случае уникальные по содержанию.

Если между А и их вторичными производными устанавливаются единообразные семантические соотношения, то суффикс I+2 может восприниматься как материализация этих отношений и приобрести соответствующее словообразовательное значение. Возникают предпосылки для становления новой регулярной морфемы I+2, т.е. повторяющейся формы, закреплённой за устойчивым содержанием. Однако поскольку регулярно воспроизводимые значения имеют тенденцию выражаться в регулярных формах, значение I+2 входит, как правило, в сферу действия уже существующих в данном языке словообразовательных моделей. Тем самым, чтобы стать продуктивным суффиксом и приобрести преимущественное право на выражение данного значения, сложный суффикс должен выдержать конкуренцию с синонимич-

ными словообразовательными средствами. Результат конкурентной борьбы определяется количеством синонимичных аффиксов, их частотностью и другими факторами.

Новый словообразовательный формант должен дополнять существующую систему словообразовательных средств языка, т.е. иметь такое регулярное значение, которое не выражалось бы другими аффиксами (или выражалось бы ими недостаточно дифференцированно и регулярно). Необходимым условием для этого является высокая семантическая специализация новообразованного суффикса.

Что касается морфемной структуры многих древнегреческих имен на *-vos-*, то здесь выделяются два суффикса: *-v-* и *-os-*. В связи с этим возникает вопрос, следует ли интерпретировать их как два самостоятельных форманта или же на некоей исторической стадии они составляли единый продуктивный сложный суффикс.

Даже самое беглое рассмотрение субстантивов на *-vos* показывает, что среди этой группы встречаются имена существительные самых различных лексико-семантических категорий: *nomina qualitatis* *kállōs < kálvos, jávos* "блеск, краса", *βδελος* "1. сила, мощь, 2. вес, вескость", *βυρηνος* "высокомерие, надменность", *nomina actionis* *θῦναι* "замыслы, намерения, планы", *δράναι* "doing, deed, power" ("деяние, поступок, сила"), *δαίνας* "ссуда, займ", а также *nomina operis vel rei actae* *τέμενος* "1. земельный надел, участок, 2. освященный участок, священное место" *δράναι ὄργανον, ἔργον, κατεσκευασμένα* (Hsch.).

Из приведенных примеров видно, что суффикс *-vos-* обладает качеством семантической регулярности в весьма низкой степени. Количество образований, в которых можно выделить сходное деривационное значение, например, "качество", "результат действия",

исчисляется единицами. Следовательно, в чисто теоретическом плане вероятность существования продуктивной словообразовательной модели на *-vos* в древнегреческом языке.

Что же касается существования в и.-в. языке продуктивной словообразовательной модели со сложным суффиксом *-nos**, а также наличия в древнегреческом языке рефлексов этих и.-в. образований, то подобная гипотеза вряд ли может быть доказана в силу недостатка языкового материала.

Слова, образованные по одной и той же словообразовательной модели обладают, согласно дериватологической теории [60; 27-29], определенными общими характеристиками. Если при помощи форманта *-vos* действительно образовывались новые слова, то они должны были бы составить словообразовательный тип. Словообразовательный тип — это "схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении" [71, с. 168]. Ни первый, ни второй из этих признаков не характеризует группу существительных на *-vos*. Например, *brānos* можно соотнести с *brān*, как и *uqivos* с *uqōma*, и выделение *-vos* в этих случаях не вызывает сомнений. Иначе членится *zēnos*, где уже в производящем слове *zēnō* содержится назальный суффикс. Такое существительное, как *zēnos*, можно соотносить, с одной стороны, с гомеровским глаголом *zēnō* "веселиться, радоваться, наслаждаться", содержащим *-v-*, а с другой — с гомеровским причастием *zēnō*, "радующийся, наслаждающийся", где *-v-* отсутствует. Ср. также безусловно древнее *prodeis, áεββο, áev* "прославляющий" с основным *-v-*.

Во-вторых, существительные на - *vos* мотивируются различными частями речи. Между тем общность части речи мотивирующих слов является обязательным условием выделения словообразовательного типа поскольку при материальном (фонетическом) совпадении словообразовательного форманта нередки случаи омонимии суффиксов. Так, русская дериватологическая традиция практикует разделение суффиксов на девербативные и деноминативные, а этих последних на придеятельные и присуществительные. Суть этого разделения в том, что один и тот же материально тождественный суффикс, присоединяясь к разным грамматикосинтаксическим видам основ, образует совершенно различные словообразовательные типы. Например, суффикс "-ин-" образует от основ существительных имена со значением единичности (горош-ин-а, солом-ин-а), а от основ прилагательных - со значением качества (глуб-ин-а, сед-ин-а).

Среди имен на - *vos* наряду с девербативами *brāvos*, *kūvos* присутствуют такие слова, как *ēvos* "молодая ветвь", *āvos* "шерсть", *brīvos* "рой", *ēxvos* "след", которые никакими глаголами (по крайней мере, в исторический период) не мотивируются, что позволяет предполагать наличие среди изучаемых имен различных деривационных моделей. Относительно *ēvos* вопрос о том, было ли оно образовано от *ēdu* или от *ēdos*, в литературе никем не затрагивался. Это объясняется тем, что деноминативный и девербативный варианты возникновения *ēvos* воспринимались как равнозначные. Действительно, при чисто морфемном анализе безразлично, сопоставлять ли *ēvos* с *ēdu* или же с *ēdos*, поскольку и в том, и в другом случае вычленивается одна и та же морфема *ēd-*. Однако для понимания семантики словообразовательной модели определение части речи мотивирующих слов имеет первостепенное значение.

Итак, в древнегреческом языке отсутствуют реальные основания выделения словообразовательного типа на $-ves$. Если принятый в упомянутых работах термин "имена на $-ves$ " отражает морфологию рассматриваемых имен, поскольку в них действительно наличествует такое сочетание конечных морфем, то с точки зрения словообразования он не отвечает реальной истории создания этих слов. Продуктивной модели на $-ves$ в исторический период не существовало, а следовательно, не существовало и производных на $-ves$.

Итак, исторически адекватный анализ семантико-derivационной истории $\tilde{el}vos$ должен включать следующие этапы: интерпретацию семантики $*swedh$ как $*swe$ + $*dh$, интерпретацию семантики $\tilde{el}v-$ как $\tilde{el}-$ + $-v-$, и наконец, интерпретацию семантики $\tilde{el}vos$ как $\tilde{el}v-$ + $-es-$. Стадию $*swe$ + $*dh$ можно определить как индоевропейскую, поскольку к $*swedh$, как мы помним, восходит также скр. $svadhā$. Что же касается двух последующих стадий, то их хронологизация более проблематична, поскольку прямых доказательств существования и.-э. $*swedhn$ нет. Следовательно, процессы $\tilde{el}-$ + $-v-$ и $\tilde{el}v-$ + $-es-$ могут быть условно определены как протогреческие.

§ 3. Генезис лексики $\tilde{el}vos$ и развитие ее словообразовательной структуры

В соответствии с избранной нами этимологической версией, обратимся прежде всего к реконструкции значения корневой морфемы $*swe$.

Общепризнанным в сравнительном языкознании является тот факт, что значение основы рефлексива $*swe$ в и.-э. эпоху существенно отличалось от значения возвратного местоимения в современных языках. Так, в германских и романских языках не существует

ни собственно возвратных, ни возвратно-притяжательных местоимений, аналогичных индоевропейским, поскольку формы, восходящие к и.-е. **swe* ограничены в своем употреблении 3-м лицом ед. и мн. числа. В и.-е. же языковом состоянии возвратные и возвратно-притяжательные местоимения были едиными для всех лиц. В этом плане и.-е. местоименная система была аналогична современной русской и системам других славянских языков.

Отсутствие в языке дифференцированных форм рефлексива, по мнению исследователей, соответствует архаической стадии общественного сознания, на которой "моя собственность" еще не дифференцировалась от "твоей", а реальным субъектом отношений собственности выступал нерасчлененный коллектив. Примитивные формы общественного бытия закономерно отражались в языковых формах, чуждых какому бы то ни было выделению индивидуального субъекта.

Так, О.Семеренки следующим образом трактует неразличение личных форм в и.-е. языке: "Не было, конечно, личной собственности на отторжимые предметы (в противоположность к неотторжимым частям тела, например, ноге и т.д.), все принадлежало большой семье. Она называлась **swe* / **swo* "род" (от **su* - "родиться"), а адъективированная форма **swo-s* обозначала "принадлежащий роду = общественный" [95, с. 236]. Определение субъекта отношения **swe* как "рода", понимаемого как "большая семья" является, разумеется, гипотетическим. В литературе можно встретить и другие мнения о природе коллектива, выступавшего как субъект отношения **swe*. Например, Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров называют его "племенем", "группой", "брачным классом" [45, с. 96], Э. Бенвенист - "*une fraction sociale*" [240, v. I, p. 215], "groupe", [240, v. I, p. 332].

Конкретно-историческая интерпретация объема рассматриваемо-

го корня наталкивается прежде всего на сложности историко-социологического порядка. Одним из основных в социальной психологии является тезис о наличии чувства единого "мы" в человеческом коллективе [90, с. 84; 87; 54, с. 61]. Чувство "мы" служит источником осознания социальной, половой, возрастной, территориальной и других форм групповой принадлежности. Осознание групповой принадлежности определяет как самосознание индивида, так и его поведение по отношению к "своим" ("членам своей группы") и "несвоим" ("нечленам"). Сознание общности присуще группам самого разного иерархического уровня и масштаба, как родственным, так и территориальным, этническим и др.

Указанные положения, будучи универсалиями социальной психологии, применимы также и к примитивным обществам. Данные этнографии Австралии, и Новой Гвинеи, а также сведения о народах Африки и Америки до колонизации, об эскимосах и народах Сибири до их контакта с русскими убедительно свидетельствуют о наличии у аборигенного населения развитых форм самосознания. Это позволяет утверждать, что сознание "мы" было характерно как для членов первобытного рода, так и для членов первобытной фратрии, племени, союза племен и т.д. В этом смысле все приведенные выше мнения об атрибуции *awe имеют под собой определенные основания, т.к. осознание "мы" свойственно каждому из названных объединений: большой семье, роду, племени, брачному классу и т.д. Но именно по этой причине конкретно-историческая аргументация каждой гипотезы должна быть особенно тщательной, поскольку любая группа обладает групповым сознанием, а следовательно, потенциально способна быть денотатом *awe. Любая из приведенных гипотез семантически непротиворечива, но содержащиеся в них исторические решения весьма далеки друг от друга.

Для решения вопроса об атрибуции **zwe* представляется необходимым прежде всего рассмотреть лингвистические данные, касающиеся данного корня. Отражения праформы **zwe* сохранены во многих н.-в. языках, и среди них можно выделить несколько семантических классов. Во-первых, рассматриваемый корень сыграл заметную роль в формировании терминологии родства, особенно в балтославянском ареале. От него образованы десятки лексем: русск., укр., белор. *свояк*, болг. *свояк*, *свено*, серб. *свој ђак*, *свајак*, словен. *svojak*, *svak*, чеш. *словацк*, *svak*, польск., в.-лук., н.-лук. *swak*, ср. в германском ареале др.-в.-н. *swīo*, *geswīo* "брат жены, тесть, свояк", русск. *свест* "свояченица, сестра жены", укр. *свість*, болг. *свестка*, серб. *свѣст*, словен. *svēst*, чеш. *svěst*, польск. *swieść*, ср. в балтийском ареале лит. *svaine* "сестра жены", латыш. *svainē* лит. *sváina* "свояк", латыш. *svainē* "брат жены", а также др. - в.-н. *swēinn* "слуга, пастух", др.-исл. *swēinn* "мальчик, парень, слуга" и т.д. К тому же корню возводятся лит. *svēčias* "гость", *svētima* "чужой". Подробное о семантике и морфологии этих терминов см. [III, с. 139-144].

Другим значительным классом производных от **zwe* являются этнонимы и appellativы со значением "народ": др.-исл. *swíar*, др.-швед. *swéar*, *swíar* (откуда русск. *шведы*), др.-сакс. *swéon*, ср. упоминаемые у Тацита *Suiones*, а также *Suonans* Иордана и *Sueones* Саксона Грамматика. С расширителем **bh* указанный корень образует этноним *Suebi*, *Suevi*, др.-в.-н. *Schwaben*, а в италийском языковом ареале - лат. этноним *Sabini* и топоним *Samnium*, осск. *Safinim*, лат. *Sabelli*. В балтийском ареале известен топоним *Semland* "местность в Пруссии", сохранившийся в латинизированной передаче *Sambia*, *Sambia* (XIII в.), что позволяет реконструировать прусский этноним *Sembi* [287, с. 76]. К этому же

классу некоторые этимологи относят и славянские этнонимы "сербы", "словене" [287, s. 76; IO, т. 3, с. 664-666]. О скр. *sabna*, гот. *sibja* и других германских именах нарицательных речь уже шла в § I. О возможных рефлексах ^{*}swe в кельтском, а также о соответствующей интерпретации лат. *sodalis* см. в работе Н.Отрембского [287].

В древнегреческом языке представлены оба класса дериватов от ^{*}swe. Общепринятым является возведение к ^{*}swe *soz* гезихиевой глоссы *σορς* *пробукаос*. "Данный термин, достаточно нечеткий, применяется, - предполагает Э.Бенвенист, - для такой степени родства, которую субъект практически не сознает ("on n'avait plus nettement conscience") [240, v. I, p. 214].

Э.Бенвенист считает возможным возводить к ^{*}swe также аргоосскую форму *whēlēvres* = *ἰδὴνῆς* "частное лицо", а в формах типа *ἰδίας* он усматривает регрессивную диссимиляцию ^{*}swed. Сюда же он привлекает *ἔλγς*, а также *ἐλεῖρος* [ibid.]. Большинство этимологов происхождения *ἐλεῖρος* и *ἰδίας* от ^{*}swe представляется сомнительным [182; 183; но ср. 289, s. 187].

Отражение и.-е. ^{*}swe в древнегреческом не ограничиваются обозначениями родства, социальными терминами и другой апеллятивной лексикой. Важнейшее значение имеет наличие таких этнонимов, как *Ἐδνίβρι* и *Ἐδέρι*, совершенно не отраженное в семасиологической литературе. Подробнее на них мы остановимся в § 4.

Образование от ^{*}swe терминов родства, обозначений этно-социальных общностей, а также собственных имен - этнонимов свидетельствует о том, что в общиндоевропейский период в структуре данной морфемы присутствовали как значение "родственной близости", так и "этнической общности". Утверждать, что специализация этих значений произошла в ходе членения и.-е. языковой общности,

невозможно, поскольку в ряде языков представлены оба типа семантического развития.

Особое значение имеет образование от указанной праформы такого древнейшего класса имен собственных, как этнонимы. Семантическая типология этнонимии активно разрабатывалась в этнографической науке начиная с середины прошлого столетия, а в последние десятилетия к ней обратились также и филологи. Этнонимы со значением "мы, свои, наши" — это четкий, хорошо выделяемый класс собственных имен, в изучении которого имеется уже определенная традиция. Как правило подобные этнонимы объединяются в классификациях с этнонимами, обозначающими "союзники", "народ", "люди", "настоящие люди". Так, Г.Лангенфельт (G. Langenfelt) выделяет имена типа "human beings" в первый класс своей типологии этнонимов, а ко второму относит обозначения с семантикой "we, confederate, our own" [285, p. 296]. В классификации В.И.Супруна первый класс разряда эндоэтнонимов составляют имена со значением "человек, народ, свой, настоящий человек" [103, с. 11]. Первые места в классификациях отведены данной лексической группе не случайно, поскольку, как отмечает В.И.Супрун, "семантический тип "человек", "народ", распространенный среди древних этнонаименований, на более поздней стадии развития языков не встречается" [103, с. 8].

Установлено, что "людьми", "своими", "настоящими людьми" называют себя члены этнических общностей всех континентов Земли, говорящие на самых разнообразных языках: ительмены и чарийцы в Азии, племена готтентотов и банту в Африке, маори в Новой Зеландии, декоты и араваки в Северной Америке, тегумы на Тиморе, минхесы на Северном Сулавеси и т.д. [76; 285]. Особую известность получили материалы о номинативном типе "человек", "свой" в па-

от отметить следующие важные моменты. Первобытные общины были матрилинейны и экзогамны, и их члены состояли между собой в кровном родстве. Однако ошибкой было бы сводить социальные отношения внутри первобытного рода к физиологическому родству. Помимо родства по крови род объединял и родственников по браку, а также фиктивных родственников, т.е. членов других групп, эдаптированных или ассимилированных данной группой. Действительная общность членов группы заключалась не столько в реальном родстве, сколько в общности их конкретной совместной жизни, в общности бытования [49, с. 466]. Аналогичным образом в остальных районах Африки "для этнических отношений в акефальных (т.е. доклассовых земледельческо-скотоводческих - Ю.К.) обществах характерны такие механизмы, как установление общей фиктивной генеалогии, брак, военный союз, хозяйственная кооперация, "экологический симбиоз", совместное решение конфликтов, участие в религиозных группах, членство в роде и т.д." [123, с. 242].

Установлено также, что еще на уровне родовой организации существовали черты, отличавшие один род от другого, как-то: навыки и приемы охоты и собирательства, закрепленные именно в данном коллективе, отличия в технологии изготовления орудий труда и в применении этих орудий и т.д. Эти черты были зародышами этнодифференцирующих признаков, т.к. противопоставляли способ бытования одного коллектива способу бытования другого. "Функции реальной, фактической этнической единицы на фазе родового коммунизма выполняет родовая коммуна, а специфическое самосознание этнической принадлежности еще не получило развития, не вычленилось из родового самосознания и фактически совпадает с последним, составляя с ним единство", - пишет М.В. Кроков [53, с. 10].

"В этих условиях не могло появиться какого-либо этнического

чувства, отличающегося от родственного", - заключают авторы "Истории первобытного общества" [49, с. 467].

Естественно, что в таком случае и формы выражения этнического самосознания должны совпадать с формами выражения родового самосознания. Сосуществование значений "этнической общности" и "родственной близости" в и.-е. **swe* подтверждает справедливость теоретических выводов археологов и этнографов данными лингвистики. Тем самым **swe* выступает как один из древнейших звуковых комплексов, дошедших до нас из палеоистории, а значение "мы" (в смысле "совместно существующий родственный коллектив") - как один из древнейших семантических комплексов. В.И.Абаев прямо утверждает: "Работа сознания начиналась с осознания своего коллектива в его противопоставлении другим коллективам и в дальнейшем отражала все модификации и перипетии этих отношений. Противопоставление "мы" и "не-мы", будучи первой социальной классификацией, было и первой лексико-семантической оппозицией" [15, с. 241]. И далее: "Одна человеческая орда ничем биологически не отличалась от другой. Новые социальные оппозиции, пришедшие на смену биологическим, могли найти выражение и обьективироваться только в символах. Такими символами и стали первые социально обработанные звуковые комплексы, первые слова. Они обозначали примерно то, что мы выражаем теперь местоимениями "мы", "наше" в противоположность "не-мы", "не-наше"..." [15, с. 244].

По вопросу об условиях, необходимых для зарождения группового самосознания и конкретных путях вычленения этнического сознания из родового, единства мнений нет. Разногласия обусловлены в основном тем, что исследователи по-разному представляют себе демографические и экологические параметры первобытной истории. Согласно распространенной точке зрения, в эпоху среднего палео-

лита не была достигнута еще плотность населения, достаточная для т. наз. "трения групп", т.е. для регулярных контактов между различными общинами. А поскольку не существовало "чужих", которым данная община могла противопоставляться как "своя", то не существовало и самого этого противопоставления, т.е. зародышевого самосознания [49]. Крупнейший советский социопсихолог В.Ф.Поршнев, напротив, полагает, что начатки этнических противопоставлений связаны не с контактами изолированных групп, а с разделением "аморфного единства вида". Какая-то часть общины вынужденно отсекается от своих, поскольку прежняя территория уже не в состоянии их прокормить, и становится "чужой" [90, с. 79-107; 88, с. 458].

Вне зависимости от конкретного мнения о составе древнейшей оппозиции "мы, свои" - "чужие, не наши" большинство исследователей согласны в том, что к началу верхнего палеолита, т.е. в эпоху археологически совпадающую с поздними формами леваллуа-мустье, оформились экзогамные родовые коллективы, обладавшие групповым самосознанием. Экзогамия этих коллективов и развитие дуально-фратриальной организации явились мощными факторами развития группового самосознания. Объединение нескольких родов подразумевает их территориально-диалектную близость, а дуальность социальной структуры включает момент противопоставления. Основным звеном этого противопоставления является объединение нескольких родов (или даже один род), составляющий фратрию, противостоящую другой фратрии. Естественно, что "своими" при такой общественной организации будут члены "своего" или нескольких "своих", т.е. соседствующих родов, в противоположность "чужим" членам другой фратрии. "В связи со всем этим можно предположить, что названия, развивающиеся от семантики "свои", "товарищи" к семантике "свои",

"народ", берут свое начало в ту эпоху, когда племя еще не оформилось, а наиболее устойчивой осознаваемой общностью была общность фратриальная. Эти преобразы этнонимов существуют в ту пору лишь как нарицательные слова...", - пишет Я.В.Чеснов [II?, с. II]. Лингвистические материалы, собранные этнографами у примитивных народов, сохранивших фратриальную структуру, подтверждают это предположение. Так, согласно Б.Вениаминову, у тлинкитов человека другой фратрии называют в своем кругу куне-теканаги, т.е. "alienus", "не-наш, чужой", а в глаза - ахсани "дядя" или ахкани "зять, шурин".

Поскольку фратриальная общность выступает и как территориально-производственная, в качестве самоназваний-предэтнонимов употребляются и слова хозяйственной семантики. Например, у северо-западных аламских тагвийцев самоназвание "ня" обозначает собственно "товарищ по охоте", а у эскимосского племени, описанного М.Мауса и М.Вешат, употребительно самоназвание "товарищ по местожительству". По поводу этих и других аналогичных примеров Я.В.Чеснов замечает: "Характерно, что только названия людей своей фратрии (подчеркнуто нами - Ю.К.) обозначает "свои", "приятели" [II?, с. II].

Привлечение историко-типологических данных позволяет глубже осмыслить семантику и.-е. *swe. Тезис о том, что денотатом *swe является экзогамная группа, встречается в компаративистической литературе давно, но высказывается он с разной степенью уверенности. Например, Э.Бенвенист в "La vocabulaire des institutions indo-européennes" приводит его как гипотезу [240, v. I, p. 331]. У Вяч.Вс. Иванова и В.Н.Топорова *swe названо "своим брачным классом" без каких-либо оговорок [45, с. 96]. Значение *swe сопоставляется ими с русск. "свой" в выражении "свои люди"

[там же]. В этой связи можно отметить, что, во-первых, уточнения требует выражение "свой брачный класс", поскольку из уже упоминавшихся балто-славянских лексем явствует, что это брачный класс, к которому принадлежит партнер говорящего, но не сам говорящий. Слово "свой" обозначает в данном случае не "класс, к которому принадлежим мы, наш брачный класс", а "класс, который предназначен для нас", т.е. противоположный в дуальной организации. Во-вторых, в слово "свой" в выражении "свои люди" может вкладываться самый различный смысл: родство, совместная деятельность, приятельско-дружеские отношения и т.д., поэтому при определении содержания социальных терминов предпочтительна большая точность. Подобная аналогия методологически неприемлема, поскольку существовавшие в первобытности отношения и способы их осмысления принципиально несопоставимы с социальными связями в цивилизованном обществе.

Вопросы семантической реконструкции ¹awe вплотную смыкаются с вопросами палеосоциологии и не могут быть решены без последних. В заключение подчеркнем еще один существенный момент. Этнографы, наблюдавшие примитивные коллективы Новой Гвинеи, Меланезии, Северной Ганы и других регионов, выявили в ряде случаев отсутствие у аборигенного населения этнического самосознания и соответственно отсутствие этнических самоназваний [123, с. 234]. Однако и в этих случаях существуют определенные формы группового самосознания и специфические самоназвания. Так, папуасы Новой Гвинеи называют жителей своего и соседнего поселения словами "маринд-эним" и "маринд-мае", а всех остальных — словами "икам-эним" и "икам-лаиану". По мере перемещения по местности денотаты данных слов меняются, но содержание их остается прежним, т.е. для каждого поселения "свои" называются словом "маринд-эним", а

чужие - "икам-аним". В горах Нуба в Судане этноним "черные люди" или "горные люди", согласно данным полевых исследований, относился "в представлении разных племен и даже разных людей... к разнообразным общностям в зависимости от социального опыта информаторов. В целом так называли себя и своих соседей" [123, с. 233].

Этнографические данные показывают, что такие параметры, как культура, язык, территориальные деления и родственные отношения, могут игнорироваться групповым самосознанием, т.е. совершенно не осознаваться членами этнических групп [123, с. 231]. Во всех подобных случаях особое значение имеет конкретно-бытовая общность коллектива. Вообще, чем элементарнее и компактнее общественная единица, тем большую роль в ней играют непосредственные связи и меньше потребность в символических выражениях единства группы, а следовательно, и в осознании аспектов этого единства [123, с. 235]. Для примитивной общины сферы социальной жизни тесно слиты в едином комплексном "мы". "Мы" - популяция, живущая "здесь" и "так". При этом "здесь" обозначает не абстрактно-географическое понятие, а конкретную местность бытования, место жизни "своих", а "так" - не абстрактный *modus vivendi*, а конкретную совместную производственную деятельность. Ближайшие соседи могут включаться в "мы", поскольку участвуют в этой совместной деятельности, и противопоставляться "мы", поскольку в ней не участвуют. Так, эвенкийский предэтноним "тэгэ", а также лексема "ку-мо/кимо", распространенная у народов Амура, применяются, во-первых, к членам собственной этнической общности, т.е. как самоназвание, а во-вторых, к членам чужой общности. В этом последнем качестве предэтноним может выступать и как апеллятив, и как этноним [114, с. 41, 32]. Подобные примеры свидетельствуют об исключительно важной роли, которую играют производственно-общин-

ные отношения в становлении понятий о групповой принадлежности.

Итак, рассмотрев генезис понятий, отраженных в и.-е. ^{*}swē, можно констатировать следующее: ^{*}swē представляет собой предэт-
ноним, т.е. специфическое примитивное групповое самоназвание,
из которого впоследствии развиваются собственно этнонимы и апел-
лятивная лексика со значением "этно-социальная общность". Факт
функционирования ^{*}swē как обозначения фратрии подтверждается
наличием производных от него обозначений родства, которые отно-
сятся, однако, к членам противоположной фратрии, т.е. к "чужим"
в отличие от эндоэтнонимов, относящихся к представителям своего
народа. Для формирования группового самосознания членов группы -
^{*}swē необходимым условием выступает их совместная производст-
венная деятельность.

Переходя к анализу семантики морфемы ^{*}swēdh, следует от-
метить, что расширитель ^{*}dh традиционно понимается в компаре-
тивистике как морфологическое выражение состояния [95, с. 297].
Э. Бенвенист следующим образом определяет его семантику: "...аф-
фикс ^{*}dh выражает состояние, и особенно достигнутое состояние;
корни, к которым он присоединяется, обнаруживают среднее (т.е.
медиальное - Ю.К.) и непереходное значение" [26, с. 220]. Оче-
видно, что медиальное значение по своей сути тождественно значе-
нию ^{*}swē; семантика ^{*}swē есть как бы абсолютное лексическое
выражение медиальности.

В древнегреческих производных от ^{*}swēdh хорошо прослежи-
вается как семантика ^{*}swē, так и ^{*}dh. Так, для удлиненной сту-
пени ^{*}swēdh характерно семантическое развитие по линии "преби-
вание здесь" с акцентированием локальной семы. Широко известны
употребления *πόσις γ' ἦδε καὶ πόσις ἑσσις* (II. 6. 511 ,
"место, где обычно (всегда) пасутся кони", (в ДГРС ошибочно -

"стойла для лошадей"), $\langle \beta \acute{\upsilon} \lambda \alpha \varsigma \rangle$ ἔρλαν κατὰ ἵδρα κορυφῆν
(Od. 14. 411) "место ночлега свиней, хлев", ἵδρ' αὖτ' ἀβόγων
(Hdt. 7. 125) "логова львов", а также ἵδρα Περβέων
(Hdt. 1. 57) "обычное, постоянное местожительство персов" и
βαρβαρίων ἵδρ' (Hdt. 1. 157). Лексема ἵδρα в этом
употреблении сохраняет сему коллективного субъекта как примени-
тельно к множеству людей, например, Hes.Frg. 222 ἡ δ' ἔπειτα
καταίοντα πόλιν καὶ ἵδρα Λαῶν, так и к множеству животных.
По-видимому, это словозначение является практически pl. tantum.
Некоторые контексты показывают вымывание семы коллективности,
например, у Геродота ἐλθόντες ἐξ ἵδρων καὶ ἵδραν ἀναστῆσαν
(2. 142). Контекст этот достаточно характерен в плане наличия
семы "постоянного местонахождения". Не исключена возможность
фразеологизации данного словозначения: у Аристотеля εἰς τὰ βρε-
γερὰ ἵδρ' καὶ νομάς, переводимое ДГРС как "восвояси" напоминает
вышеприведенное Il. 6. 511.

Как мы видели выше, для коллектива "своих" характерно не
только "совместное пребывание", но и "совместный образ жизни".
Модальная семантика "так, как обычно" получила глубокую разра-
ботку в древнегреческом. Помимо известных модальных значений
лексем ἔδος, ἵδος, εἴωδα, отметим глоссу Гезихия
ἔδα πόλιν с возможным развитием "так, как всегда, как обычно"
> "так, как прежде".

Модальные значения ἵδος активно эволюционируют от кон-
кретного к абстрактному. Однако в ходе этой эволюции сема "кол-
лективного субъекта" не утрачивается, а продолжает актуализиро-
ваться в сочетаниях типа τὸ τῆς πόλεως ἵδος Isoc.
2. 31, βαλόντων τῆς πόλεως τὸ ἵδος D. 20. 14. Естественно,
что по мере развития социальных структур все большее значение

приобретает не коллективная, а индивидуальная деятельность, индивидуальный образ мыслей и действий. К индивидуальным субъектам относятся многие хронологические ранние употребления как $\eta\delta\omicron\varsigma$, так и $\epsilon\delta\omicron\varsigma$; Hes. Op. 67, 78 (о Пандоре), Pl. O. II. 21, A.Ag. 728 (оба последних - об индивидуальном характере, нраве животных). В своем словаре П. Шанрен отмечает, что $\eta\delta\omicron\varsigma$ "ne se confond nullement avec $\epsilon\delta\omicron\varsigma$ " [182, s.v.]. По-видимому, причиной этого утверждения послужило наличие у Платона выражений типа $\tau\omicron\ \eta\alpha\upsilon\ \eta\delta\omicron\varsigma\ \delta\iota\alpha\ \epsilon\delta\omicron\varsigma$ (Lg. 792 e) - "всякий $\eta\delta\omicron\varsigma$ есть результат привычки" и др. Подобные сочетания отражают, однако, лишь присущее Платону тяготение к игре слов, к сопоставлению однокоренных производных и даже значений одного слова (ор. игру двумя значениями слова $\eta\delta\omicron\varsigma$ в Pl. Ph 277a). В целом же узус $\eta\delta\omicron\varsigma$ и $\epsilon\delta\omicron\varsigma$ характеризуется значительным сходством, что было отмечено еще лексикографией прошлого столетия (TGL, Razow).

$\epsilon\delta\omicron\varsigma$ и $\eta\delta\omicron\varsigma$ не развивают значений "образе или способе действий вообще, безотносительно к субъекту" или "качества вообще", как русск. овойство или алб. $veti < i\ vet$ "свой". Всякий $\eta\delta\omicron\varsigma$ - это индивидуальное, личное свойство, откуда такие употребления, как $\eta\delta\omicron\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \psi\upsilon\chi\eta\varsigma$ (Pl. R. 400), $\eta\delta\omicron\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \gamma\upsilon\gamma\gamma\eta\varsigma$ (D. 61. 16). Заметки абстрактного значения "свойства, качества" видны лишь у Эмпедокла, где $\eta\delta\omicron\varsigma$ -ом обладают элементы (I7. 28), но ввиду конкуренции с другими лексемами ($\phi\upsilon\beta\iota\varsigma$, $\gamma\upsilon\gamma\gamma\eta\varsigma$, $\mu\acute{o}\delta\omicron\delta\omicron\varsigma$ и др.) этот семантический аспект $\eta\delta\omicron\varsigma$ не получает дальнейшего развития.

Интересно, что $\epsilon\omega\epsilon\delta\eta$ развивает семантику "привыкший к данному месту обитания", "живущий здесь" и в адъективных образованиях. Лексема $\epsilon\gamma\epsilon\delta\eta\varsigma$, $\epsilon\delta\omicron\varsigma$ в применении к птицам обозначает

"домашний, ручной" (Ag. Av. 271, ср. Them. Or. 22. 273 с, а также *ἡ εἰσδαῖ, ἀβας* - о домашнем голубе в Hdn. Philet. 446 P). Обозначения домашних животных как "привыкших к человеку", "принадлежащих человеку", восходящие к **swe*, известны и в славянских языках, например, укр. свійська тварина "домашнее животное", польск. *swojskie kaczki* "домашние утки" и др.

В этой связи интересна также глосса *ἔδῃ ἀρετῇ*, которую, видимо следует понимать как "материальные блага, собственность".

Существенное значение для понимания семантики морфемы *swedh* имеют многочисленные, но по большей части малоизвестные образования с вокализмом *o*. Так, у Гомера (только в "Илиаде") встречается презенс и имперфект глагола *ὀδωμαι*, употребляемого лишь в формулах с отрицанием, что, безусловно, свидетельствует о его значительной древности: *βέδω ... οὐκ ἔδωξίην, οὐδ' ὀδωμαι* *πολέωντος* (I. 181, Агамемнон об Ахилле), *οὐκ ἔδωξίην οὐδ' ὀδωμαι* (15. 107, Гера о Зевсе). Этому гомеровскому употреблению подражает также Апполоний Родосский (3.94, I.1267). В интерпретации данного глагола как "обращать внимание, заботиться" лексикографическая традиция едина. У Гезихия находим множество глосс, которые можно сопоставить с указанным значением: *ὀδῷ φρονεῖν, ὀδεύει φρονεῖν, ὀδεῖν φρονεῖν*. Возможно, сюда же следует отнести *ὀδῶμαι βεννοῶμαι* поскольку уже у Гомера ментальный компонент в глаголе *ὀδωμαι* достаточно силен.

Значение "заботиться" присуще, видимо, не только образованиям ступени *o*. В "Илиаде" (21. 347) зафиксирован не вполне ясный семантически глагол *ἔδειρῃ*, в течении долгого времени упоминавшийся в словарях как *гапакс*: *χαίρει δέ μιν (σο. Ἀλκίῃ) ὅς τις ἔδειρῃ*. И.Х.Дворецкий дает этому контексту следующее

объяснение: "досл. расчесывать, перен. пахать, возделывать" (ДГРС), из чего ясно, что он сближает *ἑδεῖρ* с *ἑδεῖρα* "гри-ва, волосы". Можно заметить лишь, что данные семантической типо-логии не подтверждают связи между глаголом "расчесывать" и су-ществительным "волосы". Кроме того, такая интерпретация не со-гласуется со вторым сохранившимся контекстом данного глагола *Χρυ-βείας φορέβειν ἑδεῖρεται* (Orph. A. 929). LSJ дает для послед-него перевод "he is decked with golden scales" ("он покрыт зо-лотыми чешуйками"). Для гомеровского контекста LSJ, как и боль-шинство словарей, констатирует значение "tend, till" ("пахать, обрабатывать землю").

Очевидно, что значение "расчесывать" или "пахать" для актив-ной формы не соотносимо со значением "быть покрытым" для пассив-ной или медиальной. Вопрос о значении *ἑδεῖρ*, таким образом, нельзя считать решенным. Между тем в нашем распоряжении имеется глосса Гезихия *ἑδεῖρ ἐπιμαρτύνει ἄζωον*, ориентированная, по всей вероятности, непосредственно на Гомера. Семантически толкование Гезихия богаче толкований современных лексикографов, т.к. последние и в случае "tend, till" и в случае "decked" опирались лишь на сами контексты. Сходство значений *ἑδεῖρ* и *ἔδω* было отмечено П. Монтреном [182, в. v. *ἑδεῖρ*], но ему осталось неизвестным употребление *ἑδεῖρεται*.

Значение "заботиться", присущее *ἔδωμαι, ἔδω, ὀδῶν, ὀδεῖν* и также, согласно Гезихию, *ἑδεῖρ*, хорошо согласуется со всем комплексом значений **awe*. "Заботиться, придавать значение кому-либо или чему-либо, обращать внимание на что-либо" - естест-венный способ отношений внутри сферы "своего".

Таким образом, большинство лексем, образованных от **swedh*, содержат в своей семантической структуре семы коллективного и

одушевленного субъекта. В целом семантика $\tilde{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$, $\tilde{\gamma}\lambda\omicron\varsigma$ весьма сходна с семантикой скр. $svadhnā$, обнаруживающего значения "обычное, привычное состояние", "своеобразие" и "местопребывание" [6, s.v.] .

Анализ дальнейшего словообразовательного процесса требует решения вопроса о том, в каком качестве существовал корень $*swedh$, т.е. был ли он глагольным или субстантивным. Наличие в греческом языке глагольной формы, отражающей $*swedh$, проблематично.

Гомер дважды (Ил. 9.540 и 16.260) употребляет причастие $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\nu$. Помимо Гомера, $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\nu$ встречается в 108-м фрагменте Каллимаха, но это употребление не может рассматриваться как не зависящее от Гомера и традиции его ученого комментирования. Некоторые исследователи, в том числе К.Фр.В.Шмидт [305, s. 231], Э.Риш [301, s. 242] и Х.Фриск [183, s.v.], полагают, что это причастие не следует соотносить с перфектом $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\delta\alpha$. В интерпретации семантики $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\nu$ они следуют за схолиями $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\nu$ $\beta\lambda\epsilon\pi\tau\omega\nu$, $\varphi\delta\epsilon\iota\rho\omega\nu$ (к Ил. 9. 540) и $\epsilon\rho\epsilon\delta\iota\gamma\omega\nu$ (к Ил. 16. 260). К числу однокоренных с $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\nu$ ими относятся также лексемы $\tilde{\epsilon}\delta\rho\iota\varsigma$ $\gamma\omicron\rho\iota\alpha\varsigma$ $\kappa\rho\iota\omicron\varsigma$ ("кастрированный баран") и $\tilde{\epsilon}\delta\rho\iota\epsilon\iota$ $\varphi\delta\epsilon\iota\epsilon\iota$, $\epsilon\rho\epsilon\delta\iota\gamma\epsilon\iota$ (обе - $\mu\epsilon\sigma\chi.$), а также $\tilde{\epsilon}\delta\rho\iota\varsigma$ - dubia lectio для эпиграммы AP. 6.219, где реконструируется значение "эвнух". Презенс $*\tilde{\epsilon}\delta\omega$ имеет, по их мнению, значение "вредить, нарушать целостность" и служит базой для образования итеративно-интенсивного глагола $\alpha\delta\epsilon\omega$ "толкать, бросать".

Эта точка зрения не разделяется многими лексикографами, в т.ч. авторами LSJ. ДГРС и др., которые считают возможным соотносить $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\nu$ с $\tilde{\epsilon}\lambda\omega\delta\alpha$, а следовательно и с $\tilde{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$ и реконструировать презенс $*\tilde{\epsilon}\delta\omega$ со значением "иметь обыкнове-

ние". К первой позиции склоняется П. Шантрен, оценивающий "иметь обыкновение" как форму "весьма сомнительную" [182, s.v. *ἔδω*].

Небезынтересно отметить, что в различных разделах компендиума Э. Швицера и А. Дебруннера [308, Bd. I] содержатся высказывания в пользу обеих противоположных точек зрения. Так, на с. 703 в прим. 4 признается корневое единство *ἔδω* и *εἶδα*, причем последнее толкуется — со ссылкой на К. Бругманна — как деноминатив к скр. *avadhā* "Lebensgeist" ("жизненное начало"). На с. 723 в прим. 3 признается правдоподобие интерпретации *ἔδω* как *ἐλέγχω*, а на с. 720 в прим. 9 высказано предположение, что упомянутая гезикиева глосса основывается исключительно на тексте Гомера и, следовательно, не может рассматриваться как самостоятельное свидетельство. Это последнее предположение, напротив, ослабляет гипотезу *ἔδω* = *ἐλέγχω*.

Возражая против признания *ἔδω* и *εἶδα* формами одного глагола, Х. Фришк выдвигает следующие доводы: 1) *εἶδα* является перфектом состояния ("Zustandsperfekt"). Существование в древнейшую эпоху синонимичного презенса при таком перфекте неправдоподобно; 2) синтаксическая конструкция, используемая при *ἔδω*, отличается от конструкции *εἶδα*; 3) перевод *ἔδω* = "согласно своему характеру" "звучит странно", т.е. не является семантически убедительным [183, s.v. *ἔδω*].

Поскольку значительную роль в приведенной аргументации играет толкование гомеровского текста, представляется необходимым привести полностью оба контекста с *ἔδω*:

ἡ δὲ Χολωβαρών, δῖον γένος, ἰοχέαιρα,
ἄρβεν ἐπὶ Χλαύνῃ βῆν ἄρριον ἀφροδοντα,
ὅς κεκὰ πόλιν ἔρδεσκεν ἔδω Οἰνῆος ἀλῶν.

ποῦνα δ' οὐκ προέδορμα χαμαὶ βάλε δένδρεα μεκρὰ
ἀνθρώπων ῥίζυβι καὶ αἰγῶν ἀνδρῶν ῥιζῶν.

"Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на них, болокдыкого лютого зверя.
Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
Купы высоких дерев опрокинул одно на другое,
Вместе с кореньями, вместе с блистательным яблоков цветом".

(Ил. 9. 538- 54)

ἀντίκα δὲ βυψέεσσιν ἐοικότες ἐξεχέοντο
εἰνοβίαις, οὓς παῖδες ἐριδραίνουβιν ἔδοντες,
αἰεὶ κερτομέοντες ὁδῷ ἐπὶ οἴκῳ ἔχοντας
νυπίαχοι. ζυνὸν δὲ κακὸν ποδῆέεσσι τιθεῖσιν...

"Быстро они высыпались вперед, как свирепые осы,
Подле дороги живущие, коих сердить приобыкли
Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;
Оноость безумная общее зло навлекает на многих..."

(Ил. 16. 259 - 262)

В обоих примерах текст обладает определенной смысловой целостностью даже без учета причастных форм. Толкования схолиастов, будучи всецело плеонастическими (*ἐν δὲ τῷ* - по отношению к *καὶ ἐνδὲν*, а *ἐρεδίζω* - к *ἐριδραίνω*), ничего не добавляют к смыслу приведенных фрагментов, так что вполне основательно предположение, что они извлечены из текста.

Что касается первого из аргументов Х.Фриске, то по нашим наблюдениям, традиционный перевод *εἰωθε* "иметь привычку, обыкновение" (ДГРС) и соответствующие переводы других двуязычных словарей ("to be accustomed" - LSJ etc.) не отражают в должной мере специфику его употребления. В контекстах, где употребляется данный перфект, речь идет не о привычке как о механичес-

ком бытовом обыкновении делать что-либо, а о гораздо более сложной и важной характеристике действия. Посредством *εἶδος* поэт вводит действия, соответствующие внутренней природе совершающего их персонажа, порожденные его внутренней предрасположенностью, его *ἔδος* 'ом. Так, о Гере Зевс говорит:

Ἦρ' δ' οὔ τι γόβον κερβίφορον οὐδέ χαλᾶμαι
λεῖν γὰρ μοι εἴωθεν ἐμκάδην, ὅγνι κεν εἴπω

"Но против Геры не столько я злобен, не столько я гневен:

Гера обманула все разрушать мне, что я ни эмыслю!" (Ил. 8.403-408).

Ср. также его обращение к Гере в 5-й песни:

Ἰφρυ μάιν' οἱ ἔπρβον ἡδυναιῖν ἄρ' αἰεὶ,
ἦ' ἔμαλ' ἐγὼ κεῖν' εὐδύνει πεδάγην

"Шествуй, восставь на Ареса богиню победы Палладу;

Больше обманула она повергать его в тяжкие скорби" (Ил. 5.765-766).

Геры, ее душевное расположение таково, что она ненавидит Зевса и во всем склонна противодействовать ему, Афина же в силу своего *ἔδος* способна побеждать Ареса. В этих и других подобных случаях *εἶδος* - не формальная привычка, а глубокое личностное свойство и проистекающее из него душевное состояние. Именно использование перфектных форм для выражения душевных состояний по мнению ряда авторов [308, ва. 2, в. 263; 81, с. 92-102; 95, с. 314-315], предшествовало становлению форм результативного перфекта и является, таким образом, одним из древнейших перфектных значений.

Неясно, можно ли говорить об аналогичном значении для причастия *ἔδων*. Перевод "согласно своему характеру", цитируемый Х.Фриском, предполагает практически полную синонимичность этих форм. С другой стороны, LSJ предлагает (для специально) контекста

Ил. 9.540 перевод "much ill he wrought after his wont", где $\tilde{\epsilon}\delta\omega\nu$ сближается по значению с *verba voluntatis*. Очевидно однако, что, во-первых, двух контекстов с $\tilde{\epsilon}\delta\omega\nu$ для установления факта синонимичности $\tilde{\epsilon}\delta\omega\nu$ и $\epsilon\iota\omega\delta\alpha$ явно недостаточно. На наличном материале его можно лишь предполагать, но доказать невозможно. Во-вторых, даже весьма значительная смысловая близость между формами перфекта и партиципа еще не является достаточным основанием для признания "избыточности" последнего. Напротив, поэтика гомеровского эпоса предполагает многообразие способов выражения сходного содержания. Наличие большого количества близких по значению грамматических форм расширяет метрические возможности поэтического языка и является важной чертой эпического стиля [96].

Далее. Различие между конструкциями $\tilde{\epsilon}\delta\omega\nu$ и $\epsilon\iota\omega\delta\alpha$, да и сама конструкция $\tilde{\epsilon}\delta\omega\nu$ труднообъяснимы, если понимать значение $\tilde{\epsilon}\delta\omega\nu$ как "иметь привычку, обыкновение", поскольку глаголы со значением образа или стадии действия употребляются у Гомера обычно в личных, а не причастных формах (Ил. I. 571, 2. 378, II. 442, Од. I2. 400 и др.). Положение меняется, если вслед за LSJ предположить наличие в семантике $\tilde{\epsilon}\delta\omega\nu$ ментально-волеитативного компонента. Тогда для глагола * $\tilde{\epsilon}\delta\omega$ равно допустимыми будут как употребление с инфинитивным дополнением, так и в форме *participium conjunctum*. Ср. например, аналогичные по конструкции контексты с глаголом $\varphi\rho\omega\nu\epsilon\iota\nu$:

$\epsilon\acute{\iota}\ \mu\acute{\eta}\ \text{Απόλλων} \text{ Φοῖβος} \epsilon\acute{\iota}\delta\mu\acute{\eta}\tau\omicron\nu \epsilon\pi\acute{\iota}\ \nu\acute{\upsilon}\rho\tau\omicron\nu$
 $\tilde{\epsilon}\beta\eta\ \kappa\acute{\alpha}\iota\ \acute{\omicron}\lambda\omicron\epsilon\ \varphi\rho\omega\nu\epsilon\iota\nu, \text{Τρώες} \delta' \acute{\alpha}\lambda\eta\eta\sigma\iota\nu$

"...Если бы Феб Аполлон не стоял на возвышенной башне,

Гибель ему замышляя и Трои сынам побояря" (Ил. I6.700-701), где

$\varphi\rho\omega\nu\epsilon\iota\nu$ употреблено как атрибутивное причастие, и сочетание

того же глагола с неопределенными формами:

οἱ περὶ Πατρόκλην ῥέεaban, φρονέον δὲ μάδ' ἔβα
ἄβω λόγι βυέερον εἴεν καὶ ἰῶδες ἄρεβδαι

"...Коя уже окружили Патрокла и сердцем пылали

В стены градские увлечь и великою славой покрыться" (Ил. 17.
286-287).

Наконец, третий аргумент Х.Фриска - о контекстно-семанти-
ческом неправдоподобии ἔδωκεν = "согласно своему характеру" -
должен быть решительно отвергнут по крайней мере по отношению ко
второму из рассматриваемых контекстов. Указанный контекст явля-
ется первым в ряду сравнений, описывающих вступление в битву
отряда Патрокла. Как известно, сравнения легендарного военного
прошлого с картинами обыденной мирной жизни являются одной из
характернейших черт гомеровского стиля [104; 105]. При этом
выбор материала для сравнений диктуется самой идеологией эпоса:
эпическое событие, будучи по сути своей вневременным и общезна-
чимым, сравнимо лишь со сферой всеобщего опыта, т.е. с универсаль-
ными, постоянно повторяющимися, общеизвестными и неизменными ве-
щами и явлениями [61]. В этом смысле эпитет ἔδωκεν пони-
маемый как "которым (обычно) свойственно такое (душевное) распо-
ложение" представляется адекватным поэтической логике текста,
поскольку акцентирует повторяемость второго компонента сравнения,
а следовательно, и эпичность первого.

Как мы видим, аргументы сторонников сближения ἔδωκεν с
οἶδεω отнюдь не бесспорны. С другой стороны, трудно признать
удовлетворительной и интерпретацию * ἔδωκεν, предложенную
сторонниками противоположной точки зрения, поскольку последние,
собственно, просто отождествляют значение * ἔδωκεν со значением
οἶδα.

Исходя из сказанного о семантике $\tilde{a}we$ и $\tilde{a}h$ можно предположить для $\tilde{e}w$ значения "делать что-либо совместно, постоянно, регулярно", "совместно, постоянно проживать, осваивать определенную территорию". Примеры, приводимые Э. Бенвенистом, показывают, что глаголы, содержащие суффикс $- \tilde{a} -$, имеют разнообразные видовые значения: интранзитивное ($n\tilde{a}y\tilde{a}w$ - "быть полным"), инкоативное ($n\tilde{a}y\tilde{a}w$ - "становиться полным, наполняться") и др. Распространяя это наблюдение на $\tilde{e}w$, получим наряду с вариантом "жить" также и вариант "поселяться". В таком случае стих 9. 540 можно перевести: "...который стал вредить саду Инея, поселившись <в нем>". Однако в целом вопрос о семантике $\tilde{e}w$ нельзя считать решенным удовлетворительным образом.

Реконструкция дальнейших стадий генезиса $\tilde{e}wos$, т.е. $\tilde{e}w + -v-$ и $\tilde{e}w + -\tilde{e}s-$ наталкивается на весьма значительные трудности, поскольку как значение суффиксальной модели на $-v-$, так и значение модели на $-\tilde{e}s-$ до настоящего времени не может считаться надежно установленным. Объективная сложность исследования столь архаичных словообразовательных моделей состоит в том, что во многих случаях для производных на $-v-$ и на $-\tilde{e}s-$ утеряны производящие слова. Тем самым морфологи лишены возможности обобщать семантическое приращение, возникающее при присоединении аффикса к производящему слову, а вынуждены основывать свои выводы на значениях самих производных. Последние же зачастую не имеют никаких общих сем, кроме категориальных.

Поэтому многие исследователи считают $-v-$ и некоторые другие суффиксы, состоящие из одной фонемы, основообразующими ("stammsuffixal en Konsonanten"), и вопрос об их значении не рассматривают.

Что же касается значения *-es-*, то многих исследователей не удовлетворяло изложенное в § I расплывчатое определение семантики производных на *-es-*, данное Э. Швицером и А. Дебруннером. Поэтому Порцигом, Гондой и другими компаративистами и эллинистами предпринимались попытки точнее определить семантику данной морфемы (Обзор различных мнений см. в [291]). В. Порциг, например, утверждал, что в первоначальную семантику *-es-* входит тема "враждебный человеку, неблагоприятный для него, вызывающий негативное отношение". Гонда закономерно возражала В. Порцигу, замечая, что в семантике такого, например, древнейшего существительного, как *ἔνδος*, не обнаруживается никаких следов "враждебности". Нет также никаких свидетельств того, чтобы с данным словом ассоциировалось понятие о недоброжелательной злой силе.

Обычной условностью семасиологической практики является толкование *-es-* как чисто категориального форманта. Достоинством такого толкования является то, что хотя значение производного и может оказаться недопонятым, оно тем не менее не отягощается темами, достоверность которых сомнительна. Примеры подобной интерпретации суффикса *-es-*, а также суффикса *-v-* мы видели выше в толкованиях *ἔνδος* Ф. Пассовом и М. Лакруа. Внутренняя форма *ἔνδος* понималась ими как "обладающий *ἔνδ-*", а значение *ἔνδ-* сузилось до "обыкновение, привычка".

Нам представляется, что суффикс *-v-* в *ἔνδος* можно интерпретировать как девербативный (ср. *ὑπνος*, *ποιῶν*, *κτλ.*), а формант *-es-* — как категориальный. В этом случае *ἔνδος* является именем по глаголу **ἔνδω*, о значении которого ("совместное существование" в различных его аспектах) уже говорилось выше.

Существительное *ἔνδος* как и другие имена на *-vos*, возникли в результате многостадийного словообразовательного процесса.

Однако специфика деривационных отношений такова, что они никогда не присутствуют в языковом сознании вместе со своей предысторией. На поверхностном синхроническом уровне диахронически многослойная структура предстает всегда как простейшая бинарная. Способы, какими диахроническая многочленность "сворачивается" в синхроническую двучленность, многообразны и зависят от большого числа разнообразных факторов.

Переосмысление словообразовательной структуры имело место и в истории существительного *Σελος*, и в истории других имен на - *vos*. Это переосмысление является, по нашему мнению, результатом взаимодействия двух тенденций, которые можно условно обозначить как тенденцию к упрощению и тенденцию к переразложению.

Общезвестно, что в сигматических основах в результате выпадения интервокальной сигмы в Gen. Dat. Sg., Nom.-Acc.Pl., а также во всех падежах дуалиса происходит слияние суффикса - *es* - с падежными окончаниями (Gen.Sg. - *es-es* > -*ous* etc.). В Acc. Sg. Neutra имеют нулевое окончание. Тем самым лексема в этих падежах заканчивается на суффикс - *es* -, аблаутный вариант - *ss* -, омонимичный падежному окончанию - *es* - тематических основ.

Указанный фонетический процесс имеет и семантическую сторону. В результате ^{слияния} словоизменительных формантов со словообразовательным возникает новая языковая единица, новая флексия (-*es*, -*ous*, -*en*, -*u*, -*uv*, -*ev*, -*ei*, -*ov*). Флексийные морфемы могут, как известно, выполнять и самостоятельные словообразовательные функции, но в большинстве случаев они выступают как так называемые вспомогательные словообразовательные средства, т.е. не осознаются как формант, обладающий собственным словообразовательным значением.

После того, как морфема, бывшая словообразовательной, входит в состав словоизменительной, в слове оказывается на один словообразовательный формант меньше. Изобразим это на схеме, выделяя скобками вспомогательные словообразовательные средства:

$$\tilde{e}dv + \varepsilon b + \begin{bmatrix} \emptyset \\ as \\ l \text{ и т.д.} \end{bmatrix} \Rightarrow \tilde{e}dv + \begin{bmatrix} as \\ avs \\ \varepsilon \text{ и т.д.} \end{bmatrix}$$

Описанное семантическое изменение в словообразовательной структуре лексемы $\tilde{e}dvos$ затруднительно определить при помощи известной нам дериватологической терминологии. Несомненно, здесь налицо нечто аналогичное опрощению, т.е. "превращению основы слова более сложной структуры в одноморфемную основу, равную корню" [71, с. 82]. В русском языкознании под опрощением понимается обычно включение аффиксальной морфемы (морфем) в состав производящей основы. В результате опрощения слово, бывшее производным, начинает восприниматься как непр производное. Оно становится нечленимым и непрозрачным для словообразовательных ассоциаций, как нечленимы, например, для носителя современного русского языка прилагательное *важный* < *вага* ("вес, тяжесть") и глагол *назекать* < *некати* ("думать, понимать") после включения в их основы соответственно суффикса "-и-" и приставки "-на".

В нашем случае членимость основы также меняется, но за счет присоединения аффикса к флексии, а не к основе. Основа, в отличие от русских примеров, не увеличивается, а сокращается на одну морфему ($\tilde{e}dv\varepsilon b$ — трансформируется в $\tilde{e}dv$). Для терминологического обозначения такого процесса можно предложить термины "оокращение" или "упрощение основы".

Упрощение основ происходило, разумеется, не только в образо-

ваниях на *-vos*, но и в других сигматических основах. При упрощении основы слово могло терять качество производности, т.е. переходить из производных в непроизводные. Как непроизводные воспринимались и древнейшие существительные на *-os*, не имеющие внутренней формы, как *ἔδαρος, ζῆφος, γένεος*, а также такие образования на *-vos*, как *ἡῆνος* и *βρῆνος*. Временные рамки процесса упрощения основ определяются временем утраты интервокальной сигмы.

Косвенно о десемантизации *-ss* в составе *ἔσvos* свидетельствует морфологический вид абсолютно большей части его производных, зафиксированных в классический и позднеантичный период: *ἔστικος, ἔστωριον, ἔσνιγος* и т.д. С точки зрения семасиологического содержания словообразовательного процесса очевидно, что утрата какой-либо морфемы в словообразовательном акте свидетельствует о ее незначительной роли в семантике производящей основы. Усечение основы в словообразовательном акте возможно только тогда и настолько, когда и насколько десемантизированы отдельные морфемы производящей основы. Не несущая никакого семантического содержания морфема может быть отсечена без ущерба для смысла новообразованного слова. В производящую основу, от которой образованы апеллятивы, суффикс *-ss* вообще не входит. Лишь относительно основ архаичных собственных имен можно предполагать наличие *-ss* как полноправной морфемы.

Вторым фактом, влиявшим на восприятие структуры *ἔσvos*, мы считаем тенденцию к перерасположению. О механизме перерасположения речь уже шла выше в § 2.

ἔσvos представляет собой интересную иллюстрацию перерасположения: промежуточная словообразовательная стадия (с *-v-*, но без *-ss-*) оказывается менее устойчивой, чем исходная (без

- √ -). Следовательно, *ἔδνος* воспринимается как мотивированное исходным, а не промежуточным производящим, и возникает тенденция членения *ἔδ-νος*, *ἔδ-νομος* и т.д. Естественно утверждать, что отношения производности между **ἔδ* и *ἔδνος* могли существовать столько, сколько существовало мотивирующее слово **ἔδ*. Кроме того, после опрощения основы *ἔδος* в *ἔδ* это существительное также могло мотивировать *ἔδνος*.

Сопоставление предпосылок переразложения в слове *ἔδνος* и других имен на -*νος* позволяет сделать интересные наблюдения. Во-первых, первичные производящие слова у большей части имен на -*νος* были утрачены еще в дописьменный период. Неизвестно, например, к каким производящим восходят существительные *ἡλῆνος* или *βερῆνος*. В письменных источниках сохранены только глаголы *ἡλῶμαι* и *βέρω*, мотивирующие существительные *ἡλῆνος* и *βερῆνος*.

Во-вторых, для группы существительных на -*νος* в целом не характерен и второй признак переразложения - утрата промежуточной словообразовательной ступени. Морфологические дубликаты имен на -*νος* могут не содержать -*ες* -, но всегда содержат - √ -: *τὸ ἡλῆνος* ("зрачок") - *ἡ ἡλύνῃ*, *ἡ ἡλύνῃς*, *τὸ κτῆνος* ("домашнее животное") - *ὁ κτῆνος*, *τὸ βερῆνος* ("шатер") - *ἡ βερύνῃ*, *τὸ βερῆνος* ("высокомерие") - *ὁ βερῆνος*, *τὸ βρῆνος* ("улей") - *τὸ βρῆνον*, *αἱ βρύναι* и др. Все это еще раз убеждает нас в том, что суффикса -*νης* - как семантической и дериватологической реальности в исторический период в греческом языке не существовало. История же лексемы *ἔδνος* не находит полных параллелей ни в аспекте генезиса, ни в аспекте переосмысления семантико - деривационной структуры.

Как же воспринималась внутренняя форма *ἔδνος* в класси-

ческий период? Выше было показано, что в результате упрощения возникла новая флексия, а тенденция к переразложению имела своим следствием четкое отделение -v- от производящей основы. Совместное влияние этих двух факторов должно было привести к структуре вида

$$\tilde{\epsilon}\lambda + v + \begin{bmatrix} os \\ ovs \\ \epsilon\iota \text{ и т.д.} \end{bmatrix}$$

Следовательно, в классический период семантико-derivационная структура $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\varsigma$ была следующей: в качестве производящего слова выступал глагол $*\tilde{\epsilon}\lambda$, а после соответствующего упрощения также и существительное $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\varsigma$, словопроизводственным формантом был суффикс -v-, а вспомогательным словообразовательным средством - флексия -os, -ovs, - $\epsilon\iota$ и т.д. Таким образом, $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\varsigma$ воспринимался как нечто в принципе аналогичное $\epsilon\chi + v + \eta, \eta\varsigma$ и т.д. Можно констатировать, что в указанный период существовала усиленная отношениями формальной производности семантическая связь между понятиями "обычай, обыкновение" - с одной стороны, и "род, объединение родов, народ" - с другой.

Данное мотивационное отношение, бывшее актуальным для классического языка, в дальнейшем также подверглось перестройке. Существительное $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\varsigma$ постепенно вытеснялось из узуса синонимичными $\tilde{\eta}\sigma\varsigma$, $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\iota\sigma$ ^{ελληνισμός К. и. Гид. - и т.д.}, а перфектные формы $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\epsilon$ - синонимом $\epsilon\lambda\lambda\iota\gamma\mu\epsilon\iota$ и описательными выражениями. Корневая морфема $\tilde{\epsilon}\lambda$ постепенно утрачивала свои позиции. Современное греческое $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\varsigma$, хотя и омонимично классическому, но не связано уже в обозначении носителей языка с семантическим комплексом " $\tilde{\epsilon}\lambda$ ".

В том, что семантико-словообразовательная связь между $*\tilde{\epsilon}\lambda$, $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\varsigma$ и $\tilde{\epsilon}\lambda\sigma\iota\sigma$ в античный период не является теоретическим

домыслом, убеждает богатый материал глоссариев. Следует отметить, что свидетельства древних лексикографов являются бесценным источником для анализа словообразовательных отношений древнегреческого языка. Значение этих памятников еще не было оценено в полной мере. Языковеды прошлого столетия, игнорируя то ценное, что содержится у античных филологов, видели лишь "абсурдный" и "донаучный" характер их лексических сопоставлений и несоответствие их выводов научным представлениям о происхождении того или иного слова. Позитивистски ориентированное сознание компаративистов прошлого столетия препятствовало рассмотрению словообразовательных отношений как языковой реальности. Реальным для компаративистики было лишь происхождение слов из морфем, имеющих параллели в других языках. Дальнейшие этапы осмысления структуры слова воспринимались как нечто неverifiedируемое, не фиксируемое материально, а поэтому как бы несуществующее и не могущее быть предметом изучения.

Между тем существование слов в сознании носителей языка и возникающие при этом семантические отношения являются не меньшей реальностью, чем сам факт возникновения слова. Но изучать эти отношения сложнее, поскольку они представляют собой, так сказать, слабые взаимодействия. Это весьма нежесткие закономерности вероятностной природы, имеющие, однако, в своей совокупности большое значение для развития лексики ввиду системных отношений, ее пронизывающих.

У античных лексикографов в так называемых этимологиях содержится не этимологии в современном значении этого слова, т.е. исторические реконструкции "первоначального значения", первоначальной внутренней формы слова, а "текущий словообразовательный анализ", актуальное для текущего момента словообразовательное чле-

нение лексем и их словообразовательные отношения. В современных терминах античные словари могут быть названы словарями ассоциативно-деривационных отношений [122, с. 225-228], т.к. в них интерпретируется семантический аспект регулярных и уникальных словообразовательных отношений. Именно термин "ассоциативно-деривационные отношения" наиболее адекватным образом отражает специфику представленного древними филологами материала.

Деривационная история *ἔδος* осмысливается в глоссах *Etymologicum Gudianum* s.v. *ἔδος* и *Etymologicum Magnum* s.v. *ἔδος* следующим образом:

"ἔδος, παρὰ τὸ ἔδω, τὸ ἐξ ἔδους ἢ διαπρέσσοις
ἐξ αὐ καὶ ἔδος. ἑκάστῳ γὰρ ἔδωκε ἴδιον ἔδος ἔπεσε
"ἔδος <образовано> от <слова> ἔδω "делать что-либо
по своему обыкновению", от которого <образовано> также и
ἔδος : ведь каждому ἔδος -у присуще собственное обыкновение
(ἔδος)" (Et.Gud.).

"ἔδος, τὸ πλῆθος, καὶ αἱ κατὰ γένος ἰδιόφυτοι
τῶν ἀνδρῶν διαφοραί. ἐπὶ μὲν τοῦ πλῆθους, ὥστε
ἔδωκε ἑβὲ μελιββαίων ἀδικεῖν : - ἀπὸ τοῦ ἔδω, πλῆ-
θι ἄπεισι παρέσονται, τοῦ δ' ἐτέρου, - καὶ ἔδωκε με-
ρία θυγῶν : - παρὰ τὸ ἔδω, ἔδος καὶ ἔδωκε. τὸ
ἐξ ἔδους ἢ διαπρέσσειν. ἑκάστῳ γὰρ ἔδωκε ἴδιον
ἔδος ἔπεσε. ἢ παρὰ τὸ δεῖν, τὸ φονεῖν, δέος.
καὶ ἐν ὑπερβαβυλῶν ἔδος

"ἔδος <обозначает> "множество" и "отличия, составляющие свое-
образие групп людей по <их> происхождению".

<Использовано> применительно к множеству: ὥστε ἔδωκε
ἑβὲ μελιββαίων ἀδικεῖν. ἔδωκε <следует понимать как> πλῆ-
θι, а ἄπεισι - как παρέσονται. У другого <поэта> так-

ка *ἔδνα μὴ δυνῶν* . От < слова > *ἔδν* < происходят > *ἔδος* и *ἔδος* . < Оно обозначает > "делать что-либо по обыкновению", а каждому *ἔδος* -у свойственно (присуще) свое обыкновение.

Или от *δένω* "убивать" произведено *δένος* , откуда посредством перестановки - *ἔδος* " (Et. M.) .

Пример, приводимый автором глоссы *Etymologicum Magnum* *ἔδνα μὴ δυνῶν* взят из Эпедокла (В 35), где это сочетание повторено дважды. Вызывает сомнение членение текста глоссы издателем, который относит союз *καί* к тексту примера, а не к экспликативной части глоссы, хотя у Эпедокла *ἔδν δὲ καὶ μὴ δυνῶν καὶ ἔδνα μὴ δυνῶν* , где *καί* отсутствует.

Между приведенными глоссами отсутствует очевидная взаимосвязь. Глосса *Etymologicum Gudianum* отличается лаконизмом и логической последовательностью, в ней разъясняется образование *ἔδος* , а толкование *ἔδος* приводится ad hoc. *Etymologicum Magnum* заимствует это толкование либо непосредственно из *Etymologicum Gudianum* , либо из их общего источника, и включает его в словарную статью *ε.ν.ἔδος* . Интересно, что при этом византийский лексикограф заменяет нормативную для классического языка форму *διαπράττομαι* (*deponens medi*), содержащуюся в *Etymologicum Gudianum* , на поздний актив *διαπράττειν* .

Обе глоссы продолжают, по-видимому, очень древнюю традицию грамматической интерпретации *ἔδος* , поскольку уже в трактате *Περὶ ὀρθογραφίας* Геродиана (II в. н.э.) находим:

*ἔδνα δὲ τὸ εἶδος καὶ τὸ γένος . ἔδν ῥῥα ἔδν
ὁ βυβαίνε τὸ ἐξ ἔδος καὶ διαπράττομαι , ἐξ αὐτοῦ καὶ
ἔδος καὶ τὸ μὴ δυνῶν παρακείμενος εἶδος καὶ πλεοναβνῶ*

ω εἴωδα καὶ εἴωδε

" <форма> *εἴωδα* образована следующим образом: существует глагол *εἴω*, который обозначает "совершать что-либо согласно *εἶδος* у", от которого происходит также и *εἶνος*. Перфект среднего залога <от этого глагола> - *εἶδα*, <откуда> с добавлением *ω* - *εἴωδα* и *εἴωδε* " (2. 504, II).

Таким образом, сообщения античных грамматиков, во-первых, подтверждают справедливость теоретической реконструкции слово-производственного осмысления *εἶνος*, во-вторых, доказывают универсальный характер закономерностей упрощения и переразложения.

§ 4. Некоторые апеллятивы и собственные имена, производные от *εἶνος*

Необходимым этапом изучения семантики лексики *εἶνος* является анализ ее дериватов. Древнейшие дошедшие до нас дериваты от *εἶνος* являются простыми суффиксальными производными. Сомногита, содержащие *-ειν-* в древнегреческом языке немногочисленны, и почти все они достаточно позднего происхождения. *ἑνάρχης, ἑς* "начальник области, правитель" и его параллельная форма *ἑνάρχης* (CIGal. I, 2), а также существительное *ἑναρχία* "должность этнарха" начали употребляться лишь в эпоху римского владычества. Глосса *ἑναρχίας gentilicium* является единственным свидетельством о существовании подобной лексики. Сомногита со вторым компонентом *-ειν-* и производные от них зафиксированы, начиная с I в. до н.э.: *ἐξωσένης, ἑς* ("чужеземец") и *ἐπιδένης* ("принадлежать к тому же племени, быть одноплеменным", "принадлежать к одному роду или одной породе (о животных)", впервые встречается у Диодора Сицилийского (2.37 и

15.39 соответственно), *ἄλλοθεν* ("принадлежность к другому племени" - у Страбона (12.1.2). Исключением является прилагательное *ὁμοθενής, ἴσθ* ("принадлежащий к тому же племени"), употребленное уже Геродотом в I.91 и широко использовавшееся впоследствии: Arst. Rh. 1384a II, D.N. 1155a I9, Plb. I.67.3 и др. К V в. до н.э. относится и фиксация медицинского термина *ὁμοθενέ*. Прилагательное *ὁμοθενός* из сочинения историка III в. до н.э. Гераклита Абдерского в передаче Иосифа Флавия (Ap. I.22) может рассматриваться как модернизированная форма классического *ὁμοθενής*. Семантических затруднений при интерпретации указанных *composita* не возникает, за исключением *ὁμοθενία*, которое требует специального терминологического толкования.

Анализ древнейших суффиксальных производных от *ἔδνος* вскрывает целый ряд нерешенных вопросов морфологии и семантики. Часть этих вопросов уже поднималась в литературе. В частности, внимание исследователей привлекло семантическое соотношение между *ἔδνος* и *ὁδνεῖος*, было отмечено отсутствие удовлетворительного толкования *ὁ ἐδνεῖος, ὄνος*. Не получили должной историко-деривационной интерпретации субстантивы со значением "член того же *ἔδνος*". Наконец, совершенно незамеченными остались произведенные от *ἔδνος* имена собственные. Рассмотрение всех дериватов от *ἔδνος* не входит в нашу задачу, и мы ограничимся лишь анализом наименее известных суффиксальных производных, позволяющих глубже понять значение самого *ἔδνος*.

Прежде всего обратимся к малоизвестному существительному *ὁ ἐδνεῖος, ὄνος*. TGL толкует *ἐδνεῖος* как "nomen gentis corruptum ut videtur, memorat Arcad. p. 14, 2". П. Шантрон характеризует данную лексику как "enigmatique" [182, s.v. *ἔδνος*], а Х. Фриск отмечает, что она "nicht sicher erklärt" [183, s.v. *ἔδνος*].

В большинстве двуязычных словарей, в том числе и в ДГРС, такая лексема отсутствует. Тем важнее отметить, что в издании LSJ 1968 г. в части Supplement названы два контекста, где употреблена данная лексема, а именно: Nan. 1.33 и 2.735. Они сопровождаются пометой "sensu dubio" без каких-либо разъяснений. Употребление *ἐδούριον* в иных контекстах, кроме указанных, в лексикографической литературе не зафиксировано.

Согласно LSJ, *ἐδούριον* содержится в произведениях грамматика II в. н.э. Геродиана, называемого также Геродианом Техником в отличие от известного историка Геродиана. Геродиан Техник был сыном Аполлония Дискола и наряду со своим отцом почитался как крупнейший авторитет античной филологии ("artium minutissimus sciscitator" Ann. Marc. 22, 16). Однако из его многочисленных сочинений в полном виде до нас дошло только одно, все же остальные сохранились в позднейших экцерптах и комментариях. Оба упомянутых выше контекста относятся именно к этой, не сохранившейся в первоначальном виде, части наследия Геродиана.

Так, Nan. 1.33 относится к экцерпту из наиболее значительного трактата Геродиана "*Περὶ καθολικῆς γραμματικῆς*". Авторство экцерпта традиционно приписывается антиохийскому грамматiku Аркадию, об обстоятельствах и времени жизни которого известно мало [177, s.v. Arcadius]. Более того, издатель Аркадия М. Шмидт полагает, что признание авторства Аркадия за указанным экцерптом является ошибочным, так что, по-видимому, правильное было бы говорить об экцерпте Псевдо-Аркадия из Геродиана [1b1d].

Тот же экцерпт непосредственно на Аркадия, и подразумеваемый при этом контекст совпадает с первым примером в LSJ. Издатель Геродиана Август Ленц (A. Lentz), напротив, безоговорочно приписывает все позитивное содержание эпитоматоров Геродиана самому Ге-

родияну.

Второй из интересующих нас контекстов (Nap. 2.735) также может быть назван геродиановским лишь с определенной долей условности, поскольку в действительности извлечен из комментария Хировоска (Хорововск's), константинопольского дьякона VI-VII в., к Феодосию Александрийскому. Содержание этого комментария основывается на трактате Геродиана *Περὶ κλίσεως ὀνομάτων*, называемом также *Περὶ ὀνομάτων* или *Ὀνομαστικόν*.

В период господства гиперкритики классические филологи были знакомы лишь с трактатом Псевдо-Аркадия. Поэтому лексема *ἑννορίων* воспринималась как незаслуживающая особого рассмотрения, как и другие гапаксы у грамматиков. Включение в научный обиход трактата *Περὶ κλίσεως ὀνομάτων* позволяет говорить о наличии лексем в двух ветвях грамматической традиции, непосредственная зависимость которых друг от друга труднодоказуема.

В первом из цитируемых контекстов Геродиана (2.735) находим следующее: *τὰ εἰς ῥων ἐπερ δὲ βύλλας ἔχοντα γὰρ πρὸ εἰς βύλλαν βραχέα. ὀλεγαδρόνους γὰρ εἰς α παρὰ ἡύων βαρίωνα διὰ τῶν κλίσεων οἶον Ἀργέριων, Ποτέρων, Βιδόριων τὰ δὲ ὀζύοντα διὰ τῶν ονος κλίσεων οἶον Βαλγορίων, Βαλγορόνους, Γερρίων, Γερρόνους, Κυβέριων, Δαρερίων, ἑννορίων*

"Более чем двусложные имена на -*ρων*, имеющие предпоследний краткий слог, за исключением имеющих предпоследний гласный *α*, если они баритональны, склоняются через -*ω*-, как *Ἀργέριων*, *Ποτέρων*, *Βιδόριων*. Окситональные же склоняются на -*ονος*, как *Βαλγορίων*, *Βαλγορόνους*, *Γερρίων*, *Γερρόνους*, *Κυβέριων*, *Δαρερίων*, *ἑννορίων*."

Таким образом, слово *ἑννορίων* неличествует как равноправное

в ряду других аналогичных грамматических примеров.

Ant. De sect.

Второй контекст (I.33) имеет непосредственное отношение к интересующему нас вопросу о семантике *ἑδωρίων* :

Τὰ εἰς μὴν ἰπῶν δύο βουλὰς ἔχοντα εἴναι πρὸ
 εἰσὸς βουλῶν βαρεῖαν, ὑπεβελόνους εἰς εἰς
 γὰρ αὐτὰς ἄλλων, εἰ μὴ καὶ τοῦτο διὰ τῶν νοσ, εἰς
 πρὸ εἰσὸς αὐτῶν διὰ τῶν ο, ὁρῶνται. εἰ δὲ διὰ τῶν
 βαρύνοντα, οἷον ἐπὶ τῶν βαρύνοντων Ἀργείων, Πο-
 λείων, Διορίων. τῶν δὲ ὁρῶντων τὸ βαλγρίων, βαλγρί-
 νος, Ἰγρίων, Ἰγρίωνος, κυβερίων, κερειών, ἑδωρίων τὸ εἶδος

"Более чем двусложные имена на -μην, имеющие предпоследний краткий слог, за исключением имеющих предпоследний гласный α, если они оклоняются через -νός, которому предшествует ο, являются окситональными, если же предшествует ω, то баритональными, как Ἀργείων, Πολείων, Διορίων. Примеры окситональных имен: βαλγρίων, Ἰγρίων, κυβερίων, κερειών, ἑδωρίων τὸ εἶδος".

Очевидно, что единственным основанием для выводов о семантике *ἑδωρίων* является пояснение, которым это слово сопровождается в последнем контексте. Именно опираясь на этот контекст, ТОЛ трактует *ἑδωρίων* как искаженный этноним, и возражения против такой интерпретации рассматриваемой лексики в литературе не встречаются. По нашему мнению, эта точка зрения на семантику *ἑδωρίων* является недостаточно аргументированной. Действительно, Геродиан охотно пользуется этнонимами для иллюстрации различных акцентных парадигм. При этом он никак не отделяет примеры-этнонимами от примеров из апеллятивной лексики, если это различие нерелевантно для ударения. Не оговариваются и другие *κῆρυξ* *ἑδωρίων*, в т.ч. и личные имена, если они следуют общим пара-

дигмам: ср. в нашем контексте личное имя *Ἰσχυρίων* (= *Ἰσχυρίης*). Однако приводимое грамматиком разъяснение не позволяет видеть в *Ἰσχυρίων* этноним, поскольку малоизвестные этнонимы сопровождаются обычно у Геродота пояснениями следующих типов: 1) *ἔθνος* + Gen. названия страны или области, например *ἔθνος Ὀρῶν* 2) *ἔθνος* + Gen. этнонима, например *ἔθνος Κόλχων* 3) *ἥρως καὶ ἔθνος*, т.е. "<имя> героя и <название> этноса", "племя и его эпоним". Подобные пояснения редкой этнонимии вполне соответствуют традиционному словупотреблению схолий и глоссариев. Указанные типы толкований могут незначительно варьироваться, но при этом неизменным остается следующее их общее свойство: лексема *ἔθνος* в пояснительной части всегда стоит без определенного артикля. В интересующем нас случае артикль, напротив, присутствует. Таким образом, толкование лексемы *Ἰσχυρίων γὰρ ἔθνος* совпадает по структуре с толкованиями редкой апеллятивной лексики, как-то: *φάρμακον γὰρ βελόνη* (I.30.4), *βρίδων δὲ βελανεύς* (I.30.16) и т.д., где редкие слова заменяются своими ближайшими употребительными синонимами. Это позволяет говорить о синонимичности рассматриваемой пары: *Ἰσχυρίων* имеет значение *γὰρ ἔθνος*.

Следовательно, в греческом языке существовала еще одна лексема для обозначения понятия "этно-социальная общность", причем лексема, однокоренная основному носителю этой семантики - *ἔθνος*. Подобные деривационно-семантические отношения находят типологическое соответствие в лексико-семантических системах таких языков, как русский, немецкий, французский, ср. "народ" - "народность", "Volk" - "Völkerschaft", "peuple" - "peuplade". Семантическая структура производных "народность", "Völkerschaft", "peuplade" предполагает абстрагирование этнических качеств.

Необходимость в подобных обозначениях диктуется существованием общностей, воспринимаемых как *καὶ ἔθνη* как этнические. Во всех приведенных парах вторые члены содержат сему небольшой численности данной этнической общности, в чем трудно видеть случайное совпадение. Малочисленные этносы имеют, согласно информационной теории этноса [25], большую плотность информационных связей, которые могут быть квалифицированы как этнические. Следовательно, они в определенном смысле являются более этническими общностями, нежели большие народы, где плотность инфосвязей ниже, хотя в принципе качество этничности присуще и тем, и другим. Народами являются как народы, так и народности. Поэтому между членами приведенных пар существуют отношения синонимии, и вторые члены могут толковаться через первые. *ἔθνη* - это *ἔθνος*, которому (особо) присуще качество "быть *ἔθνος*".

Анализ семантики деривационной модели на *-μων* подтверждает данные семантической типологии. Отмеченных существительных на *-μων* немного, и они предстают как изолированные образования: *ἀκρων* - *ἀκρῆμων* ("верхняя, крайняя часть" - "то, что находится сверху, на краю" = "ветка"), *δοχῆς* - *δοχῆμων* ("угощение, трапеза, доля в угощении, трапезе" - "тот, кому принадлежит доля в угощении, сотрапезник") [308, ва. I, в. 522]. С фонетической стороны возможность присоединения *-μων* к основам на *-ο-* подтверждается примерами *δοχῆμων*, *ἀκρῆμων*. Но поскольку основа *ἔθνο-* не зафиксирована ни в одной другой лексеме, кроме *ἔθνη*, утверждения о ее значении являются гипотетическими.

Что касается времени существования *ἔθνη*, то скорее всего уже ко времени Геродиана это была редкая лексема, которая требовала пояснения. Маловероятно также, что она просущест-

возвела сколько-нибудь длительное время. Причины ее исчезновения можно в определенной мере объяснить, сопоставляя систему новогреческих этно-социальных обозначений с древнегреческими. В новогреческом языке содержание понятия "малочисленная этническая общность", выражает лексема *ἐθνάριον*, диминутивное производное с суффиксом -*αρι-* (ср. *ἐχνος* > *ἐχναρίον* > *χναρί*). Это последнее образование, реализующее более продуктивную словообразовательную модель и обладающее более ясной внутренней формой, могло вытеснить архаичное *ὁ ἐθνικὴν, ἔνος*.

В отличие от существительного *ἐθνάριον* прилагательное *ἐθνικός* хорошо известно семасиологам. Наиболее подробным исследованием, содержащим богатый фактический материал, является статья П. Шантрена "A propos de grec *ἐθνικός*" [246]. В статье затрагиваются многие принципиальные для понимания семантики этно-социальных обозначений теоретические проблемы. Ее выводы легли в основу словарной статьи s.v. *ἐθνικός* в "Dictionnaire etymologique de la langue grec" [182]. Поэтому представляется необходимым проследить за ходом рассуждений автора и его аргументацией.

П. Шантрон усматривает в *ἐθνικός* дериват от *ἔθνος* по типу *κύβος - κύβητος* с характерным древнейшим чередованием суффиксального о существительного с е прилагательного. Вслед за А. Мейе он предполагает существование у *ἔθνος* тематического дублета **ὁ ἔθνος* по аналогии с *γένος - γένος*. Рассматриваемая лексема является "юридическим термином, восходящим к доистории греческого языка" и обозначает "l'étranger à la famille, au *γένος*", "l'étranger à la famille par le sang" [246, p. 50] ("чужой по отношению к семье, к *γένος*", "чужой по крови"). Это значение выявляется, по мысли автора, из контекстных оппозиций, где *ἐθνικός* противопоставляется *βιζαντινός, προβαν* и *αἰετός*. Например,

В Is. 4.13: ἦδη γὰρ πλεονεκτήσαντες οὐκ εἰσὶν ἀποκρίναντες τοῖς
 θυγατέρι ἐδναῖος φίλους τῶν πάντων ἐφόδρα προε-
 κείνου πρὸς πλείονος ἐπορεύσαντο

("... и уже некоторые, не слишком расположенные к своим родствен-
 никам, предпочли дальних друзей самым близким людям").

Существенным для понимания семантики ἐδναῖος П.Шантрен счи-
 тает употребление этого слова у Эврипида применительно к Алкесте
 в стихах В.Алс. 532-535 и 644-647:

ΗΡ. Ὀδυσσεύς ἢ τοῖς θυγατέρις κρηῖβα εἰς;

ΑΔ. Ὀδυσσεύς, ἄλλως δ' ἢ τῇ ἀναγκάῳ δοῦμαι.

("Геракл: Чужой или родственницей была она тебе?

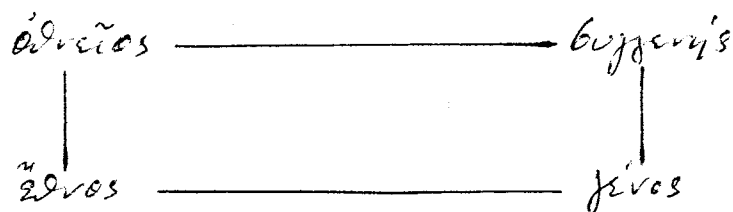
Адмет: Чужой по крови, но членом семьи").

ΑΔ. γυναῖκ' ἐδναῖαν, ἢ εἴη καὶ μητέρα
 καὶ πατέρα γ' ἐδναῖος ἡρώεσσι μοῦνον.

("Адмет: Чужую женщину, единственную, кого я по праву мог бы на-
 звать отцом и матерью").

Алкеста не является θυγατέρη своего мужа, ее родство с ним -
 лишь "parenté par alliance". [246, p. 51]. Даже принадлежа к
 οἶκος, жена не становится членом соответствующего γένος, по-
 скольку γένος является патрилинейным объединением, подразуме-
 вающим исключительно кровное родство.

На основании этого умозаключения П.Шантрен приходит к выводу
 о существовании системного соотношения:

где θυγατέρη - тот, кто принадлежит γένος, ἐδναῖος -
 тот, кто не принадлежит γένος, но принадлежит ἔδνος, а

$\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$ - множество тех, кто не принадлежит $\chi\epsilon\nu\epsilon\varsigma$ [246, р. 52].

Далее П. Шантрэн переходит к обоснованию указанного значения $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\iota\varsigma$ через соответствующую интерпретацию значения производящего слова $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$. $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$, по его мнению, относится в эпосе к тем, кто не входит в один $\chi\epsilon\nu\epsilon\varsigma$.

Ссылаясь на А. Мейе, П. Шантрэн возводит $\dot{\epsilon}\gamma\alpha\iota\tau\epsilon\varsigma$ к $\kappa'\omega\epsilon$ и указывает на семантическую близость этого слова к однокоренному $\dot{\epsilon}\gamma\gamma\iota\varsigma$. Что касается $\dot{\epsilon}\gamma\gamma\iota\varsigma$, то оно обозначает "простой гражданин, частное лицо" не член данного $\chi\epsilon\nu\epsilon\varsigma$. Гомеровская формула $\dot{\epsilon}\gamma\gamma\iota\tau\epsilon\varsigma$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$ подразумевает товарищей, соратников, стоящих вне $\chi\epsilon\nu\epsilon\varsigma$. "Термин $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$, следовательно, естественным образом сочетается с $\dot{\epsilon}\gamma\alpha\iota\tau\epsilon\varsigma$ для обозначения группы, чуждой данному $\chi\epsilon\nu\epsilon\varsigma$ ", - заключает исследователь [246, р. 53].

В Nat. I. 101 $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$ включает в себя $\chi\epsilon\nu\epsilon$. Термин $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$ употреблен также в Arist. Const. Ath. Fr. 3 при описании деления на трибы. В целом же семантика $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$, как считает П. Шантрэн, столь же неясна ("de sens assez vague"), как и $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\iota\varsigma$ [246, р. 52].

$\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\iota\varsigma$ расширяет свое значение от "чужой по крови" к "чужой". П. Шантрэн иллюстрирует эту семантическую эволюцию следующими примерами:

Dem. 80 Diels $\delta\iota\beta\upsilon\lambda\lambda\epsilon\iota\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\iota\varsigma$ $\pi\epsilon\iota\sigma\tau\epsilon\mu\alpha\tau\iota\varsigma$ $\dot{\alpha}\nu\theta\omega\pi\omega\tau\epsilon\varsigma$
 $\epsilon\iota\tau\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\dot{\alpha}\lambda\lambda\eta\lambda\epsilon\iota\varsigma$

("Постыдно, проявляя любопытство к чужому, не заботиться о собственном").

С другой стороны, согласно П. Шантрэну, семантика $\dot{\epsilon}\delta\nu\epsilon\varsigma$ в постгомеровский период также включает семантический компонент "не принадлежащий данному $\chi\epsilon\nu\epsilon\varsigma$ ". Географы и Геродот употреб-

ляют *ἔθνος* по отношению к иностранцам, противопоставляя тем самым греческие полисы варварским племенам. Случай, когда *ἔθνος* употребляется по отношению к грекам, подразумевает коннотацию "чуждости" этих греков. Например, у Геродота в I.56.2 - I.57.3 и 9.106.3 *ἔθνος* употреблено применительно к грекам. Такое употребление объясняется тем, что в первом контексте говорится о доистории Греции, т.е. как бы еще не о греках, а во втором - как бы уже не о греках, поскольку речь идет о греках протеропидской политической ориентации. В целом же, суммирует П.Шантрэн, "c'est en parlant des barbares que le terme *ἔθνος* est usuel" [246, p. 55] .

Переходя к анализу текстов более позднего периода, исследователь отмечает, что в Септуагинте и Новом завете *ἔθνος* соответствует *hagēōjīm* и обозначает "неевреев, язычников". Производное прилагательное *ἔθνηος* "языческий", как и *ἄλλος* имеет тенденцию расширить свое значение до "чужой". Задаваясь вопросом, почему оно не обозначает "национальный", П.Шантрэн утверждает, что "национальная идея" ("l'idée nationale") еще не выделялась тогда достаточно четко, и сама лексема *ἔθνος* не выражала еще понятия "nation" . В современном греческом языке значение "nation" закрепилось после достижения страной национального единства.

Содержащаяся в статье П.Шантрэна точка зрения на семантику *ἄλλος* разделялась и другими Французскими учеными. Так, Жан-Пьер Вернан также толковал рассматриваемое прилагательное как "l'étranger par opposition aux parents" [318, p. II] .

Подход П.Шантрэна к гомеровскому узусу *ἔθνος* был подвергнут критике со стороны В.Мадера: "Когда он (П.Шантрэн - Ю.К.) утверждает, что *ἔθνος ἑταῖρων* в "Илиаде" - "чужие роду" и что момент значения "чужой" является основной частью основного зна-

чения *ἕνός*, можно возразить, что этот момент в Илиаде никак не выражен, и если что-то вообще играет какую-то роль, то это момент принадлежности" [291, с. 180].

Замеченная Б.Мадером несообразность, безусловно, не единственная в обсуждаемой статье. Серьезные возражения вызывают как отдельные высказанные П.Шентреном положения, так и все построение в целом. Так, разъясняя гомеровский узус *ἕνός* через узус *ἐταῖρος*, П.Шентрен определяет одну неизвестную величину через другую. Заимствованное у Г.Глотца утверждение, будто *ἐταῖρος* не может быть членом *γένος*, само нуждается в доказательстве. Мнение Г.Глотца разделяли такие исследователи, как Нильсон, Трипанис и Ландфестер. Прямо противоположной точки зрения придерживались Фантэ, Финслер, Бузольт, Ханмэр, Пизани, Талемо, Какридис, Жиль и др. В одной из последних работ, посвященных этой дискуссионной теме, Г.Стагакис поставил перед собой задачу определить, могут ли братья, т.е. члены одного патрилинейного рода выступать как *ἐταῖροι*. Проанализировав все генеалогические отношения героев "Илиады" и выявив полный список участвующих в сражениях братьев, Г.Стагакис сопоставил его со списком лиц, охарактеризованных у Гомера как *ἐταῖροι*, и пришел к выводу, убедительно опровергающим Г.Глотца и его последователей, а именно: между членами одного рода возможны отношения гетайрита [311, 312].

Далее. Цитируемый большинством авторитетных словарей контекст Nat. I.101 показывает, что *ἕνός* может состоять из отдельных *ἑνὸς* : *Ἀνδρόνους μὲν οὖν τὸ Μυδίων ἕνός ἐνὲς ἑστέρε φάγον καὶ τοῖσιν ἑρζε. ἔβρι δὲ Μυδῶν γοβάδῃ χίρῃ, Βαῖβῃ, Παρυγαμυαί, Στραίχαγας, Ἀρίστειναι, Βαῖβιον, Μαῖρον*
 ("Дениок не покорил лишь народ мидийцев и правил им. Народ мидийцев

тельного на позднейшем хронологическом уровне. Однако *ἑαυτοῦ* нигде не обозначает "свой", и эта сема не входит даже в толкование рассматриваемого прилагательного. Но П. Шантрэн не дает никаких объяснений этому факту.

Эволюция значения прилагательного в исторический период является у П. Шантрэна сугубо теоретической реконструкцией. Он не указывает ни хронологических, ни стилистических, ни каких-либо иных критериев, на основании которых производное значение "чужой" можно было бы отделить от исходного "чужой по крови". И первое, и второе используются одними и теми же авторами (ср. Pl. Br. 7, 331 e, Prot. 316, R. 470 b, c, Ig. 629e), производное значение встречается уже у Демокрита, первого автора, использовавшего данное слово.

Кроме того, в ряде примеров, которыми П. Шантрэн иллюстрирует производное значение, присутствует заметная коннотация кровного родства: Pl. R. 470c *φῦλιν γὰρ τὸ μὲν Ἑλλήνων καὶ vos αἰὸς αἰῶν ὁμοῦν εἶναι καὶ ζῆλον, καὶ δεῖ βαρβαρίαν ὁμοῦν καὶ ἑβροῦν* ("я утверждаю, что греки близки <друг другу> и находятся между собой в родстве, а варварам они чужие и не имеют с ними <ничего> общего").

Наконец, мнение П. Шантрэна о том, что *ἔθνος* не может обозначать "nation" ввиду отсутствия в классический период "l'idée nationale" идет в разрез с данными современной этнографической науки. Любая этническая общность обладает этническим самоощущением и этническим сознанием. Это касается как развитых общностей, обладающих прогрессивным социально-экономическим устройством, так и наиболее отсталых, находящихся на примитивном уровне развития. Поэтому утверждать, что в какой-либо период у греческого народа

могла отсутствовать "национальная идея", неверно. Безусловно, в классической Греции "национальная идея" не существовала в той форме, в которой она характерна для современной нации. Это была "национальная идея" иного стадийного качества, соответствовавшая уровню экономического и социального развития тогдашней Эллады. Отсутствие политического единства и территориальная раздробленность не являются факторами, препятствующими существованию единого самосознания.

Вопрос о том, почему "l'idée nationale" не воплощалась в том или ином слове, вообще не является вопросом истории этнического сознания. "Национальная идея" является социальной, а следовательно и понятийной универсалией. Воплощение ее в слово является вопросом языковой семантики, призванной объяснить, почему та или иная лексико-семантическая структура пригодна или непригодна для выражения какого-либо понятийного содержания.

В кругу проблем, связанных с *ἔθνος*, интерпретация значения *ὁδνείος* является одной из наиболее сложных. Как мы уже видели, в балтийских и славянских языках от и.-е. **ewō* образуются обозначения членов чужой фратрии, чужой локальной группы, и в этом смысле *ὁδνείος* не является чем-то исключительным. Однако сосуществование в производных от **ewō* двух столь разных значений, как "свой" и "чужой", (т. наз. энантиосемия) не могло не привлечь внимания исследователей. "Развитие значений от названий "своей социальной группы, племени" и "чужой" объясняется той же обычной для общиндоевропейского и праславянского словаря взаимностью конверсных отношений, как в терминах "дара" (лат. *dati*, *darz* : хет. *tahhi* "беру" при слав. *beru* : и.-е. **bher-* "несу"), "обмена, "гостеприимства" (слав. *gostь* : лат. *hostis*, *hospes* и т.д.), "взаимности" (слав. *drugъ* : также входящее в группы западно-ин-

доевропейских архаичных социальных терминов) и др.", -- пишут Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров [45, с. 96].

В этой связи можно отметить, что конверсивные отношения между ЛСВВ одного слова, в т.ч. и в упомянутых авторами семантических сферах "дара" и "обмена", не являются исключительной особенностью древних языков, а носят универсальный характер, ср. англ. the trade "торговцы, предприниматели", но и "клиентура, покупатели". С точки зрения лексической семантики единственным способом объяснить поляризацию значений в конверсивах является реконструкция общего значения типа "участвовать в конверсивном отношении". Это общее значение будет гиперонимом, от которого в семантической структуре слова могут образовываться гипонимы типа "участвовать в конверсивном отношении в качестве активной стороны", "участвовать в конверсивном отношении в качестве пассивной стороны". Какое же общее значение можно реконструировать для ЛСВВ "свой" и "чужой"? Очевидно, что таковым может быть лишь ЛСВ "имеющий отношение и к субъекту, и к другим людям". Существование такого семантического комплекса в качестве ЛСВ конкретной лексики крайне неправдоподобно, поскольку неясно, как могла бы использоваться подобная лексема. Данное противоречие в интерпретации семантики *swe возникает вследствие неприменимости к нему понятия конверсивных отношений. Отношение "свой" - "чужой" не содержит прямой и обращенной ролевых структур - логической основы конверсии.

В современных языках известны многочисленные примеры семантического перехода "наш, общий" > "чужой". На южно- и западнославянском материале они описаны М. Карасем (M. Karas) [279], на германском - Д. Флемминг (D. Flemming) [259, с. 8]. Однако параллель между этой линией семантического развития и эволюцией *swe

провести не удастся, поскольку во всех описанных М. Карасем и Д. Флоринг случаях речь идет о "нашей, общей собственности", т.е. об определениях к неодушевленному объектам. По мере отчуждения индивидуального субъекта от общины общественная собственность, бывшая "нашей", становится для него "чужой". Что же касается и.-е. **zwe*, то для его семантической структуры сема одушевленного субъекта является центральной, а развитие в сферу неодушевленной материальной собственности - поздним. **zwe* - это прежде всего люди, составляющие родотвенный коллектив. Даже в столь плохо сохранившемся узусе, каким является узус *ὄδνεις*, нельзя не увидеть первичности субъектных употреблений.

По нашему мнению, близкой аналогией развитию **zwe* может быть эволюция таких признаков слов, в семантических структурах которых регулярно развиваются ЛСВВ со значением крайней (максимальной или минимальной) степени признака, особой маркированности по какому-либо основанию. При таком подходе *ὄδνεις* - это "тот, который минимально участвует в совместной жизни общины", "дальний сосед" > "чужой", "далекий".

В том, что *ὄδνεις* относится именно к чужой фратрии, чужой локальной группе убеждает вся структура его сочетаемости. Обзор контекстов с данной лексемой позволяет выделить следующие группы определяемых *ὄδνεις* и соответственно следующие словозначения *ὄδνεις*: 1) обозначения лиц и коллективов: *ἄνθρωπος*, *ῥώμαια*, *ἐλευθέρων*, *φίλος*, *ῥίμος*; 2) *ἡ*; 3) *ἐξά*; 4) обозначения качеств: *δεξιόν*, *ὑψος*, *ποσύνη*; 5) обозначения процессов и действий: *πόλεμος*, *ἐργασία*. Локальная сема оказывается чрезвычайно важной в семантической структуре *ὄδνεις*. Если для "своих", членов своего или соседних родов, характерно совместное бытование, то для чужих характерной будет локализация во вне, на

чужбине. Поэтому у Платона в уже цитированном контексте Ер. 7. 331 $\epsilon \delta \nu \epsilon \iota \sigma$ сопровождается наречием $\rho \alpha \nu$, ср. также $\delta \nu \epsilon \iota \sigma \rho \alpha \nu$ Ис. 629 в. Регулярность применения $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$ к $\gamma \eta$ подтверждается возможностью его субстантивации в этом словозначении, например, в А.Р. 7.660 $\delta \nu \epsilon \iota \sigma \kappa \alpha \iota \epsilon \rho \epsilon \beta \beta \alpha \rho \mu \epsilon \nu \sigma$, и наличием композита $\delta \nu \mu \delta \rho \mu \epsilon \nu \sigma$ "похороненный в чужой земле".

Важнейшее значение имеют употребления $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$, связанные с культовой жизнью Фратрии и, в частности $\epsilon \rho \alpha \dots \delta \nu \epsilon \iota \sigma \gamma \eta \chi \omega \rho \epsilon$ у Ликурга (25), где мы вновь видим локальную сему, а также $\delta \nu \epsilon \iota \sigma \kappa \epsilon \kappa \rho \acute{o} \varsigma$ у Эврипида (820) - "мертвец, не относящийся к числу наших предков, чужой, т.е. тот, которому мы не обязаны почитанием".

Следует упомянуть и об интересном разъяснении $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$ в грамматической традиции: (Hdn. 2.558.17, сг.2.382.25) $\delta \nu \epsilon \iota \sigma \nu \epsilon \iota \delta \iota \rho \theta \omega \rho \sigma \cdot \alpha \nu \kappa \alpha \tau \alpha \gamma \alpha \rho \tau \acute{o} \epsilon \iota \nu \gamma \eta \nu \delta \nu \epsilon \iota \sigma \nu \delta \nu \epsilon \iota \sigma$. $\epsilon \beta \epsilon \iota \delta \epsilon \rho \alpha \nu \tau \acute{o} \nu \delta \nu \epsilon \iota \sigma \nu \delta \nu \epsilon \iota \sigma \kappa \alpha \iota \epsilon \nu \epsilon \rho \epsilon \beta \beta \alpha \rho \mu \epsilon \nu \delta \nu \epsilon \iota \sigma$. Сопоставление $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$ с $\nu \delta \nu \epsilon \iota \sigma$ свидетельствует о том, что рассматриваемая нами лексема ассоциировалась с понятиями о родовых родственных отношениях, а словосочетание $\delta \nu \epsilon \iota \sigma \nu \delta \nu \epsilon \iota \sigma$ - о развитии локальных сем в ее структуре.

Расширение значения $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$ мы видим в тех контекстах, где речь идет не о соотношении "нашего" и "чужого" на уровне внутреннего, родового деления гражданской общины, а об аналогичном соотношении между членами общины в целом и ее нечленами. Примером такого расширения может быть Ис. 1² 6.54 $\chi \rho \eta \mu \alpha \tau \epsilon \nu \gamma \alpha \rho \delta \nu \epsilon \iota \sigma \nu \kappa \alpha \iota \text{ Ἀθηναίων ἀπαίειν}$, где $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$ - все те, кто не являются Ἀθηναίοι , т.е. не входят ни в одну из афинских фил.

Таким образом, шентреновское $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$ = "чуждый данному $\gamma \epsilon \nu \epsilon \sigma$ по крови" лишь частично соответствует действительности. Заключение в $\delta \nu \epsilon \iota \sigma$ противопоставление реализуется не столько как кров-

но-родственное (это глубокое прошлое античной Фратрии), сколько как социальное, поскольку Фратрия является субъектом землевладения, субъектом культа предков и т.д.

Помимо многих апеллятивов греческой традицией сохранены интереснейшие имена собственные, восходящие к и.-э. ¹ *zwe*. К сожалению, они не нашли никакого отражения ни в этимологических словарях, ни в монографиях и статьях, посвященных древнегреческой социальной лексике. Мы имеем в виду имена собственные, сохраненные в следующей глоссе Стефана Византийского:

Ἐθνεστῆς ἔθνος Θεσσαλίας ἀπὸ Ἐθνεσῆος τοῦ Νεοπτολέμου πατρὸς ἐνὸς, ὡς Ρ. ἐνὸς δ' καὶ ε'

"Этнесты - народ Фессалии, <происходящий> от Этнеста, одного из детей Неоптолема, как <об этом пишет> Ризан в четвертой и пятой <песни>".

В других литературных источниках, помимо глоссы, данный этноним и соответствующий эпоним не упоминается.

Для освещения вопроса необходимо некоторые фактографические пояснения. Прежде всего, датировка приведенного сообщения затруднительна, т.к. сочинение Стефана Византийского *Ἐθνικά*, весьма значительное по объему, дошло до нас лишь в эпитомированном виде. Составитель эпитомы константинопольский грамматик Ермолай (*Ἑρμόλαος*) посвятил ее, согласно сообщению Суды, императору Юстиниану.

Об обстоятельствах жизни самого Стефана ничего не известно. Содержащиеся в *Ἐθνικά* цитаты позволяют предполагать, что он жил между 400-м и 700-м гг. н.э. *Ἐθνικά* являются географическим словарем, в котором, кроме чисто географической информации, содержатся данные об истории отдельных местностей, о знаменитых выходцах из отдельных городов, а также обильные ссылки на сочинения писателей и поэтов, связанные с данной местностью. Немногочислен-

ные полностью сохранившиеся словарные статьи позволяют высоко оценить ученость Стефана и достоверность сообщаемых им сведений.

Глоссы на букву ε , к числу которых относится интересующее нас сообщение, относятся к так называемым среднеэпитомированным, т.е. подверглись сокращению лишь частично. Следовательно, ^{можно} ожидать, что до нас дошла если не основная, то по крайней мере начальная часть статьи Стефана.

Упомянутый в глоссе Риан принадлежит к числу поэтов-эпиков александрийской школы. Младший современник Аполлония Родосского и старший современник Аристарха, Риан оставил богатое поэтическое наследие, но до нашего времени ни одно из его крупных произведений не дошло. Поскольку глоссе называет этнестов народом Фессалии, естественно предположить, что они были упомянуты в 4-й и 5-й песнях поэмы Риана *Θεββαίων*, состоявшей из 16-ти книг. Конкретный сюжет этой поэмы неизвестен, однако сохранившиеся фрагменты из произведений поэта дают достаточное представление о его творческой манере и вкусах. Александрийский эпик тяготел к редким, неразработанным сюжетам, в т.ч. историческим, которые излагал подражая Гомеру. "Vorliebe für das rauheste Alterthum" (U.V. Wilamowitz-Moellendorf) [316, S. 401, Anm. 151] сделала Риана популярным источником по мифологической теории отдельных областей Эллады. В частности Павсаний основывает свое описание Мессении на поэме Риана *Μεσσηνικά*.

Тяготение ученого поэта к малоизвестному мифологическому материалу косвенно подтверждается и содержанием нашей глоссы. Среди многочисленных сообщений о детях Неоптолема нет ни единого упоминания имени Этнеста, хотя в целом античная традиция сохранила более десяти имен потомков Неоптолема. Детями Неоптолема и Андромехи, доставшейся ему в результате дележа троянской добычи, были

Μολοββός, *Πέρραμος* и *Πίρδος* (вместо последнего имени Гигин называет *Αμφιάδος*). Детями Неоптолема и Ланассы (*Λανάββα*), внушки Геракла, похищенной им из святилища в Додоне, были *Άργός*, *Πέρραμος*, *Δωριεύς*, *Γενναός*, *Ευρύλοχος*, *Πάνδαρος*, *Δανάη* (Plut. Pyrrh. 8, Just. 17.3, cf. Schol. B. Andr. 24).

Конкретные мифологические сюжеты ни с одним из упомянутых имен не связаны. Однако историко-культурная функция этих персонажей предстает более определенной: от одного из потомков Неоптолема, Молосса (по другим версиям, Пие-ла) ведет начало род молосских царей Эакидов. Об этом упоминает Пиндар (N. 7.58), в этом же направлении разработан сюжет эпиритовской "Андромехи". О связях Неоптолема с Молоссией свидетельствуют и другие версии мифа: так, в поэме "Возвращения" (*Νόβρολ*, Fr. 53) говорится о походе сына Ахилла через Фракию в Молоссию, где он встречается с собственным дедом Пелеем. По сообщению Евстафия (1463, 36), Неоптолем прибывает в Фессалию по морю и по совету Фетиды сжигает свои корабли. Согласно пророчеству Гелена, Неоптолему предстоит осесть там, где жилище имеет крыши из персти, стены из дерева и пол из железа. Палатки эпиротов, разбитые прямо на твердой ("железной") земле, удовлетворяют этому условию, и Неоптолем переселяется в Эпир.

Помимо Молосса, эпонимом выступает также и *Άργός*, мифический основатель расположенного поблизости Аргоса Орестидского. Этимест, таким образом, оказывается не единственным из эпонимов-потомков Неоптолема.

В целом очевидно, что мифологема о Неоптолеме и его детях является амальгамой разнообразных представлений самого разного качества и хронологической отнесенности: от генеалогических мифов до исторических преданий и сказок включительно. Сказочными являются мотивы узнавания Неоптолемом Пелея и похищение Ланассы. Близ-

кая фольклорной образности метафора заключена в пророчестве Гелена. Последнее, по нашему мнению, может интерпретироваться как своеобразное отражение исторической действительности, а именно контактов земледельческого населения Фессалии с необычным для них бытом кочевых племен Эпира.

Со своей стороны исследователи культа Неоптолема отмечают разнородность представлений, связанных с данной мифологической фигурой. Так, Дж. Фонтенроуз (J. Fontenrose) считает, что Неоптолем почитался в Фессалии как мифический предок, "прародитель народов", а также как бог умирающей и возрождающейся растительности [260, p. 59-64] .

Интерпретация мифологического предания о Неоптоleme и его детях затруднена тем, что далеко не все версии предания (Paus. I.II.I, Just. 17.3, Verg. 3.333; Serv.Verg.Aen. 2.166, 3.321, Str. 326; Paus. 3.25.I, 3.26.5, Apollod. 3.13.8 etc.) являются независимыми друг от друга, а более поздние из них явно зависят также и от конкретных событий эпирской истории [268] , так что, собственно, представляют собой авторское мифотворчество, которое не должно подвергаться этно-историческому толкованию. Тем не менее представляется возможным утверждать, что в античной традиции сохранено множество фактов, проливающих свет на историко-культурные функции мифов о Неоптоleme и его детях, а следовательно и об Этноесте. Однако вплоть до 60-х годов нашего столетия вся эта информация для интерпретации глоссы Стефана Византийского не привлекалась. Причиной тому, очевидно, было неверие в реальность существования этнонима.

Определенную роль в закреплении негативного отношения к 'Edvika' и в частности к глоссе a.v. 'Edvika' сыграла работа В.Диттенбергера 'Edvika und Verwandtes' , в которой авторитет-

ный исследователь рассматривал содержащиеся у Стефана Византийского этнонимы с точки зрения их морфологии. При этом многие сообщаемые византийским филологом *ἔθνη ἐθνογά* и даже целые классы их В.Диттенбергер отвергает как "невозможные по природе вещей" ("*der Natur der Sache nach*") [253, с. 165], например, образованные от названий рек и др. В этой связи можно заметить лишь, что древнее *ἔθνη ἐθνογά* далеко не всегда соответствует по значению современному понятию "этноним", и *ἔθνη ἐθνογά* имеет не меньше прав на существование, нежели, скажем, нем. *Rheinländer*.

Ср., например, указание автора *Etymologicum Gudianum* s.v.

на возможные производящие *ἔθνη* :

ποταμῶν Ἀρβαίνου καὶ ἑθνικῆς ; περὶ πόλεως, ἐκ πόλεως, ἐκ ἑθνοῦ, ἐκ βασιλείας

("Сколькими способами образуются *ἔθνη* ? Четырьмя: от <названия> города, от <названия> страны (области), от <названия> народа, от <названия> царства").

Таким образом, в число *ἔθνη* включаются образования, которые в современной ономастике квалифицируются как топонимы (обозначения жителей той или иной местности) и политонимы (обозначения граждан того или иного государства).

Что же касается лексики *ἔθνη*, то В.Диттенбергер сопровождает ее следующим комментарием: "...если они (этности - Ю.К.) вообще существовали, а не являются фикцией, как *Προῖβραι* (из глоссы *Προῖβραι ἔθνος Βοιωτῶν Βοιωτῶν ἔθνος ἐκ τοῦ πάλας Προῖβραι καλέονται* - Ю.К.)" [253, с. 192]. В фиктивности *Προῖβραι* В.Диттенбергера убеждает ясная внутренняя форма этой лексики. Тем самым исследователь дает понять, что считает *ἔθνη* ghost-word, т.е. искусственным образованием по аналогии, не соответствующим никакой языковой реальности. В.Диттен-

бергер, однако, не объясняет, с какой целью грамматику понадобилось приписывать свое измышление известному поэту.

Естественным концом гиперкритического отношения к данным Стефана Византийского явился момент находки двух эпиграфических памятников. В 1954 г. при раскопках в Додоне Д.Эвангелидиосом были обнаружены, а в 1956 г. опубликованы два декрета Неоптолема I Алкета (370 - 368 гг. до н.э.) [328]. В декретах содержатся списки административных лиц молосского *κοινόν*, синархонтов и демиургов, представлявших в федеральных органах *κοινόν* интересы отдельных *ἔθνη*, входивших в его состав. Имена демиургов сопровождаются указаниями на делегировавшие их *ἔθνη* и сообщаются в порядке, соответствующем географии расселения *ἔθνη*. Наряду с другими этнонимами в перечне демиургов издатель прочел форму *ΕΘΝΕΣΤΩΝ*. В следующем, 1957 г. П.Р.Франке (P.R.Franke) высказал, а С.Дакерис (Σ. Δακέρης) опубликовал поправку, согласно которой следует читать *ΕΘΝΕΣΤΩΝ* [327]. Данная поправка в настоящее время является общепризнанной [244, 298].

За истекшие с момента находки тридцать лет специалисты по истории Эпира и этнографии древней Греции достигли значительных успехов в решении вопроса о локализации этнестов. Выявились значительные расхождения во взглядах, и обсуждаются как "эпирский", так и "фессалийский" вариант локализации [244, 262, 268, 298, 299]. Не останавливаясь на изложении подробностей дискуссии, отметим лишь, что в работах С.Дакериса, В.Пайонковского (W. Paşa kowski) и П.Кабене (P. Cabanes) этническая территория этнестов уже нанесена на карты. В семасиологической же литературе существование этнестов по-прежнему игнорируется.

В связи с локализацией этнестов историками обсуждается еще один важный в филологическом отношении вопрос, а именно тождество

этностов и этетов. Этноним "этеты" в античных литературных источниках не встречается. Известны, однако, три бронзовые монеты, на одной стороне которых имеется изображение Зевса в лавровом венке и легенда $\text{ZEY\text{Z} E\theta ETON}$, а на другой — бык и легенда APFEION . В 1905 г. И.Н.Своронос атрибутировал эти монеты этнестам [315]. П.Р.Франке ссылается на мнения J.Kerschesteiner-а —а и проф. Wissmann —а, которые утверждают, что при отождествлении этих этнонимов "возникают серьезные языковые затруднения (*"erheben sich schwere sprachliche Bedenken"*), поскольку нет примеров подобного варьирования этнонимов [262, S. 286, Anm. 7]. Н.Дж.Л. Хаммонд еще более решительно возражает И.Н.Свороносу: "Ethetae and Ethnestae are words with different roots and different terminations; therefore they do not look like official variants". Он полагает, что $\text{E\theta ETON}$ в приведенной легенде является Nom. Sg. и представляет собой "an unexplained epithet of Zeus" конструкция же "теоним + Gen. Pl." невозможна [268, p. 550]. Напротив, сторонником предложенного И.Н.Свороносом отождествления выступает С.Дакерис, но он приводит в подтверждение своего мнения лишь историко-географические соображения [327, с. 100-101]. В языковом плане им отмечена лишь возможность акцентного варьирования этнонимов на - $\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ [327, с. 93, с. 4].

В связи с вопросом об этетах представляется необходимым заметить следующее:

I) если понимать $\text{E\theta ETON}$ как номинативную форму неизвестного эпитета Зевса, то для интерпретации легенды реверса приходится постулировать еще один неизвестный эпитет — APFEION . В столь сложных допущениях вряд ли есть необходимость, поскольку конструкция "теоним + Gen. Pl." не противоречит законам логики. Более того, известна легенда $\text{O\lambda\upsilon\mu\pi\alpha\varsigma\tau\alpha\kappa}$ на монетах с изображением

Зевса Додонского, которую соотносят с названием иллирийского по-
лиса Olympe [298, с. 110-111]. Тем самым употребление теонима
с Gen.Pl. может быть специфической локальной особенностью;

2) денотативное тождество этнонимов *Ἐδρεῖται* и *Ἐδρεῖται* явля-
ется вопросом исторической этнографии. Что же касается этимологи-
ческой интерпретации *Ἐδρεῖται*, то совпадение внутренней формы
указанных этнонимов в высшей степени правдоподобно. Семантика мор-
фемы *ἐδρ* представляется достаточной для образования предэтнони-
ма со значением "свои, постоянно живущие вместе" и с этой точки
зрения эквивалентна семантике *ἐδρ*.

Суффикс *-tu-s* еще в микенский период образовывал различные
Sozialnamen, в том числе кэтойконимы: *Wa-tu-ta* (Пилос), ср.
fāw, "горожанин", *Pi-za-wa-ta* (Кносс) от *Πίβε* < *Πίβετα*,
"житель Писы". Зафиксировано и присоединение *-tu-s* к сигматичес-
ким основам: *te-re-ta* (Кносс, Пилос), ср. элейск. *τερεῖται*
"Boaster", *tu-we-ta* (Пилос), ср. гом. *θυέβης* < *θύος*,
"Sprechender Name eines Salbensieders". При образовании Sozialna-
men от тематических основ суффиксу может предшествовать *ε* :
αιεβης, *φιδεβης*, *γερβης*, дор. *βαρβῶται* (IG 12, I 1032,
13) и т.д. Трудно определенно утверждать, от каких основ, тема-
тических или сигматических, были образованы рассматриваемые этно-
нимы. Для *Ἐδρεῖται* можно предположить производящее * *ἔδρος, ου*
или * *ἔδρον, ου*.

Многие исследователи склонны видеть в *-βης* единый словообра-
зовательный формант [308, Bd. I, S. 66, 327, . 93, . 4; ср.
253, S. 190-192], который считается "негреческим" или "догречес-
ким" суффиксом этнонимов. Такая трактовка, на наш взгляд, оправ-
дана лишь в тех случаях, когда производящие этнонимов не являются
сигматическими образованиями. Для производных типа *Ἐδρεῖται* и

Ἐδριῶται трудно отрицать возможность непосредственного образования от апеллятивов *ἔδρῳ* и *ἔδρῳ*. В этом случае словообразовательным формантом выступает *-ῶ*, а не *-ῶν*. С другой стороны указанные форманты, по-видимому, чередуются достаточно свободно, ср. форму *Ἐριῶται* [268, p. 461].

Присоединение формантов *-ῶ* и *-ῶν* к морфеме *ἔδρ-* отмечено и в апеллятивной лексике. Так, у Суды и Евстафия (901.9) находим: *ἔδρῳ· οἱ ἐν τῷ αἰγῷ ἔδρῳ*, у Гезихия *ἔδρῶν· idem*. Относительно последней глоссы П. Монтрен замечает, что она "risque d'être une faute" [182, s.v. *ἔδρῳ*]. Оба апеллятива явно поздние, и гласный перед *-ῶ* объясняется аналогией с *πόλις - πολίτης* (о семантическом соотношении *ἔδρῳ - πόλις* см. в главе III). Развивая подход к *ἔδρῶν* как к *faute*, можно заметить, что лучшим чтением было бы *ἔδρῶν*, поскольку такое образование соответствовало бы *κυδρῶν*, *ἀφρῶν* и т.д. Однако и в существующем виде глосса объяснима аналогией с многочисленными deverbальными образованиями типа *πικρῶν*.

Итак, в древнегреческом языке, как и в других и.-е. языках, представлены этнонимы со значением "свои, члены одной общины". Новое подтверждение получил тезис о том, что примитивные групповые самоназвания развиваются, с одной стороны, в этнонимы, а с другой - в апеллятивы, обозначающие "этно-социальная общность". Примечательно, что архаичные этнонимы сохранились именно в наиболее отсталой, географически изолированной и экономически неразвитой части Греции. До I в. н.э., как утверждает С. Дакерис, этности не входили в соприкосновение ни с молосским *κοινά*, ни с какими-либо другим развитым государством [327, с. 106].

Самосиологическое значение выявленных лексем трудно пере-

оценить. Как *Ἐδνέβρα*, так и *Ἐδία* должны занять свое место в этимологических словарях в.в. *ἔδος* и в исследованиях по типологии этнонимов. Существование данных этнонимов является, безусловно, сильнейшим аргументом в пользу рефлексивного происхождения лексемы *ἔδος*.

Г Л А В А II

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМЫ *ἔθνος* В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ АРХАИЧЕСКОГО И КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ

§ I. Семантика лексемы *ἔθνος* в гомеровских поэмах

Наиболее сложным и дискуссионным этапом истории лексемы является ее ранняя история. Всего в гомеровских поэмах лексема *ἔθνος* употреблена 29 раз: 25 раз в "Илиаде" и 4 раза в "Одиссее". Ни в гомеровских гимнах, ни в "Батрахомиамахии", ни во фрагментах эпических поэм она не встречается. Тем самым гомеровский узус *ἔθνος* оказывается в определенной степени изолированным от всего последующего, и эта изоляция лишь частично компенсируется одним плохо сохранившимся фрагментом Гесиода и тремя употреблениями данной лексемы у Эмпедокла.

Как мы видели выше (гл. I § 2), для гомеровских поэм различными лексикографами выделяется от одного до трех словозначений, отношения взаимопроизводности и статус которых представлены в различных источниках достаточно противоречиво (см. табл. 2).

При анализе специальной гомеровской лексикографии обращает на себя внимание ее значительное сходство с уже известной нам позицией LSJ: большинство составителей словарей к Гомеру отрицает наличие в "Илиаде" значения "natio". Так, Г.Аутенрит (G. Autenrieth) переводит рассматриваемую лексему как "Schaar" (*ἐσθλὴν*, *ἀνδρῶν*), "Schwarm" (*κνηβῶν*, *φρίδων*) и "Herde" (*χοῖρων*). Лексема "Volk" в числе возможных переводов *ἔθνος* им даже не упоминается. Г.Эбелинг (G. Ebeling) толкует как "multitudo, grex, examen, globus, nunquam: populus".

Словозначение "этно-социальная общность" при таком подходе выступает как позднейший послегомеровский гипоним словозначения "множество", а "multitudo animalium" — как его более ранний гипоним.

Совершенно иначе понимается семантика ἔθνος античными и византийскими схолиастами Гомера. Прежде всего следует отметить, что ни употребление ἔθνος в Ил. 12.330, ни в 17.552 не воспринимается ими как нечто заслуживающее комментария. Следовательно, сочетания ἔθνος Λυκίων и ἔθνος Ἀχαιῶν соответствуют преимущественному употреблению лексемы ἔθνος в период составления схолий. Напротив, контекст

... ἐπιββαίοντο δὲ λαοὶ
ἥ τε ἔθνη εἴβη μεμββαίων ἀδινεῖν
("... народы не реяли к сонму.

Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями...", Ил. 286-87) сопровождается комментарием: πρὸς τοὺς εἰκαζομένοις ἔθνεσιν· βρῖχαι ἔβη εἰπεῖν (Sch. V, 93, 13). Далее схолиаст поясняет, почему Гомер сравнивает войска именно с пчелами: βυρρυνὲς δὲ ποικίλῃ τῷ ᾄδον, и перечисляет параметры, по которым пчелы сходны с рядами воинов-ахейян: порядок в движении, вооруженность, воинская дисциплина, наличие цели движения, взаимопомощь и усердие (ἡ μὲν οὖν φασγανῶν φρονίῃ πρόοδος εἰ ἔχει ὠφέλειαν· δὲ κόμηται εἶβη, ὑπήκοοι γὰρ καὶ αἰετοὶ εἶβη, καὶ εἰ ἔργῳ ἐξίσβη ..., φιλᾶντες γὰρ εἶβη, μεβαίοντες γὰρ ποταμοὺς ἀρκὰς πηδῶν ποιοῦνται).

Этим пространном перечнем схолиаст не только поясняет читателям замысел эпического поэта, но и аргументирует применимость ἔθνη к μεμββαίων.

Следующее сравнение πῶν δ' ὡς τ' ἐνὶ δυν πετεηνῶν ἔδ-

να πολλα (2.459), сопоставляющее данайцев со стадами гусей и журавлей, также заставляет комментатора искать особые причины, чтобы объяснить сочетаемость ἕδρας с ὀρνίθων :
 μουβικὰ γὰρ καὶ ἤμερα καὶ βουχελάβικα γαῖγε' αἰ-
 κνίως οὖν ἐπ' αἰγῶν καὶ ἕδρῃ φυβί (Sch. V. 131,19).

Интересно, что даже относительно близкий к "natio" ЛСВ "multitudo hominum" воспринимается как поэтизм, требующий перевода на прозаический язык: ἕδρας δὲ ἐλαίρων ἀπὸ τῶ Νῆ-
 ος λέγει, ὡς καὶ ἐν ἄλλοις ποιεῖ (Eust. 864,40 ad Il.11.
 595). τὸ δὲ, ἐπέρρειν ἕδρας περὶ, ἀντὶ τοῦ πάντων πο-
 λὺν ἤρχοντο κατὰ βροτοὺς ... "ὅρα δὲ καὶ οὐ τὸ, γὰρ δ'
 ἐπέρρειν ἕδρας περὶ ὁμοίον πως ἔστι τῷ ἕδρῃ ἀγέρεο
 μυρία νεκρῶν (Eust. 880,62 ad Il.11.724). Сопоставление

ἕδρας ἐλαίρων с ἕδρας νεκρῶν сделано ввиду ненормативности для читателей-современников комментатора и первого, и второго сочетаний; их подобие должно помочь пониманию каждого из употреблений в отдельности.

По поводу Od. 14.73 Эвстафий (1751, 22) замечает: οὐ ἕδ-
 ρα χοίρων λέγει ἀντὶ τοῦ Νῆου, ὡς καὶ ἐν Ἰλιάδῃ ἕδρας
 μετ' ἑβάνων. ἄλλοι δὲ καὶ Ὀππιδίος ἕδρας πόρκα τοῖς
 ἰχθύας φυβί. Ὅτι ἀρχαίων ἀπὸ τῶ ποιητῆς δια-
 βουλεύων μακρὴν φυβί· βῆ ἐξ βυφρούς· ὁ ἐρρυ-
 νείων ἐπέχει· ὅτι ἕδρας χοίρων.

Таким образом, в схолиастической традиции первичным ЛСВ ἕδρας считается "natio", а словозначения "multitudo hominum" и "multitudo animalium" оцениваются как производные.

Сама идея развития значения, перемещения центра внутрисловной иерархии была, по-видимому, чужда сознанию античных и византийских филологов. Каждое гомеровское употребление, не соответствовавшее

современному для них узусу, они воспринимали прежде всего как поэтический окказионализм.

Помимо лексикографии и многочисленных — древних и современных комментариев, значение *ἔθνος* у Гомера не раз освещалось и в специальных работах. В советской науке единственным исследованием, посвященным специально проблеме гомеровского *ἔθνος*, является статья этнографа Ю.К.Поплинского "К истории возникновения термина "этнос" [83]. Ее автор считает возможным, опираясь на ДГРС, выделять в семантике *ἔθνος* два основных значения: "множество" и "иноземцы". Для каждого из них Ю.К.Поплинский приводит отдельное (*sic!*) этимологическое разъяснение: значение "иноземцы" он сравнивает с *ἐθνητός*, а значение "множество", по его мнению, подтверждается как сопоставлением с *ἔθνη*, так и с **ἔθν*. В дальнейшем имело место "осознание близости этих корней" (*ἔθν* и *ἔθν*) [83, с. 135]. В гомеровских поэмах отражен такой период становления этнического сознания, когда "уже появилось понятие "народ", но, по-видимому, оно находилось еще в стадии становления, что и явилось причиной того, что слово "этнос" гораздо чаще употребляется у Гомера в первом, архаическом значении [83, с. 138] (т.е. в значении "множество" — Ю.К.)".

В этой связи можно заметить, что возведение двух ЛСВВ одной лексемы к разным этимонам отражает непонимание автором основных законов семантики. Ни один из ЛСВВ слова не способен к самостоятельному развитию, но все они развиваются как взаимосвязанное целое, объединенное общей формой, а значит, и общей историей этой формы, общей этимологией.

Малоупотребительность ЛСВ "народ" столь же мало свидетельствует об отсутствии в архаической Греции этнического сознания, как и малоупотребительность слова *βελγύ* — об отсутствии представ-

лений о луне. Использование какого-либо ЛСВ или слова есть факт истории языка, который не должен подвергаться вульгарно-исторической интерпретации.

Из новейших точек зрения на семантику рассматриваемой лексики можно отметить разъяснение значения *ἔθνος* в комментариях к "Илиаде", издаваемых Дж. Керком (G.S. Kirk). Так, по поводу Ил. 2,91 им сделано следующее замечание:

"Если бы параллель между сравнением и описываемой ситуацией была точной, то *ἔθνεα* обозначало бы просто "массу войск" ("the masses of troops"), как "массу пчел", но здесь безусловно присутствует и дополнительное значение "гэсов" или "tribes", относящееся к различным контингентам, которые подходят с разных сторон от корабельных стоянок" [280, p. 125].

Ясно, что толкуется в этом комментарии не столько семантика *ἔθνος* как таковая, сколько грамматическая форма *ἔθνεα*. Лишь Pluralis дает Дж. Керку основания предполагать присутствие значения "народ" в данном контексте. Признавая наличие ЛСВ "народ" в Ил. 2. 91, Дж. Керк тем самым рассматривает *ἔθνεα* *πρὸς βῆαν* как метафору. В том же духе он объясняет и 2.459 [280, p. 164]. Э.Ш. Вельскофф в статье "Die Bezeichnungen *λαός*, *ἔθνος*, *οἶκος*, *ἔθνος*, *πλῆθος*, *ἔθνος* in den homerischen Epen"

следующим образом поясняет семантику *ἔθνος*: "*ἔθνος* ist bei Homer kein abstrakter Gattungsbegriff, wohl aber eine Bezeichnung der nach Natur oder nach einer spezifischen sozialen Stellung und Haltung Zusammengehörigen als charakteristische Gruppe" [320, S. 186].

Толкование "einen in sich zusammengehörenden Schwarm bzw. eine in sich zusammengehörige kleinere Gruppe" [ibid.]

явно не без влияния Пассова. Но даже весьма общие сомы, кото-

рые исследовательница приписывает единственному (в ее понимании) гомеровскому словозначению *ἔδνα*, при ближайшем рассмотрении вряд ли присущи каждому из словоупотреблений. Нет никаких оснований считать, что под *ἔδνα* подразумевается малая группа, поскольку в Ил. 12.330 о Сарпедоне и Главке сказано, что они *ἀμφὶ πόδα ἔδνα χροῖα*, а в 17.680 Менелай *παύοιτο θυμῷ βδρὺν ποσειῶν κερὰ ἔδνα ἐκέρων* ("...светлые очи быстро вращались кругом по великому сонму ахейн").

Сопоставительное исследование употребления *ἔδνα* у Гомера проведено Б.Мадером, сравнившим семантику *ἔδνα* с семантикой *λαός* и *οἷκος*. Им отмечены многие важные особенности употребления *ἔδνα*, и в частности; референционное тождество между *ἔδνα* и *λαός*. Например, в стихе Ил. 2.86, цитированном выше, упомянуты *λαοί*, в 87-м стихе они сравниваются с *ἔδνα μετ' ἑββαίων*, в 91-м дается "резюме" сравнения с использованием *ἔδνα*, в 96-м и 99-м вновь употреблена лексема *λαός*. *ἔδνα* и *λαός*, в отличие от *οἷκος*, обозначает всегда множество однородных объектов. Обращаясь к анализу формул, Б.Мадер обсуждает гипотезу А.Мейе - П.Шантрена (см. гл. II § 4) о том, что *ἔδνα ἐκέρων* служит "для выражения такого отношения царя к воинству, ("(Krieger)-Volk"), когда это множество, контингент своих ("eigene"). Вывод Мадера, однако, неутешителен: *ἔδνα* по значению и употреблению так близко отождествилось с *λαός* и *οἷκος*, что его первоначальное значение и соответственно то, что отличало его первоначально от синонимов, более не может быть достоверно выведено из его употреблений" [291, s. 179].

По мнению немецкого исследователя, решающая роль в понимании

семантики $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ принадлежит формульным выражениям. С известной долей упрощения его позицию можно выразить тезисом: самое архаичное значение есть значение формульное. Из семантики $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ в сочетании $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma \epsilon\gamma\alpha\iota\rho\omega$ могут быть, согласно Мадеру, выведены все остальные употребления данной лексики. По отношению к животным $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ употребляется лишь постольку, поскольку эти животные сравниваются с отрядами воинов, и не исключено, что эти употребления являются новообразованиями "Илиады" [291, S. 180]. Ни $\lambda\alpha\omicron\varsigma$, ни $\epsilon\gamma\kappa\iota\lambda\omicron\varsigma$ так никогда не употребляются, хотя вне контекстов сравнений $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ и $\lambda\alpha\omicron\varsigma$ друг друга заменяют. Из этого факта Б.Мадер делает совершенно справедливый вывод, что, по всей вероятности, только значение $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ сочетается с понятиями о животных, а следовательно, параметры гомеровских сравнений шире, чем простое "множество, масса".

Формула $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma \nu\epsilon\sigma\tau\iota\omega$, по Б.Мадеру, является результатом аналогии с $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma \epsilon\gamma\alpha\iota\rho\omega$, которое "не раз должно было быть неправильно понято" [ibid]. Другое употребление "Одиссеи" - $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma \chi\omicron\iota\rho\omega$ (14. 73) есть результат ассоциирования животных сравнений "Илиады" с выражениями типа $\rho\omicron\iota\rho\iota\eta\nu \lambda\alpha\iota\omega$. Метафора пастушества в $\rho\omicron\iota\rho\iota\eta\nu \lambda\alpha\iota\omega$ низводится до уровня реальной жизни, и реальные объекты пастушеской деятельности получают возможность именовать $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ [ibid].

Заключительные выводы Б.Мадера еще более интересны. Редкое употребление $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ и жесткая ограниченность его сочетаемости на фоне изобилия синонимов свидетельствует о том, что уже ко времени создания "Илиады" данная лексема исчезла из "lebendigen Sprachgebrauch". Она уже не понималась в своем первоначальном значении, сохраняясь лишь в архаическом "Formelgut" и старых частях эпоса. Первоначальное же значение $\tilde{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$ ближе всего к тому

ЛСВ, который представлен в сочетании *ἔθνος ἐλαϊκόν* и может быть интерпретирован как "Fußvolk, Gefolgschaft eines Königs" [ibid] .

Помимо упомянутых исследований, существует еще целый ряд работ, прямо или косвенно затрагивающих проблематику гомеровского *ἔθνος* . Однако они в большинстве своем основаны на мнениях лексикографов, а не на самостоятельном анализе текста. Кроме того, во многих работах, как например в статье Р.Деска (R.Descat) "L'ideologie homérique du pouvoir" [51] , прослеживается явная тенденция рассматривать гомеровский узус *ἔθνος* сквозь призму более поздних данных.

Чтобы определить, какие основания для выделения словозначений содержатся непосредственно в гомеровском тексте и какими характеристиками обладают выделенные словозначения, представляется необходимым рассмотреть гомеровский узус *ἔθνος* как единое цельное явление эпического языка. С этой целью мы свели в таблицу 3 основные метрические, просодические, морфологические и семантико-синтаксические характеристики всех гомеровских употреблений *ἔθνος* .

В первом столбце указаны метрические характеристики каждого словоупотребления в общепринятых обозначениях. (Например, запись *1* обозначает, что слог *ἔθ-* составляет арсис первой стопы).

Во втором столбце указаны просодические рефлексы начальной дигаммы в *ἔθνος* . В нашем материале обнаруживается три вида таких рефлексов: 1)hiatus (в таблице - Н), как например: *Λυσίην ῥῖγα ἔθνος Ἰφρονε* Ил. 12.330;
2) долгая реализация предыдущего закрытого слога с краткой гласной (в таблице -Л), как например, в Ил. 13.164-165:

... αἰεὶ δ' οὐ γ' ὕμνος
ἄφ' οὐρανὸν εἰς ἔθνος ἔχαιτο

После исчезновения дигаммы, создававшей позицию долготы, краткая форма предлога *eis* была заменена долгой формой того же предлога. Другие односложные слова лексеме *ēnos* не предшествуют;

3) *v ēphēkubhaiōn* - ионийская инновация для избегания зияния [109, с. 137], как например, в Ил. II. 724: *τὰ δ' ἐλέησον ἔνθε περὶν*. В таблице сокращено: *Н*.

В третьем столбце дана морфологическая характеристика употребленных Гомером форм *ēnos*, т.е. их падеж и число, обозначенные начальными буквами латинских названий падежей.

Четвертый столбец раскрывает степень стандартности данного словозначения для эпической речи. В нем отмечено употребление в следующих *versus iterati* и формульных выражениях:

vi 1 *ἄφ' ἐγάρων εἰς ἔνθε ἐχάζετο κῆρ' ἀλγείων*

"быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти"

vi 2 *ὅγ' δὲ πρὸς ἀντιφρῶν ἐπὶ ἴκω ἔνθε ἐγείρων*

"стал и назад обратился, приблизясь к сонму данаев"

vi 3 *ὥς τῶν ἔνθε ποτὶ καὶ νηῶν ἔπο καὶ κλισιάων*

"так аргивян племена от своих кораблей и от кушей..."

F1 (3 ~) *ἄφ' ἐγάρων εἰς ἔνθε ἐχάζετο*

F2 (5 ~) *ἔνθε ἐγείρων*

F3 (2 ~) *ἔνθε νεκρῶν*

Формульными, в согласии с традицией, мы считаем все сочетания, встречающиеся более одного раза в одинаковой метрической позиции. Минимальные, двусловные формулы в нашем случае, безусловно, не являются случайными повторами. Например, при F 2 после цезуры *ἐγείρων* возможно варьирование предлога *κατὰ/πρὸς ἔνθε ἐγείρων*, причем сочетание в целом имеет одинаковую синтаксическую функцию.

Пятый столбец включает определения к лексеме *ēnos*: суб-

стантивные (5 а) и адъективные (5 б). Конструкция субстантивного определения не указывается, поскольку у Гомера все субстантивные определения к *ἄνθρωπος* выражены Gen. Pl. К ним прилипают местоименные определения в Gen. Pl. (в таблице - Pron.), относящиеся всегда к людям.

Кроме определений *ἑαίρων*, *ἐταίρων* = *ἐκ.*, *νεκρῶν* = *ν.*, все остальные приведены полностью.

В шестом столбце буквой С (Comparatio) отмечено употребление рассматриваемой лексики в сравнениях.

В качестве рабочей гипотезы мы могли бы принять наличие у Гомера например, трех словозначений: "multitudo hominum", "multitudo animalium" и "natio", и попытаться установить их статус. Однако из таблицы очевидно, что абсолютно большая часть критериев оценки статуса ЛСВВ, перечисленных нами в I гл. I §, к нашему материалу неприменима. Например, мы не можем утверждать, что какое-либо словозначение ограничено в своих формах, поскольку ни одно словозначение, собственно, и не представлено во всей совокупности своих форм. Синтаксическая конструкция всех словозначений совершенно одинакова и ничего определенного об ограничении синтаксических функций также утверждать нельзя. Формальные критерии ранжирования словозначений, таким образом, оказываются для гомеровского материала непригодными.

Тем более значительными оказываются выводы, основанные на ономаσιологических критериях. Выше уже говорилось о том, что прямое словозначение, в отличие от переносного, является референционно достаточным, т.е. контекстно независимым. Оно не нуждается в контекстных уточнителях, поскольку принадлежит уровню первичной номинации. Между тем, как видно из графы 5-й, абсолютно все случаи употребления *ἄνθρωπος* в "Илиаде" и "Одиссее" сопровождаются

субстантивными определениями, т.е. имеется 29 контекстов, где упомянуты *ἔθνος ἐγαίρων*, *ἔθνη χοίρων*, *ἔθνη καβάλλων*, *ἔθνη νεύρων κτ.*, но ни одного, где бы речь шла просто об *ἔθνος*. Тем самым не сохранилось ни единого контекстно независимого употребления *ἔθνος*, т.е. употребления, свободного от уточнителей. Если бы в тексте поэм сохранилось хотя бы одно такое употребление, мы могли бы, сопоставляя его с другими контекстами в качестве эталона, выявить, в каких случаях представлен основной ЛСВ, а в каких - вторичные.

Однако ввиду отсутствия эталонного ЛСВ можно с равным успехом утверждать, что все гомеровские ЛСВВ являются вторичными, или что первичным является любой из них, поскольку и то, и другое утверждение ономазиологически одинаково бездоказательно.

Сказанное позволяет указать на внутреннюю противоречивость позиций Г.Эбелинга и Г.Аутенрита. С одной стороны, Г.Эбелинг и Г.Аутенрит правы, желая указать, что гомеровский текст не дает оснований для выделения значения "porulus". С другой стороны, этот же текст не дает и оснований для выделения значений типа "multitudo animalium", описанных обоими лексикографами столь подробно. Очевидно, что как выделение словозначений *ἔθνος*, так и установление их иерархии является на уровне гомеровских поэм вполне гипотетическим, и речь может идти лишь о сравнительно более или менее вероятных гипотезах.

Наиболее простой гипотезой о значении гомеровского *ἔθνος* является "унитарная", т.е. основанная на обобщении всех имеющихся контекстов. Результат такого обобщения очевиден: поскольку *ἔθνος* является обозначением класса, то для него, как для других классообозначений, центральной является сема множественности. Аналогичным образом, если бы мы располагали только выражениями "ряд дости-

жений", "ряд кресел" и "ряд участников", то едва ли смогли бы реконструировать для слова "ряд" иное значение, кроме "множество". По пути обобщения всех контекстных ЛСВВ в единое значение "multitudo" пошли авторы LSJ, реализовав его весьма последовательно. Однако очевидно, что толкование "множество", будучи логически непротиворечивым, все же не в состоянии удовлетворить исследователей, стремящихся к проникновению в точный смысл гомеровских строк. Ясно, что сама "множественность" не является единственной в семантической структуре *ἔθνος*. Поэтому во многих упомянутых семасиологических разработках [280; 320] видно стремление лексикологов расширить число сем "единого значения".

С другой стороны, поскольку в послегомеровской литературе на некоторых хронологических уровнях основным значением *ἔθνος* является "народ", естественно предположить, что оно присутствует и в употреблениях *ἔθνος Ἀργείων* и *ἔθνος Λυκίων*. Выделение хотя бы двух словозначений уже ставит перед исследователем проблему интерпретации диахронических и синхронических отношений этих словозначений.

Возможно ли построение относительной хронологии гомеровских ЛСВВ *ἔθνος*? Для гомеровского текста вполне закономерным является противопоставление формульного компонента эпического языка неформульному. Как уже давно отмечено гомероведцами, формулы составляют "le fond de plus ancien de la diction épique" [248, p.137] и отличаются архаизмом морфологии. Совершенно естественно поэтому и предположение Б.Мадера, что в формулах представлены и наиболее архаичные словозначения. Архаичность оборота *ἔθνος ἑταίρων* находит подтверждение в варьировании форм определения: *ἑταίρων* в vi 1 и *ἑταίρων* в vi 2.

Однако формулы - это не просто словосочетание определенной

метрической конфигурации, а еще и составная часть поэтической строки. Благодаря наличию дигаммы в анлауте *ἔδνα* мы располагаем дополнительным критерием сравнительной древности словозначений этой лексемы. Закономерно предположить, что строки, где прослеживаются рефлексы дигаммы, содержат сравнительно более архаичные словозначения *ἔδνα*. Сопоставляя графы 2-ю и 4-ю, можно убедиться, что все формульные выражения и *verba iterata*, за исключением *vi 3*, действительно архаичны, т.к. содержат разнообразные рефлексы дигаммы. Что же касается остальных, неформульных контекстов, то с точки зрения своих просодических характеристик они отнюдь не равноценны. Так, в Од. II.632

ἄλλὰ πρὶν ἐπὶ ἔδνῃ ζυγίῳ πυρὶ κερῶν
оборот *ἔδνα κερῶν* не является формульным употреблением, в отличие от Од. 10.526 и II.34, но содержит те же следы дигаммы, что и упомянутые формулы. *ἔδνα χοίρων* в Од. I4.74 и *ἔδνα καὶ βωῶν* в Ил. 2.87 не являются формулами, но проявляют более архаичные просодические характеристики, нежели другие употребления *ἔδνα* по отношению к животным. Кроме того, рефлексы начальной дигаммы сохранены еще в двух неформульных сочетаниях: *λυκίων πυρὶ ἔδνα* (Ил. 12.330) и *καὶ δ' ἐπέρκων ἔδνα περὶν* (Ил. II.724). Таким образом, с точки зрения просодии нельзя утверждать, что все употребления *ἔδνα* по отношению к животным являются новообразованиями, так же, как и то, что все употребления *ἔδνα* по отношению к людям являются архаизмами.

В целом нельзя не согласиться с выводами Б.Мадера о том, что лексема *ἔδνα* глубоко укоренена в эпическом языке. В подавляющем большинстве ее употребления являются формульными и/или содержащими следы дигаммы. Что же касается развернутых сравнений, то отсутствие в них формул неудивительно, т.к. подобные сравнения вообще

являются достаточно слабо формализованной частью эпоса. Кроме того, в 2.87 (сравнение с пчелами) имеется рефлекс дигаммы, что указывает на архаический характер данного словоупотребления.

Одним из несомненных достоинств работы Б.Мадера является сравнительный подход к изучению гомеровского узуса *ἔθνος*. Однако конкретный выбор объектов сравнения трудно признать удачным. *λαός*, будучи употребительным словом, в качестве классообозначения проявляет весьма узкую сочетаемость (преимущественно *λαός Ἀχαιῶν*, *λαός Ἀχαιεὺς* и т.д.). Более характерной для этого слова является позиция субъекта или объекта при глаголах (*λαὸν ἀγείρειν*, *λαὸν ἀπὸ γῆρας* и т.д.) или в субстантивных формулах типа *πατριὲν λαῶν*, *φῦλον λαῶν*. В еще большей мере сказанное относится к *φυλὰς*, характерными употреблениями которого будут *καταβῆκε φυλὰν*, *ἐκ φυλὰν ἰὼν* и т.д. Ни *λαός*, ни *φυλὰς* никогда не сочетаются с названиями животных.

Между тем сопоставление, чтобы быть информативным, не должно быть слишком далеким. Незначительная разница в сочетаемости и конструкциях позволяет уловить более тонкие семантические различия, нежели разница очевидная. Предшествующие лексикологи не ставили своей целью обнаружить такой контрастный фон, на котором особенности употребления *ἔθνος* выступали бы с наибольшей ясностью. Например, М.Мидт в *Lfgg B* очерчивает Wortfeld исследуемой лексики следующим обширным списком: *λαός*, *φυλὰς*, *ἡγευός*, *ἡγευός*, *φύλον*, и т.д. *Πύργος*, *βεῖχε*, *βερεός*. Как мы уже видели, далеко не все части этого Wortfeld оказались исследованы одинаково тщательно. Сравнение *ἔθνος* с *λαός* часто встречается в лексикологической литературе [291; 320 и др.], поскольку и та и другая лексики впоследствии развивают значение "этносоциальная общность". Сопоставление с *φυλὰς*, *ἡγευός*, *ἡγευός*

обусловлено способностью $\tilde{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ выразить понятие "множество". Систематическое сопоставление $\tilde{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ с $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ до сих пор никем еще не проводилось. Однако по нашим наблюдениям именно это сопоставление и является наиболее продуктивным для интерпретации семантики $\tilde{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$.

Поскольку издание выпуска *LfrgrE* на букву ϕ видится лишь в отдаленной перспективе, а в *Stellenverzeichnis* к "Soziale Typenbegriffe"... [310] лексема $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ вообще не включена, представляется необходимым привести полностью все имеющиеся в ^{данные} нашем распоряжении об эпическом узусе $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$. В следующей таблице (№ 4) мы представим употребление $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ в поэмах Гомера, гомеровских гимнах, "Батрахомиамахии", а также в поэмах и фрагментах Гесиода. Содержание отдельных граф соответствует табл. 3, что позволяет сопоставлять данные о $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ с данными об $\tilde{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$. В условных обозначениях таблиц 3 и 4 имеются следующие различия: если форма падежа не может быть установлена точно ввиду плохой сохранности фрагмента, в третьей графе используется обозначение N/A, т.е. *Nominativus vel Accusativus*.

В четвертой графе указаны следующие формулы:

- F 1(5) $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\tau\omega\nu$
 - F 1(5) $\acute{\epsilon}\pi\iota\ \chi\epsilon\rho\iota\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\tau\omega\nu$
 - F 2(5) $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \gamma\upsilon\nu\alpha\acute{\iota}\kappa\omega\nu$
 - F 2(5) $\alpha\acute{\iota}\ \kappa\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota\ \acute{\epsilon}\nu\acute{\iota}\kappa\omega\nu\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \gamma\upsilon\nu\alpha\acute{\iota}\kappa\omega\nu$
 - F 3(5) $\acute{\alpha}\gamma\rho\alpha\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \Gamma\eta\gamma\acute{\epsilon}\nu\omega\nu$
 - F 4(3) $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \theta\epsilon\omega\nu\ \alpha\acute{\iota}\epsilon\iota\gamma\epsilon\nu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\omega\nu$
 - F 5(3) $\mu\omicron\gamma\acute{\alpha}\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \theta\epsilon\omega\nu$
 - F 5'(3) $\acute{\epsilon}\lambda\delta\acute{\epsilon}\mu\omicron\nu\alpha\iota\ \mu\omicron\gamma\acute{\alpha}\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \theta\epsilon\omega\nu$
 - F 6-4) $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \delta\upsilon\eta\tau\omega\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\tau\omega\nu$
- а также *versus iteratus*

Таблица 4

			!	I	3	4 !	5	
							a	b
B	2	362	<u>3</u>	✓	AP	-		
		363	<u>5</u>	✓	NP	-		
		840	<u>3</u>	✓	AP	-	πελαγῶν	
E	5	441	<u>5</u>	✓	NS	-	ἀν., δ.	
I	9	130	<u>5</u>	✓	AP	F 2'	γ.	
		272	<u>5</u>	✓	AP	F 2'	γ.	
Ξ	14	361	<u>5</u>		AP	F I	ἀν.	κλυσά
ο	15	54	<u>3</u>	✓	AP	F 5	δ.	
		161	<u>3</u>	✓	AP	-	δ.	
		177	<u>3</u>	✓	AP	-	δ.	
P	17	220	<u>3</u>	✓	VP	-	ἐπικοῦρων	μυρία
T	19	30	<u>6</u>	✓	AP	-	(μυρία)	ἄγρια
γ	3	282	<u>5</u>		AP	F I	ἀν.	
η	7	206	<u>5</u>	✓	NP	F 3	Γ.	ἄγρια
		307	<u>5</u>		NP	F I'	ἀν.	
δ	8	481	<u>5</u>	✓	AS	-	ἀοιδῶν	
ζ	14	68	<u>5</u>	✓	AS	-	Ἀρεοβίου	
		181	<u>5</u>	✓	AS	-	Ἐλένης	νῦν ὑμῶν
ο	15	409	<u>5</u>		AP	F I	ἀν.	

Продолж. табл. 4

			I	3	4	5	
						a	b
Th.		202	<u>5</u> ✓	AS	-	γ.	
		212	<u>5</u> ✓	AS	-	Ὀνσίπων	
		330	<u>5</u>	AP	FI	2v.	
		556	<u>5</u>	NP	FI'	2v.	
		591	<u>5</u> ✓	NP	F2	γ.	
		965	<u>3</u> ✓	AS	-	ῥαῖν	
		1021	<u>3</u> ✓	AS	-	γ.	
Op.		90	<u>5</u>	AP	FI	2v.	
		199	<u>3</u> ✓	AS	-	ῥαῖν	
Sc.		4	<u>3</u> ✓	AS	-	γ.	
		162	<u>5</u>	AP	FI'	2v.	
Fr.	23a	25	<u>5</u>	NP	FI'	2v.	
	30	11	<u>5</u>	N/AP	FI'	2v.	
	33a	16	<u>6</u> ✓	NP	-	μετ' ἑβδόμενων	ῥαῖν
	43a	6	- <u>4</u>	N/AP	F6	2v.	
	73	4	<u>5</u> ✓	AS	-	2v.	
	96	2	<u>5</u> ✓	AP	F2	γ.	
	150	30	<u>5</u> ✓	AS	-	ῥαῖν	
	165	12	<u>5</u> ✓	AS	-	ῥαῖν	
	180	10	<u>5</u> ✓	AP	F2	γ.	
	240	4	- <u>4</u>	AP	FI'	2v.	
	251a	9	<u>5</u> ✓	AP	P	γ.	
	291	14	<u>5</u>	NP	FI'	2v.	

Продолж. табл. 4

!		I	3	4	5	
					a	b
Cer.	36	<u>3</u> ✓	AP	F 4	g.	ζῆλονηία
	322	<u>3</u> ✓	AP	F 4+5	g.	
	352	<u>2</u>	AP	-	2v.	
	443	<u>3</u> ✓	AP	F 5	g.	
	46I	<u>3</u> ✓	AP	F 5	g.	
Ap.	I6I	<u>5</u>	AP	FI	2v.	κλῶν ἀδελφὰ ζῆλονηία περίκλῶν
	273	<u>3</u> ✓	NP	-	2v.	
	298	<u>5</u>	NP	FI	2v.	
	355	<u>5</u>	AP	FI	2v.	
	537	<u>5</u>	NP	FI	2v.	
	538	<u>5</u>	AP	FI	2v.	
Merc.	542	<u>5</u>	AP	FI	2v.	
	578	- <u>4</u>	NP	F 6	2v.	
Ven.	3	<u>3</u> ✓	AP	-	2v.	
	I29	<u>3</u>	AP	-	g.	
Batr.	283	<u>5</u> ✓	AP	F 3	Γ.	ζῆλονηία

vi ἔρχεσθαι μοῖα φῦλα θεῶν ἢ εἰς ἄλγε δῖαν

В пятой графе сокращены такие субстантивные определения:
 ἀνδρώπων = ἀν., θεῶν = θ., γυναικῶν = γ. В двух случаях (Од.
 14.68 и 181) конструкция определения при φῦλον -Gen.Sg.- отли-
 чается от конструкции при ἔθνος. Кроме того, в стихе Ил. 19.31
 содержится приложение к φῦλα, употребленному в предыдущей
 строке:

εἴ μὲν ἐπὶ περὶ βω ἡδαικόμην ἄχρῃ φῦλα
 μῖας, αἱ γὰρ γὰρ φῦλας ἀνυφάγους κατέδουσιν
 (Фетида о теле Патрокла:

"Я попыюсь отгонять от него кровожадные сонмы
 Мух, которые тело убитых мужей пожирают").

В таблице это приложение указано в скобках.

Лексема φῦλον употребляется Гомером 20 раз, т.е. несколь-
 ко меньше, чем ἔθνος. Но если учесть число versus iterati
 с ἔθνος, которые повторяются соответственно 7, 3 и 2 раза, то
 объем сравниваемого материала окажется практически равным (20 и
 19 контекстов соответственно).

В отличие от ἔθνος, для φῦλον мы располагаем несколь-
 кими употреблениями, свободными от субстантивных определений: это
 362-й и 363-й стихи второй песни "Илиады". Благодаря наличию этих
 употреблений мы можем с уверенностью утверждать, что значение,
 представленное во фразе ἄχρῃ φῦλα μῖας, является вто-
 ричным (производным). Во фрагменте 33 (а) Гесиода мы находим еще
 один пример такого словозначения: μελιββέων ἄχρῃ φῦλε.
 Между ἔθνος μελιββαίων и φῦλα μελιββέων естественно
 предположить денотативное тождество: и тот, и другой оборот обо-
 значает пчелиный рой.

Обороты с φῦλον аналогичны оборотам с ἔθνος еще в од-

ном отношении: определением при $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ может выступать этноним.
В Ил.2840 находим:

$\Gamma\eta\nu\phi\omicron\upsilon\omicron\varsigma\ \delta'\ \acute{\alpha}\gamma\epsilon\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\epsilon\ \rho\epsilon\lambda\alpha\beta\rho\tilde{\iota}\nu\ \epsilon\chi\chi\epsilon\upsilon\rho\iota\sigma\tilde{\iota}\nu$
("Гипнофой предводил племена копьеборных пеласгов...")

Ср. также во фрагменте 165-м Гесиода:

$\dots\ \Delta\alpha\rho\delta\alpha\iota\tau\omicron\upsilon\nu\ \mu\omicron\gamma\alpha\delta\acute{\iota}\rho\iota\nu\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu\ \epsilon\nu\alpha\rho\tilde{\iota}$

Адъективные определения при $\acute{\epsilon}\delta\nu\alpha\varsigma$ и при $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ также проявляют значительное сходство. У Гомера $\acute{\epsilon}\delta\nu\alpha\ \nu\epsilon\alpha\rho\tilde{\iota}\nu$ дважды (Од. 10.526 и 11.34) названы "славными" - $\kappa\lambda\upsilon\gamma\acute{\alpha}$. Тот же эпитет применяется и к $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\epsilon\ \alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\tau\iota\nu$ в Ил. 14. 361:

$\acute{\omega}\varsigma\ \epsilon\iota\pi\omega\nu\ \delta'\ \mu\acute{\iota}\nu\ \acute{\omega}\chi\epsilon\epsilon'\ \epsilon\nu\acute{\iota}\ \kappa\lambda\upsilon\gamma\acute{\alpha}\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda'\ \alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\tau\iota\nu$
("Рек - и к другим отлетел племенам человеческим славным...")

Это гомеровское употребление развито во второй части гимна к Аполлону (т.наз. пифийском или дельфийском гимне), где находим уже не только $\kappa\lambda\upsilon\gamma\acute{\alpha}$ (273), но и $\acute{\alpha}\rho\epsilon\alpha\kappa\iota\sigma\tau\alpha$ (355) и $\pi\epsilon\rho\iota\kappa\lambda\upsilon\gamma\alpha$ (537) $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\epsilon\ \alpha\nu\delta\rho\acute{\omega}\tau\iota\nu$.

В Од. 11.632 $\acute{\epsilon}\delta\nu\alpha\ \nu\epsilon\alpha\rho\tilde{\iota}\nu$ называются $\mu\upsilon\rho\acute{\iota}\epsilon$. С тем же определением сочетается в Ил. 17.220 и лексема $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\epsilon$:

$\kappa\omicron\kappa\lambda\upsilon\sigma\tau\epsilon\ ,\ \mu\upsilon\rho\acute{\iota}\alpha\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\epsilon\ \pi\epsilon\rho\iota\kappa\lambda\upsilon\gamma\acute{\iota}\nu\tau\iota\ \epsilon\pi\acute{\iota}\sigma\kappa\alpha\iota\rho\iota\nu$
("Слушайте, сонми несметные наших друзей и соседей!")

Однако между употреблением $\acute{\epsilon}\delta\nu\alpha\varsigma$ и $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$, помимо сходства, имеются весьма примечательные различия. $\acute{\epsilon}\delta\nu\alpha\varsigma$ у Гомера применяется только к людям и живым существам, а также к душам умерших. $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$, кроме того, применяется также к богам (преимущественно как указание направления при глаголах движения:

$\epsilon\chi\chi\epsilon\upsilon\delta\alpha\iota\ \mu\omicron\gamma\acute{\alpha}\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\epsilon\ \nu\epsilon\iota\omega\nu$ - у Гомера и $\acute{\epsilon}\lambda\delta\epsilon\rho\epsilon\upsilon\alpha\iota\ \mu\omicron\gamma\acute{\alpha}\ \phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\epsilon\ \nu\epsilon\iota\omega\nu$ - в гимне к Деметре). В пятнадцати из двадцати девяти употреблений $\acute{\epsilon}\delta\nu\alpha\varsigma$ оно сочетается с $\epsilon\gamma\alpha\iota\rho\iota\nu$, в то время как лексема $\phi\tilde{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ ни разу с $\epsilon\gamma\alpha\iota\rho\iota\nu$ не употребляется.

Особое значение для понимания соотношения *ἔδνα* и *φύλας* имеет вторая песнь "Илиады". Проследим, как употреблены в ней интересные нас обозначения. После обманчивого сна Агамемнона поэт рисует величественную панораму сбора ахейских войск (91-92):

*ὥς γὰρ ἔδνα παρὰ νηῶν ἄνα καὶ κλισιάων
ἤϊονος προπάροιθε βαδείης ἐβελχόωντο*
("Так эргивия племена от своих кораблей и от кущей
Вкруг по безмерному берегу, несчетные, к сонму тянулись..."), срав-
нивая их с *ἔδνα παρὰ νηῶν*. В стихах 362-363 удрученный воен-
ными неудачами Нестор дает совет Агамемнону:

*οὐ γὰρ ἀπόβλητον ἔπος ἔββεγεν, ὅττι καὶ εἴγω
κρῖν' ἄνδρας κατὰ φύλα, κατὰ φύλας, Ἀργεῖων,
ὥς φύλῃ φύλῃσιν ἄρῃην, φύλα δὲ φύλοις*
("Мысль не презренной будет, какую тебе предложу я.
Воюв, Атрид, раздели ты на их племена и колена;
Пусть помогает колено колену и племени племя".)

Чтобы осуществить план Нестора, войска выстраивает на Скеманд-
рийском лугу. В красочном описании их построения слово *φύλας*
не используется, но зато вновь говорится об *ἔδνα* (464-465):

*ὥς γὰρ ἔδνα παρὰ νηῶν ἄνα καὶ κλισιάων
εἰς πεδία προέοντο Σκαμάνδριον...*
("Так эргивия племена от своих кораблей и от кущей
С шумом неслись на луг Скемандрийский...").

При этом они сравниваются с *ἔδνα* различных птиц (459-463):

*γὰρ δ' ὥς εἰς ὀρνίθων περὶ νηῶν ἔδνα παρὰ
κρητὺν ἢ γέραν ἢ κίαντες βαλχοβαδείων...*
ἔδνα καὶ ἔδνα ποτὶ πτερὰ ἀφ' ἁλὸς περὶ ῥυεββῶν
("Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
Дликих гусей, журавлей или стада лебедей долговязых...").

Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся..."),

а также мук (469-471):

ἦγε μισῶν ἀδινῶν ἔδνα παῖδ'
 αἶε κατὰ βρομὸν παμπύσιον ἡδάσσον
 ἄρ' ἐν εἰαρινῇ, ὅτε γέ γ' ἄγος αἶψα δέξαι

Далее мы наблюдаем, как реализуется замысел сына Нелоя (474-477):

τοὺς δ', ὡς γ' αἰνέτῃ κατὰ δῖον ἀνέροις ἄλφει
 ῥῆα διακρίνωβιν, ἐπεὶ δὲ κορυῇ μενέωβιν
 ὡς τοὺς ὑπερόνευ διακόβροον εἶδα καὶ εἶδα
 ὄβρινον δ' εἶναι ...

("Их же, как пастыри коз меж бродящих стад необъятных
 Скоро своих отлучают от чуждых, ошесавшихся в пастве,
 Так предводители их, впереди, позади учреждая,
 Строили в бой...").

Разделение войск согласно плану Нестора завершено, и мы вправе ожидать, что поэт сообщит нам, какие филои и фротрии были выделены в ахейском войске. Однако ни лексемы *φῖλοι*, ни *φροτρία* мы в дальнейшем тексте не находим, в результате разделения ахейского войска изображен в "каталоге кораблей".

Композиционной параллелью совету Нестора и перечню кораблей ахейцев выступает совет Ириды и перечень союзников троянцев. Приняв облик Полида, Ирида советует Гектору (563-567):

Ἔκτορ, σοὶ δὲ μάτιβι' ἐπιγένομαι αἶψά γε ρέζαι
 παῖδοι γὰρ κατὰ ἄβω ρίψε Πριάμον ἐπικούρου.
 αἶψα δ' αἶψωτ' ἡῶν βα παύοντες ἀνδράων.
 τοῖβιν ἐκείνους ἀνὴρ βυμαίνεω οἴβιν περ ἄρχει
 ὡν δ' ἐγγυρίβω, κοβρυβάρητος παύεας."

("Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:

Много народов союзных в Приамовом граде великом,

Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.

Каждым из оных да властвует муж, повелитель народа;

Он и вождем на боях, и строителем граждан да будет".

Совет ее принят, и непосредственно вслед за ним описывается построение троянских войск на могиле Мирины и дается перечень союзников. В этом перечне, обращает на себя внимание употребление лексемы *φίλον* в ст. 840:

Ἰππόδοος δ' ἔχ' ἑὴν Πηλεΐδῃ ἑξέβριμ' ῥην

Очевидно, что задача, поставленная Иридой, не совпадает с задачей, поставленной Нестором. Первая предлагает провести деление на этническом уровне, основываясь на различии языков, второй — на субэтническом, по родам и объединениям родов. И тем не менее в "перечне кораблей" раскрывается этно-политическая организация гомеровской Эллады, а в перечне троянцев — внутренние, субэтнические деления. В этой связи закономерно возникает вопрос, соответствует ли *ἔδρα* в стихах 91 и 464 какому-либо из подразделений субэтнического уровня, т.е. филе или фратрии?

Чтобы лучше понять организацию троянского и ахейского войск как их изображает Гомер, обратимся к данным об организации греческих войск в историческую эпоху. Война была важнейшим совместным действием гражданского коллектива, а потому военные институты тесно переплетались с сакральными и сохраняли множество архаичных черт [124, с. II]. Основой формирования войск в классических Афинах были филы (*φύλας*), состоявшие из демов (*δῆμος*). Юноши призывного возраста, бывшие законными детьми полноправных граждан, заносились в списки демов, к которым принадлежали их отцы. После принятия присяги новобранцы обучались военному делу под руководством софрониста — одного для каждой филы. Внутри филы протекало не только обучение, но и вся жизнь молодых солдат, по-

скольку трапезы также были совместными для членов Филы. Прошедшие обучение эфебы поступали в пехотные подразделения той Филы, к которой принадлежали. Общее руководство сухопутной армией входило в функции архонта-полемарха и стратегов, а боевое командование осуществлялось десятью - по числу Фил - таксиархами. Когда после марафонской битвы был создан конный корпус, он также составлялся из десяти подразделений, во главе которых стояли филархи [258, s . 220 - 226] .

Наконец, благодаря Фукидиду (2.34) нам известен обычай погребения погибших в бою солдат. После военных кампаний останки погибших за родину собирали и перевозили в предместье Афин. Там останки всех воинов, принадлежавших одной Филе, помещали в один общий кипарисовый гроб. На общей могиле членов Филы делалась надпись, в котором на первом месте стояло название Филы, а затем - имена погибших граждан.

Современные комментаторы Гомера нередко отмечают, что в Ил. 2.362-363 ("совет Нестора") отражены архаичные, восходящие к родо-племенному строю принципы организации войске. Как мы видели, эти родо-племенные принципы просуществовали весьма продолжительное время, хотя и в измененном виде: количество Фил менялось, они реорганизовывались и т.д.

"Каталог кораблей" лишь единожды эксплицитно раскрывает родовую структуру военного контингента:

*οἱ Ῥόδον ἀμφεσπόμενοι διὰ τρεῖς κομπυδαῖς
Αἰῶλον Ἰηδυβοῖν τε καὶ Ἀρμύρανα Κάμηρον*

("Как в родосской земле, разделенные на три колена, Линд, Иялис и Камир белокаменный вокруг населяли").

Однако трехчастное деление, как об этом ясно свидетельствуют данные исторической этнографии, является вторичным по сравнению

с дуальным. Кроме того, название одной из дорийских фил - пэмфилы - "определенно указывает на ее относительно позднейшее происхождение, так что первоначально в дорийском обществе можно предполагать универсальную для первобытного состояния дуальную организацию [124, с. 9] .

Находим ли мы в "каталоге кораблей" какие-либо отражения дуальной организации других племен? По нашему мнению, reminiscence-ей такой организации могут быть упоминания о племенах, руководимых двумя вождями. С точки зрения древнегреческой военной практики подобное руководство не должно было восприниматься как нечто исключительное [258, s. 224]. В одних случаях Гомер говорит об армиях, руководимых двумя братьями, в других - двумя военачальниками и разных родов, а в некоторых случаях вообще не сообщает никакой генеалогической информации. По двое предводителей имеют многие племена союзные троянцам, а именно фракийцы, гелизоны, фригийцы, карийцы. Ср. также

Δαρδανίων αὐτ' ἤρχεν εἰς πάρος Ἀχίλλεος
Ἀντίκας, γόνυ δ' Ἀχίλλεος ἔειπε δὴ Ἀφροδίτῃ,
οὐκ ὄϊας, ἄρα γὰρ γέ δ' ἄν' Ἀντιγόρας τίς
Ἀργείλοχος 2' Ἀκάμας 22, μέγας ἐν εἰδοῖσι πάρος
("Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый Анхизов,
Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита...")

Он предводил не один, но при нем Акамес и Архелок:

Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных? Ил. 2. 819-823).

В ахейском перечне по два руководителя, родственные отношения которых в тексте не указаны, имеют воины Аргоса, Элиды, Аргиссы, Крита.

Об аргосцах поэт сообщает:

γὰρ αὖτ' ἡγεμόνευε βαίῃ Στάβος Διομήδης

καὶ Σθένεος Κεραυνὸς ἄκτιστος φίλος υἱὸς
 εἶς δ' ἔτι Εὐρύπλοος γρίγαρος κίεν, ἰβόταος φίλος,
 Μυκισβίης υἱὸς Τηλαϊνίδαο Ἰωνέος.
 βυμπάων δ' ἔτι βοῖν ἄρεδ' Ἀριμύδης...

("Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,
 Также Сфенел, Кепаenea великого сын благородный;
 С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
 Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.
 Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель...", Ил. 2.
 563-567), т.е. и в этом случае мы имеем все ту же дуальную струк-
 туру, но с одним верховным военачальником.

Особо следует отметить, что количество кораблей в "каталоге"
 всегда кратно количеству вождей, т.е. количеству родовых подраз-
 делений, составляющих контингент. Если родосцы, как и все дорий-
 цы, делятся на три филы, то их военные силы размещаются на девяти
 кораблях. Если же вождей двое или четверо, то число кораблей всег-
 да нацело делится на 2 или 4. Наличие у аргосцев, предводимых Дио-
 медом, восьмидесяти кораблей, подтверждает "добавочный" характер
 его руководства.

Таким образом, в списках обеих враждующих армий наряду с ин-
 формацией об этническом делении содержится и информация о субэт-
 нических подразделениях.

Рассмотрим теперь подробнее высказанное уже нами предположение
 о том, что ἔδος обозначает объединение родов, т.е. Фратрию
 или Филу. Данная гипотеза прекрасно согласуется с употреблением

ἔδος в versus iterati I и 2:

ἄφ' δ' ἑαίρων εἰς ἔδος ἑκάτερο κῆρ' ἄλγεϊν.

βῆν δὲ μογὰ βρεφδὲς ἐπεὶ ἑκὸς ἔδος ἑαίρων

поскольку воины, сражаясь вместе с членами своей филы, получал под-

держку прежде всего от них. Примечательно также, что *ἔθνος ἐταῖρον* никогда не используется во множественном числе, поскольку каждый воин принадлежит только к одному *ἔθνος* -у.

В Ил. 12.330 мы находим упоминание о Сарпедоне и Главке как о двух руководителях одного *ἔθνος*. Согласно наиболее распространенной мифологической версии, Сарпедон и Главк являются двоюродными братьями: первый был сыном Лаодамии, дочери Беллерофонта, второй - сыном Гипполоха, сына Беллерофонта. Оба героя тем самым принадлежат одному *ἔθνος* - роду или объединению родов.

Интересен контекст 13-й песни, содержащий неформальное сочетание *ἔθνος λαῖν*:

*Ἀνκίαν δ' ἐτέρωθεν σκάρφου εἰς ἐταῖρον βιν,
Δυφροβὸν γὰρ Πάριον γ' ἐβόων καὶ Ἀγηνόρα δῖον,
οἳ οἱ ἔρ' ὑπερόνευ Τρώων ἔσαν· αὐτὰρ ἔπειτα
λαοὶ ἔπονδ', ὡς εἴ γε ποτὰ κτεῖον ἔσπετο μῦθον
πτόμεν' ἐν βοτάνῃ· γαίμεναι δ' ἄρα γὰρ φρένα ποτρίῃ.
Ἔς Ἀνκία θυρὰς ἐν βυφιδέσσιν ἤρπυδιεν,
ὡς ἔδε λαῖν ἔθνος ἐπιβόροισιν εἰσὶν αἰγιῷ.*

"Но Эней и своих возбуждал сподвижников храбрых,
Звал Деифоба, Париса, почтенного звал Агенора,
С ним предводивших троянские рати; за ним совокупно
Все устремилися: так за овном устремляются овцы,
С паствы бежа к водопою, и пастырь душой веселится, -
Так Анхизид благородный, Эней, веселился душой,
Видя за ним устремлявшихся граждан троянских". (Ил. 13.489-496)

Деифоб и Парис, приходящие на помощь Энею, являются сыновьями Приама, т.е. родственниками Энея. Агенор - сын Феоно и Антенора, близкого друга Приама. Таким образом, и на этом примере мы видим реализацию принципа внутриродовой взаимопомощи и поддержки. *ἔθνος*

δεῦν в данном случае - лишь несущественно измененный и пространенный вариант формулы ἄνδρ' ἑταίρων .

В стихах Ил. II. 722-724 Нестор повествует о построении пилосцев перед битвой с эпейцами:

ἔβη δὲ καὶ ποταμὸς Μινειῶος εἰς ᾗδε βάθμῳ
ἔρριπεν Ἀρήνῃς, ὅθι ποταμὸν ὕψ' ὄρεν
ἑλπίες Πυλίων, καὶ δ' ἐπέρρεον εἰς αὐτὰ πέτραι

"Есть Миниейос река, и падет она в шумное море
Близко Арены; Денницы священной мы там ожидали,
Конные вои, а пение тво порою стекались".

Как мы видим, в собственном войске пилосских владык реализовано деление на ἄλγεα . Вряд ли в данном контексте следует усматривать аллюзию к совету Нестора из 2-й песни: и в том, и в другом случае независимо отражен родовой принцип построения войск.

Значительный интерес представляет контекст, где эпический поэт изображает вмешательство Афины в ход битвы за тело Патрокла (I7. 551-554):

ὥς ἢ πορφύρεν κερδὺν ποικίλας ἑαυτῇ
δόβει' Ἀχαιῶν ἄνδρ', ἔκρεε δὲ φῶτα ἑκέστον.
πρῶτον δ' Ἀφροῖος σῖδ' ἐπορύνοντα προβύδα,
ἔρριπεν Μενέλαον, ὃ γὰρ ῥά οἱ ἔρριπεν ὕψ'

"Дочь такова громовервица, в багряный одетая облик,

К сонму даноев сошла и у каждого дух расплывал.

К первому сыну Атрея богиня, помощница в брнях,

Бывшему ближе других, Менелая герою воззвала....".

Употребление ἄνδρ' Ἀχαιῶν может быть в данном случае понято как pars pro toto поскольку с точки зрения состава войска ахейцы суть ἄλγεα , а не ἄνδρ' . Однако, по нашему мнению, в этом допущении нет необходимости. Контекст в целом ясно указы-

вает на характер действий Афины: она спускается на землю без специального намерения побудить к сражению какого-либо определенного героя. Это видно хотя бы из стихов 567-568, где богиня радуется тому, что случайно встреченный ею Менелай призывает ее на помощь первой из олимпийских божеств. Афина вдохновляет на битву первого встреченного ею воителя, а следовательно *ἔλκος Ἀχαιῶν* - это первое встретившееся на пути богини подразделение, сражающееся на стороне ахейцев.

Наше представление о значении *ἔλκος* было бы более точным, если бы мы могли определить, к какой именно из единиц субэтнического уровня относится данная лексема. Изложенные выше сведения об афинских филлах, с одной стороны, и совет Нестора - с другой дают основание полагать, что в организации войска большое значение имели и другие, более мелкие, чем филла, единицы. Однако если мы располагаем определенной информацией о филлах и демах, то об античных фратриях нам практически ничего не известно [124, с. 17-19]. Как нам представляется, гомеровский текст не дает надежных оснований для определения иерархического уровня *ἔλκος* как субэтнической единицы.

Дают ли употребления слова *φύλον* какую-либо дополнительную информацию о соотношении *ἔλκος* и *φύλον*? Из уже упоминавшегося контекста Ил. 2. 840 можно сделать вывод лишь о том, что войско пеласгов состояло более чем из одной филлы. Аналогичное употребление данной лексемы мы находим в Ил. 17. 220, где Гектор обращается к союзникам:

ἑκὼν, ῥώϊα φύλα περὶ κούρην ἐπὶ κοῦρην
"Слушайте сонмы несметные наших друзей и соседей!"

Из контекста (стихи 215-218) ясно, что слова его относятся к мессонийцу Мессфу, лидийцу Главку, мизийцу Энному, пеласгу Гиппофою

и другим предводителям союзных подразделений. Тем самым организация по Филем представлена как общий для всех союзников способ построения войск. В текстах поэм, однако, не содержится непосредственных указаний на соотношение *ἔθνος* с *φίλον*.

В близкой связи с "военными" употреблениями *ἔθνος* стоят контексты "Одиссеи", содержащие оборот *ἔθνεα νεκρῶν* :

ἀντάρ ἐπὶ ἐχρήβε Λίβη κλυτὰ ἔθνεα νεκρῶν
(Кирка: "...когда обещание дашь многославным умершим...", 10.526).

τοὺς δ' ἐπεὶ ἐχρηλήβε Ληΐβι γε, ἔθνεα νεκρῶν
(Одиссей: "Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым...", II, 34),

ἄλλα πρὶν ἐπὶ ἔθνε' ἀφ' αἰθέρος μυρία νεκρῶν
(Одиссей: "...но толпою бесчисленной души слетевшись, подняли крик...", II. 632).

Социальная организация гомеровского подземного мира, как уже давно было отмечено, близка социальной организации мира живых: там есть цари, "привилегированные" души, "рядовые" души и т.д. Естественно поэтому предположить, что *ἔθνεα* как родовые объединения мира живых должны соответствовать *ἔθνεα νεκρῶν* как родовые объединения умерших.

Общезвестно, что культ мертвых был в Древней Греции важнейшей составной частью семейно-родового культа. По представлениям эллинов, родственники не только были обязаны похоронить сородича с соблюдением соответствующего ритуала (см. сюжет "Антигоны"), но и периодически приносить им жертвы, как это делают Электра, Орест и другие персонажи Эврипида. Разделение умерших на "наших, принадлежащих нашему роду" и "других, *ἄλλοις*", по-видимому, играло значительную роль, поскольку определяло круг религиозных обязанностей индивидуума. Действия Одиссея, желающего узнать свое будущее

из уст Тиресия, носят не столько нормативно-культовый, сколько магический характер. Поэтому Лээртид обращается не к собственным родовым предкам, членам собственного *ἔθνος*, а к умершим вообще, т.е. ко всем их родам, ко всем *ἔθνεα νεκρῶν*.

Поскольку преимущественным субъектом культа предков в классической античности выступает наиболее дробная субэтническая единица - род (*γένος*), а не *φυλόν*, то можно предположить, что и *ἔθνος* является более мелким делением, нежели *φυλόν*.

Особенно наглядно архаичная гентильно-локальная семантика видна в сочетаниях *ἔθνος* с названиями животных. Примечательно, что *ἔθνος* - не просто случайная группа живых существ, оказавшихся в данный момент в определенном месте, а популяция, т.е. совместно бытующее множество, связанное "родственными" отношениями. Таковы рой пчел - *ἔθνη μελίσσων* (Ил. 2.87), стаи птиц - *ἔθνη φηίδων* (2.459), ср. также

... οὐδὲ μὲν Ἑκτωρ
μήνην ἐνὶ Τρώϊν ὀρέσθαι πῶλε θυμωμένον
ἄλ' ὥς ε' ὀφείδων περὶ γαῖαν αἰετὸς αἰδών
ἔθνος ἐφορμάει, ποταμὸν γὰρ βοσκομένοισιν
("...Но в оное время и Гектор

Мощный уже не в толпе крепкобронных троян оставался.

Словно как бурный орел на стаде ударяет пернатых,

Птиц перелетных, несущихся мирно по берегу речному..." Ил. 15.

687-690).

Ни *λαός*, ни *φυλόν* не содержат подобного семантического комплекса; он присущ только терминам родовой организации: *ἔθνος*, *φυλόν* и *γένος*.

Применение *ἔθνεα* к событующему множеству однородных существ заставляет вспомнить о вере древних в специфическую взаимосвязь

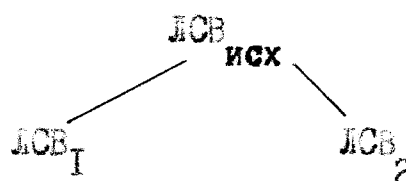
между группой людей и популяцией животных одного вида, а также о культах тотемических предков. "Тотемические предки - это фантастические существа неопределенного облика: в мифах они представляются то в виде животных, то в виде людей с животными именами. Веру в тотемических предков не следует путать с культом предков - формой религии, исторически более поздней" [106, с. 46]. Как показывают этнографические материалы, субъектами тотемических верований выступают примитивные родовые группы, по преимуществу совпадающие с локальными, а также Фратрии - экзогамные половины племени. По мере развития социальной структуры тотемной единицей может становиться и племя в целом, как это произошло, например, на островах Фиджи [106, с. 82]. Отголоски представлений о тотемических предках мы находим и в греческой мифологии, в частности, в известном мифе о происхождении племени мирмидонян от муравьев.

Представление о том, что человеческая родовая группа и популяция животных являются сущностями одного порядка, отражаются и в языке. Лексема "тэгэ", о которой мы уже упоминали в связи с сочетанием в ее семантической структуре ЛСВВ "своя этническая общность" и "чужая этническая общность", согласно В.И.Цинциус, применяется в эвенском фольклоре к группам животных, например, к неркам [114, с. 44]. "Для большинства групп гуахибо, - пишет исследователь фольклора индейцев Боливии Б.Ч.Йепес (B.Ch.Yépez), - нет четкого различия между названиями биологических видов и социальных групп, составляющих народ гуахибо в целом ("la comunidad del pueblo Guahibo en general"). Такое словоупотребление имеет место по крайней мере в случаях, когда они рассказывают этнологические мифы ("las historias de origen") [326, p. 28].

В свете приведенных типологических данных употребление *élves* к живым существам представляется реализацией широкой общекультурной универсалии.

Употребления $\tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\chi\rho\alpha\iota\beta\beta\alpha\iota\nu$, $\tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\epsilon\lambda\epsilon\iota\rho\alpha\nu$, $\tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\kappa\alpha\rho\iota\omega$ подтверждают возможность существования у лексемы $\tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\varsigma$ значения "род, объединения родов". Однако уже для гомеровских поэм можно предположить вымывание из семантической структуры рассматриваемой лексемы таких сем, как "общее происхождение" и "совместное бытование". Например, в стихах Ил.17.652-655 Аякс Теламонид советует Менелая найти Антилоха, чтобы тот сообщил Ахиллу о смерти Патрокла. В описании поисков Антилоха Менелаем употреблено формульное выражение $\text{F } 2 \text{ (I7. 680)}$: $\pi\alpha\iota\sigma\theta\epsilon\iota\beta\epsilon\iota\beta\epsilon\iota\gamma\epsilon\nu\ \rho\alpha\tau\epsilon\iota\nu\ \kappa\alpha\theta\grave{\alpha}\ \tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\epsilon\lambda\epsilon\iota\rho\alpha\nu$. Из контекста неясно, относится ли $\tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\epsilon\lambda\epsilon\iota\rho\alpha\nu$ к конкретному воинскому подразделению, состоящему из членов рода, или к воинам-ахейцам вообще, вне зависимости от их родовой принадлежности. В последнем случае можно предполагать наличие в семантической структуре лексемы $\tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\varsigma$ гиперонима, применимого к любым группам людей.

Итак, в гомеровских поэмах мы находим два словозначения исследуемой лексемы. Это, во-первых, "военное подразделение, состоящее из членов одного рода или объединения родов" (ЛСВ_1) и, во-вторых, "группа имеющих общее происхождение и совместно живущих животных одного биологического вида, популяция" (ЛСВ_2). Первое словозначение имплицировано ЛСВ "род или объединение родов", второе соотносится с ним по правилу симулятивного варьирования. Исходный ЛСВ "род или объединение родов" у Гомера не представлен. Таким образом, семантическая структура лексемы $\tilde{\epsilon}\delta\nu\alpha\varsigma$ в гомеровских поэмах может быть изображена следующим образом:

Особо следует отметить, что для уровня гомеровских поэм нет оснований утверждать, будто ICB_2 является поэтическим ненормативным словоупотреблением. И в "Илиаде", и в "Одиссее" отсутствуют другие лексемы, для которых значение "популяция животных" было бы первичным. Следовательно, характеристика ICB_2 как "поэтического" может относиться лишь к послегомеровскому словоупотреблению.

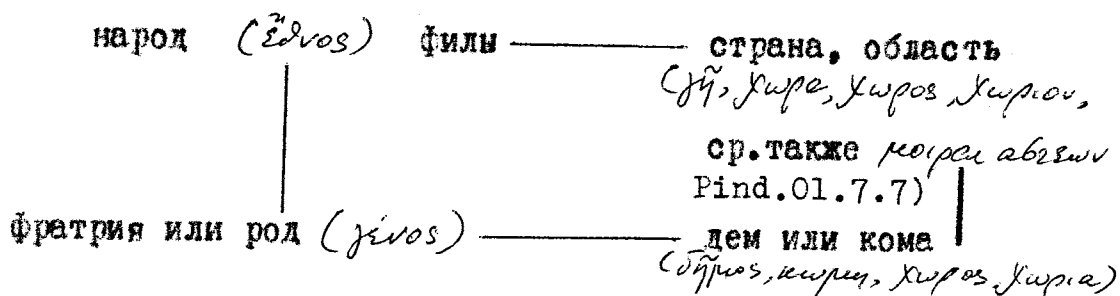
§ 2. Основные направления развития семантики *ἔθνος*
в VI-V вв. до н.э.

Узус Гомера уходит своими корнями в родовое общество. Однако если для последнего характерна дробность этнических единиц и интенсивная этническая дифференциация, то по мере развития раннеклассовых структур преимущественным направлением этнических процессов становится этноконсолидация [123, с. 128]. Усиление этнообъединительных тенденций привело к формированию из древнегреческих родовых объединений этнических общностей более высокого таксономического уровня - племен с зачатками государственного устройства. Если этнические единицы меньшего масштаба объединялись прежде всего сознанием общности происхождения, то в период становления государственных образований на первое место выдвинулись факторы потестарного единства и религиозно-культурной близости [52, с. 88-89]. Социальные обозначения, развившиеся в родовую эпоху, не прекратили своего существования: как *ἔθνος*, так и *φύλον*, *γένος* и другие термины родовой организации, претерпевали семантическую перестройку, связанную с изменениями в структуре использовавшего их общества. Развитая система названий родовых коллективов становилась излишней, и "освободившиеся" термины принимали на себя функции клас-

сообозначений другого уровня в соответствии с возникавшими номинационными потребностями. Прежнее значение *ἔθνος, φύλον, φρεσίν, κ- vos* и т.д. стало все менее определенным по мере того, как уходило в прошлое соответствующее им реалии.

Советский исследователь В.П.Яценко следующим образом описывает регресс форм родовой организации: "Фила в силу своей не более чем гентильной и сакральной сущности, т.е. в следствие того, что ее внутренние связи носили не материальный, а кровный и религиозный характер, не могла служить основой для возникновения крупных автономных образований. ... Из-за отсутствия управленческих органов фила не могла стать базой формирования раннегреческого города. Распределение земли по филам носило в результате чисто формальный характер, все более превращаясь в формальный ритуал. Фактически формы землевладения складывались на уровне подразделений фил - фратрий и родов (в материальном выражении - на уровне дефов и ком)" [124, с. 17]. В этнографических терминах указанный процесс может быть описан следующим образом: фила как этно-социальный организм не имела потестарной структуры, которая могла бы послужить этноконсолидирующим фактором. Поэтому в ходе социального развития крупные родовые объединения миграционной эпохи оказались менее устойчивыми, нежели мелкие.

В работе В.П.Яценко [124, с. 13] предложена также следующая схема соответствий между родо-племенными подразделениями и формами освоения территории:

В связи с семантикой *ἔθνος* историк замечает: "Понятия *ἔθνος* и *φυλαί* иногда взаимозаменяемы, ср. Трифилия - область на Пелопоннесе, населенная тремя народами - эпейцами, минийцами (аркадянами) и элейцами (Strabo 8, 3, 3) [124, с. 233, прим. 20].

Нельзя не отметить, что античная традиция сохранила по меньшей мере одно указание, прямо противоречащее отождествлению иерархического уровня *ἔθνος* и *φυλή*. Мы имеем в виду сообщение Поллукса (8.III): *ὅτι μὲν οὖν ἑγγαρὲς ἦσαν αἱ φυλαί, εἰς γὰρ μὲν ἐκείνῃ διέμενον, καὶ τὸ μέρος τοῦτο ἐκαλεῖτο γένος καὶ ἔθνος καὶ φρατρία.*

Ср. также 2-ю

часть толкования *ἔθνος* у Суды (источник - лексикон Гарпократиона): *ἔθνος οὐ μόνον τὸ μέρος καὶ πολυάνδρουν γένος, ἀλλὰ καὶ ἰδίως μέρος τι τῆς πόλεως. Οὕτως Δυριωβόδους ἐν τῷ κατὰ Ἀριβόκρετον καὶ ἐν τῷ 2^ῳ τῶν Φιλιππικῶν.*

Кроме того, понимание фии как некоторой организации, а *ἔθνος* - как совокупности ее членов с точки зрения семантической типологии представляется неправдоподобным. Отождествление *φυλή* и *ἔθνος* поздних текстах (ср. глоссу *φυλὴ ἔθνος* у Суды), равно как и *ἔθνος*, *γένος* и *φρατρία* у Поллукса вызвано затемнением их исходной семантики. Родовая организация греческого общества могла включать более, нежели два иерархических уровня, а указанные термины могли обозначать различные аспекты родовой организации (территориальный, сакральный, военный и т.д.).

Рассматривая послегомеровский узус *ἔθνος*, можно констатировать, что перерастание старого значения "родовая общность" в новое - "племя, народность" было длительным процессом, и нашему наблюде-

(Fr. 150.21 Merkelbach-West):

ἔσθ' ἢ κα μὴ ὕπερβορείων εὐόπων,

метрический вид которой:

— 11 — ἐξ]νε μ[— 17] περὶ τῶν εὐόρων.

т.к. перед начальным гласным *Υπερβόρειον* необходима элизия.

ресующая нас лексема, выглядит следующим образом:

ὁβ[
]γρὰς γε δίδωκε καὶ - υ - x
]ν ἔδραβεν εἰδομένη -
 - υ - ἐρ[οτατοιοῦς ἄρης αὐτ[
 - υ]ιδείη, τοῖς δ' ἰνέφα[
].[.]ν εὐκότες ἤ[
 - υ]αι κοίτης ἄβητες πράξαντα
 χυρὶς Παμφυλοὶ γε καὶ Ἑλλήες ἠδὲ Δυμῶνες
 ἀνδροπόνοὺς μελίας χερσὶν ἀναβρόμονα.

(В начале утрачен один или несколько стихов). Э.Диль предлагает следующую реконструкцию:

— — — — —] ἔδκεν εἰς βορρῶναι
 αἰβί μείλει βορολογὸς ἄρως αἰσφύρος αἰγύς...

Весьма существенно, что в стихах 16-17 говорится о трех дорийских филах (памфилах, гиллеях и диманах), из которых составлялось спартанское войско и которые, как свидетельствует элегик, сражались раздельно (χωρίς). Возможно, в данном случае словом ἔδκεν называются военные контингенты фил либо какие-то их подразделения.

Позднейшее употребление ἔδκεν в военных контекстах (Геродот, Фукидид, фрагменты историков) связано уже с делением войска на этнически различные контингенты, например Nat. 9.33 (описание построения персидского войска Мардоном):
 γαῖα γὰρ ἔδκεν
 γὰρ μέρβωι ἰσφάβωι εἰς ἐπὶ Μερδονίου γερμένωι...
 ἰσφάβωι δὲ καὶ ἄλλωι ἔδκεν ἄνδρες Ἀνερικυρίων.
 Φρυγῶν γὰρ καὶ Μυβῶν καὶ Θρυγίων γὰρ καὶ Περίων...
 (Ср. также Nat. 7.21.1, 7.40.1, 7.55.2, 7.60.3 и др.).

В ходе семантической эволюции понятийная структура исходного словозначения ἔδκεν претерпевает значительные изменения. Признаки, бывшие интенциональными или высоковероятностными ("кровное родство", "совместная хозяйственная деятельность" и т.д.), отходят от семантического ядра слова в область импликации, но не исчезают совершенно. Сохранность сем исходного значения в его производном затрудняет определение ЛСВ в текстах. Так, не существует формальных внутритекстовых критериев, на основании которых можно было бы утверждать, что во фразе ἔδκεν βοιοτῶν καὶ χελιδόνων βαρβάβατες (Симонид, Fr. 100a, 3 Diehl) представлен ЛСВ₁, а не значение

"народы беотийцев и халкидян". Таким образом, делать на основании употреблений *ἔθνος* выводы об уровне развития отдельных этнических общностей невозможно, но возможно обратное - привлекать экстралингвистический материал для дифференциации *ΛΣΒΒ* *ἔθνος*, углубляя тем самым понимание текста.

В существующей лексикологической практике критериальными контекстами для *ΛΣΒ*₃ = "этническая общность" считаются употребления типа "*ἔθνος* + этноним в форме прилагательного" (*ἔθνος Βαρρικός, Κανέβορσ' κτλ.*) и "*ἔθνος* + этноним в форме существительного в Gen. Pl." (*ἔθνος Λακωνέων, Βοιωτῶν*). При этом этнонимами, сопровождаемые лексемой *ἔθνος*, могут принадлежать различным иерархическим уровням. "Слово *ἔθνος*, - пишет Ф. Папазоглу, - используется для обозначения как *Ἡπειρώται*, так и *Μελοῖται* (Ps. Scyl. 22) и *Ὀρφέες*. Илирийцы составляют *ἔθνος* (Str. УП, с. 326), тавлантии - *ἔθνος Ἰλλυρίων*, а абры - *ἔθνος Τανδερτίων* (Hec. fr. 101J) [299, р. 131-132].

Важно отметить, что вне зависимости от масштаба и таксономического уровня этнической общности, обозначаемой как *ἔθνος*, последняя всегда характеризуется наличием этнического самосознания. Это подтверждается отсутствием в исторических памятниках архаического и классического периода конструкций типа "*ἔθνος* + Gen. названия страны или местности". Ни у Геродота, ни у Фукидида, ни у Ксенофонта мы не найдем употреблений * *ἔθνος Ἑλλάδας, Ἀργείας, Λιβύας*, а лишь *ἔθνος Ἑλληνικόν, Ἀγγικόν, Λιβυκόν*, либо *ἔθνος* как приложение к *Ἑλλήνες, Λίβες* κтл. Таким образом, *ἔθνος* в отличие от своего переводного аналога "народ", не имеет значения "население", т.е. "множество живущих на определенной территории (вне зависимости от их самосознания)".

Словозначение "этническая общность" (JCB_3) не имеет стилистических ограничений и встречается как в прозе, так и в лирической и драматической поэзии: Pi.O.10.97 $\kappa\lambda\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu \text{ ἔθνος } \text{Λοκρῶν}$, fr. 83 $\beta\omicron\iota\omega\tau\epsilon\omicron\nu \text{ ἔθνος}$, S.fr. 683 Pearson (Nauck 581)

$\kappa\acute{\omicron}\lambda\chi\omicron\varsigma \text{ ἔε } \chi\alpha\lambda\beta\alpha\iota\acute{\omicron}\varsigma \text{ ἔε καὶ } \Sigma\acute{\upsilon\rho\omega\iota} \text{ ἔθνος}$ и т.

В произведениях поэтических жанров представлен также JCB_4 , из семантической структуры которого практически элиминированы семы "совместной деятельности" и "совместного проживания": Pi.O.1.66

$\gamma\omicron\iota\upsilon\tau\epsilon\mu\alpha \text{ οἱ } \pi\rho\omicron\upsilon\tau\epsilon\kappa\alpha\iota \text{ οἷόν } \alpha\epsilon\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\tau\omicron\varsigma \text{ πᾶ\text{ς}ιν } \mu\omicron\tau\alpha \text{ τὸ } \epsilon\epsilon\chi\acute{\omicron}\lambda\omicron\gamma\mu\omicron\nu \text{ ἀνέρων } \text{ ἔθνος}$ ("вот почему бессмертные <боги>

точас вернули его к короткоживущему племени людей"), ср. ἔθνος

Ἰωνῶν (N.11.42), ἑλλᾶδων (P.10.28), ἑρριῶν (N.3.74).

Люди (все в совокупности) могут восприниматься как единый ἔθνος , поскольку объединены общим мифологическим происхождением и биологической однокачественностью. У Эсхила (Eum. 366) ἔθνεα составляют Эринии, у Эмпедокла (B 121) говорится об $\text{ἔθνεα } \text{Κυρῶν}$. Было бы ошибкой понимать приведенные словосочетания как простое "множество людей, Эриний, кер и т.д." Для античного сознания как олимпийские боги, так и люди, керы и другие населяющие вселенную существа, состоят между собой в родственных отношениях и закономерно образуют родовые объединения.

Отметим, что рассматриваемое семантическое варьирование ἔθνος аналогично известному варьированию лексики φύλον :

$\epsilon\pi\epsilon\iota \text{ οὐ } \rho\omicron\gamma\epsilon \text{ φύλον } \omicron\rho\omicron\tau\acute{\omicron}\nu \text{ ἀδελφῶν ἔε δεῖν } \chi\alpha\rho\alpha\iota \text{ ἐρ\text{φ}ο\rho\omicron\iota\omega\tau\omicron\nu } \text{ ἔ' ἀνδρῶνιν}$

(ср. Hes.Th. 212, где в числе порождений богини Νύξ упомянуты

$\text{φύλα } \text{Ὀνείρων}$), а также лексики γένος (ср. $\text{γένος } \text{δεῖν}$

Ar.Th. 960). Общность когнитивной структуры этих классовозна-

чений находит выражение в их сходной семантической эволюции. Так, значение "пол" (=ЛСВ₄), выделяемое в контексте Xen. Oec.7.26
*ὅβρις οὐκ ἂν ἔχῃς διελθὲν ποίγη τοῖς ἔδαις τοῖς ὄψιν ἢ τοῖς ἄρρεν τοῖς
 γυναικασίν*, развивается как в семантической структуре *γένος*
 (Epich . I72.I, Pl. Smp. I89), так и *φύλον* (τοῖς ἰουδαίοις
φύλον Ar.Th.786, τοῖς ὄψιν ἢ τοῖς ἄρρεν Xen.Lac.14).

Продолжая аналогию между развитием *ἔδαις* и других терминов родовой организации, укажем на семантический гапакс Pi.N.5.43:
ἦτοι κατὰ γὰρ βέ καὶ τὸν γένος μάρτυς ἔσται καὶ τὰς ἐνδοκροῖς ἔδαις, Πυθαῖ.
 Приведенная строка принадлежит к числу неясных и многократно пересматривавшихся издателями. Однако начиная с А.Бека авторитетные исследователи Пиндара согласны в том, что под словом *ἔδαις* в данном случае понимается Пифей, племянник Евфимена, к которому автор обращается в предыдущей фразе. Другие употребления *ἔδαις* применительно к единичному субъекту в классической греческой литературе не засвидетельствованы. Данный ЛСВ₅ является также единственным из словозначений *ἔδαις*, в котором элиминирована сема "множественности". Между тем в лексико-семантической системе древнегреческого языка известен еще по меньшей мере один пример импликации "родовое объединение" - "член родового объединения", а именно употребления *γένος* к единичным субъектам: *βοὶ γένος* Il.19.124, *δεῖον γένος* Il.6.180, *Διὸς γένος* S.Ant.1117 etc. Таким образом, пиндаровский узус *ἔδαις* лежит в русле традиционного поэтического употребления терминов родовой организации.

В целом употребление *ἔδαις* в поэтических жанрах, будучи незначительным количественно (13 употреблений у Пиндара, 5 - у Эсхила, 3 - у Софокла и по одному у Эврипида и Аристофана), отличается значительным качественным разнообразием. Помимо уже упоминав-

шихся ЛСВВ "этническая общность", "воинское подразделение, состоящее из членов рода (родового объединения)", "совокупность существ одинакового биологического качества" и "родственник", в лирической и драматической поэзии представлены словозначения "популяция"

(S.Ph. 1147 *χαροπῶν ἔδνυ θυρῶν*, Tim.Mil.fr.791 col.4.138 *ἔδνα κῳβόρων ἀκρὸς ὀρίων*, *ἔδνεον ἰσχυρῶν, δολῶ* и ЛСВ₆ = "профессиональная группа, сословие" (A.fr.464,20 Mette = 343 Nauck *καρ[ε]ν[η]ων ἔδνα*) .

Чтобы понять механизм возникновения значения "ordo" в семантической структуре лексемы *ἔδνα*, необходимо принять во внимание исторические обстоятельства становления сословной системы в Древней Греции. В результате миграций и захватов территории, происходивших в XII-УШ вв. почти повсеместно, местное население, покоренное пришельцами, низводилось до положения зависимых земледельцев. Сами же пришельцы образовывали общину фиктивной знати, которая постепенно срачивалась со старой местной родовой знатью. При этом захватчики поселялись обычно в городском поселении-протополисе, а местное население продолжало существовать на хоре вне его. Так происходило в частности, становление сословия эттических эвпатридов (*εὐπατρίδαι*), противостоявших земледельцам - *γεωργοί*. Ситуации, когда покорители принадлежали к иной этнической группе, нежели побежденные, не были в архаической Греции исключением [284, с.52-53].

Что же касается образовавшегося впоследствии сословия ремесленников, то, по свидетельству Аристотеля (Pol. III, 3.2), его составляли не местные уроженцы, а рабы и чужестранцы. "Люди, в силу тех или иных причин оказавшиеся вне круга земельных собственников, вынуждены были на чужбине или у себя на родине заниматься ремеслом или посреднической торговлей. Поэтому в социальном плане ремеслен-

ники как стоявшие вне круга землевладельцев ... стояли на низшей общественной ступени" [124, с. 21] и не имели доступа к должностям. Группы ремесленников объединялись в специальные ремесленные деми, например, Эврипиды, Кропия, Пелекес и др., которые в ходе синои-кизма могли составить отдельную филу и поселиться в отдельном городском квартале. Таким образом, сословия в протополисе и полисе тесно переплетались как старыми родовыми формами организации общества, так и с этническими делениями.

Говоря о необходимости учета интересов каждого сословия в идеальном полисе, Платон постоянно пользуется термином *ἔθνος* :

*ὅπως ἔν τι κρῖν ἔθνος ἔβριε διαφερόντως ἑὸν αἶμα,
ἀλλ' ὅπως οἱ μέγιστα ἔλγῃ ἡ πόλις* (Pol. 420 b),

*ἀλλ' αἶε εἰς ἓν ἔθνος ἀποβέροντες ἔν αὐτῇ γαῖᾳ ἑὸν αἶμα
παύμεν* (Pol. 466a). В этой связи нельзя не отметить сходства между платоновским словоупотреблением и узусом аттического лексикографа Поллукса, который прямо пишет (8.III): *τρία δ' ἔν γὰρ ἔθνη πάλαι εὐπερίβαι, κωρεῖος, θυμαιοῖ.*

В платоновских диалогах, где лексема *ἔθνος* встречается вне контекста теоретико-правовых построений, она относится к различным группам ремесленников: *τὰ μὲν αἶψα ἔθνη τῶν πολιτῶν περὶ τὰς θυμαιορίας ὄντα* (Critic. 110c), *περὶ αἶψα καὶ θυμαιορίας ἔθνη* (Grg. 455 b), но никогда не характеризует знатные роды или привилегированные общественные слои. Возможно, этим обстоятельством объясняется появление в семантике *ἔθνος* негативных коннотаций, очевидных, например, в толковании *ἔθνος τὸ πῦδος, ἡρόνιο μαχοί, πόρνα, κορυβαί, βαδαννογόρια καὶ τὰ κατὰ ἔθνη* (Suida, s.v. e Zon. p. 622).

К афинским вора́м (*kleptes*), разбойникам (*ἀνδροβίται*) и другим подонкам общества лексема *ἔθνος* применяется в "Жизни Аполлония Тианского" Флавия Филострата (4.22). Ср. также употребление *ἔθνος* к илотам во Fr. II5.13 Jacoby . Имеющиеся контексты не дают, однако, основания утверждать, что сема "неполноправный, дискриминируемый" входила в семантическую структуру *ἔθνος* в классический период.

В целом значение "профессиональная группа, сословие" принадлежит к числу редких в классической прозе и неспопоставимо по частотности с ЛСВ₃ "этническая общность" и производным от него ЛСВ₈ = "государство неполисного типа."

Классический полис, сформировавшийся в Афинах, Коринфе, на Сицилии, в Южной Италии и т.д., не был самой распространенной в географическом отношении формой политических объединений древнегреческого мира. "Характер коммуникации населения древней Греции предопределялся главным образом мелкими ландшафтными, а следовательно, и хозяйственными микроронами страны, приведшими к образованию многочисленных мелких территориальных общностей. В раннеархаическое время ... универсальной формой территориальной общности была кома, причем с самого начала отдельные группы ком тяготели к какому-либо центру, образовывавшемуся в результате действия комплекса природных, экономических, демографических, религиозных или политических факторов" [124, с. 92]. В случаях, когда достаточных предпосылок для объединения ком в полис (т.е. для синойкизма) не возникало, население продолжало жить в небольших поселках. Так происходило в Акарнании, Этолии, некоторых районах центрального Пелопонесса, Локриды и других областях, получивших по этому признаку название "nichtpoliaden Gebieten Griechenlands" [294] . Форма

государственного устройства, существовавшая в указанных районах, называлась в античных источниках *ἔθνος*, поскольку объединяла единые в этническом отношении комы захватчиков-мигрантов [265, s. 133]. В современной исторической литературе для ее обозначения пользуются терминами "tribal state" [286, 287], "Stammstaat" [294; 263]. К IV в. до н.э. в неполисных регионах Греции сложились различные типы политических федераций, называемые *κοινὸν* ("койнон"), *συνπολιτεία* ("симполития"), а в современных источниках также "конфедерация" или "лига". Поскольку эти государственные объединения выступали прямыми наследниками соответствующих "tribal states", то термин *ἔθνος* применялся также и к ним.

"Политическое" словозначение *ἔθνος* совершенно не отражено в словарях, хотя неоднократно и подробно описывалось в исторической литературе. Так, немецкий историк-политолог К.-В. Вельвей (K.-W. Welwei) отмечает: "Термин *ἔθνος* в политическом смысле является практически общим понятием ("Sammelbegriff") таких различным образом организованных государственных общностей, которые не могут быть охвачены обозначением *πόλις* (в смысле "Polisstaat")" [321, s. 16-17]. Словосочетание *ἔθνος καὶ πόλις* обозначает, таким образом, "все возможные типы государственных объединений, как полисы, так и неполисы": Xen. Anab. 1.4.16 οὐκ ἄρα τὰ πολίτευμα νούγατα καὶ βουκόλα τῶν ἀνδρῶν, πόλις καὶ ἔθνος, ἀνεξέβητα ἔβη; Dein. 1.76 μὲν γὰρ αὖτις βίβυρξ καὶ πόλις καὶ ἔθνος ἔβη, τὸ πρότερον ἀνδρῶν δὲ καὶ βουκόλων βουδαίων ὡρεῖν. Широко известны употребления ЛСВ, в "Политике" Аристотеля, где *ἔθνος* как форма государственности анализируется в сопоставлении с *πόλις*: Pol. 1326b 4 ἡ δὲ ἐν πόλει ἔχον ἐν τῇ τοῦ ἀνακτοῦς αὐτοῦ ὥβηρ ἔθνος καὶ ἐν πόλις [295, v. 4, p. 418-439].

Обобщая узус *ἔθνος* в послегомеровскую эпоху, можно констатировать, что, наряду с гомеровскими словозначениями, в семантической структуре исследуемой лексемы получают развитие пять новых ЛСВВ: "этническая общность", "совокупность существ одинакового биологического качества", "родственник", "профессиональная группа, сословие" и "неписанный тип государственности". Их появление вызвано бурным социальным развитием греческого общества в X-V вв. до н.э.: групповое самосознание членов родового объединения сменилось развитым племенным, а затем и общегреческим самосознанием; сословные оппозиции пришли на смену равноправия общинников; примитивная потестарная организация сменилась многообразием политических форм.

В плане соотносительной значимости отдельных ЛСВВ следует указать на частотное преобладание словозначения "этническая общность", особенно у таких авторов, как Геродот и Ксенофонт. Таким образом, уже в V в. до н.э. очевидна тенденция превращения ЛСВ "этническая общность" в центральное словозначение исследуемой лексемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В семантической эволюции лексемы *ἔθνος* отражено развитие этнического сознания и самосознания древних греков, а следовательно, и объективные этнические процессы, происходившие при формировании этого древнейшего народа. Значение *ἔθνος*, как и других классобозначений индуктивно-эмпирического типа, не может рассматриваться как статичное конструктивное образование, поскольку оно неразрывно связано с развитием соответствующей эмпирической сферы: этнической действительности. Отдельные словозначения, как например "совокупность существ одинакового биологического качества" или "родственник", возникли в семантической структуре *ἔθνος* вне связи с эволюцией денотата исходного словозначения. Они являются результатами нормативного логического варьирования, в котором нет ничего специфически греческого - ср. русск. "род Румянцевых" и "род людской". Однако появление подавляющего большинства словозначений *ἔθνος*, в частности "сословие, профессиональная группа", "неполисный тип государственности" и т.д., является непосредственным следствием социального развития греческого общества архаического и классического периодов и неповторимо ни в одном другом языке кроме греческого. Отсюда очевидно первоочередное значение исторических и этнографических данных для лексикологического описания *ἔθνος*.

В настоящей работе мы стремились к последовательной реализации междисциплинарного подхода к семантике исследуемой лексемы. Постадийное рассмотрение ее генезиса с учетом данных семантической типологии (т.е., собственно, историко-типологических аналогий) позволяет реконструировать древнейшее дописьменное значение

- "объединение родов". Рефлексы этого значения были обнаружены нами в гомеровских поэмах.

Помимо этнографических данных, к толкованию *ἔθνος* были привлечены и историко-социологические материалы. С их помощью была показана взаимосвязь в таких парах лексико-семантических вариантов, как "родовое объединение" - "воинское подразделение, состоящее из членов родового объединения", "этническая общность" - "неполисный тип государственности", "родовое объединение" - "профессиональная группа". Все вторые словозначения приведенных пар представляют собой исторические импликации первых ЛСВВ, а не простую реализацию логической возможности применения классообозначений к классам различного уровня. Таким образом, междисциплинарный подход к изучению семантики *ἔθνος* позволяет представить последнюю не как абстрактно-логическую схему, а как конкретное, исторически и социологически обусловленное развитие.

Проведенный нами анализ показывает, что лексикографические толкования *ἔθνος*, включая содержащиеся в наиболее авторитетных словарях, не дают адекватного представления о семантике данной лексики, и нуждаются в существенных уточнениях. Прежде всего, в толкованиях *ἔθνος* должны быть включены следующие словозначения: "объединение родов, впоследствии - единица социального деления, более мелкая, чем фила (возможно, то же, что или

", военное подразделение, состоящее из членов родового объединения", "неполисная форма государственности".

Во-вторых, как ономаσιологически нормативные должны описываться такие ЛСВВ, как "сословие, профессиональная группа" и "популяция".

В-третьих, применения исследуемой лексики к животным следует

дифференцировать, различая ЛСВВ "популяция" и "множество существ одинакового биологического качества".

В-четвертых, словозначение "пол" не должно рассматриваться как самостоятельный лексико-семантический вариант, а как частный случай ЛСВ "множество существ одинакового биологического качества".

В-пятых, должны быть пересмотрены хронологические границы ЛСВВ "профессиональная группа" и "множество существ одинакового биологического качества" и определены хронологические границы ЛСВ "неполисная форма государственности".

Совершенствование лексикографического описания *ἕως* с учетом предложенных уточнений является необходимым условием правильной интерпретации узуса *ἕως* не только в архаический и классический, но и в последующие периоды развития греческого языка.

Результаты проведенного исследования могут быть также применены: 1) при составлении двуязычных и понятийных словарей древнегреческого языка, а также словарей к авторам; 2) при издании и комментировании текстов и их источниковедческом анализе; 3) при изучении социальных обозначений древнегреческого языка как лексической системы; 4) в практике вузовского преподавания лексикологии древнегреческого языка, а также исторической социологии и исторической этнографии Древней Греции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 21. - С. 23-178.
2. Маркс К. Конспект книги Л.Г.Моргана "Древнее общество" // Архив Маркса и Энгельса. - Т. 9. - С. 1-192.
3. Гомер. Илиада. Одиссея / Пер. с древнегреч. - М.: Худож. лит. 1967. - 766 с.
4. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. - М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. - Т. 1-2.
5. Казанокене В.П., Казанский Н.Н. Понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. - Л.: Наука, 1986. - 207 с.
6. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. - М.: Рус. яз., 1987. - 943 с.
7. Серебряков С.Б. Древнегрузинско-русский словарь. - Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1962. - 287 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии 2-е изд., перераб. и доп. / - М.: Наука, 1988. - 192 с.
9. Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т рус. яз. - М.; Л.: Наука, 1965-1990. - Вып. 1-25.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. - 3-е изд., стер. - М.: Рус. яз., 1985-1988. - Т. 1-4.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. - Т. 1-17.
12. Словник української мови: В 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства. - К.: Наукова думка, 1970-1980. - Т. 1-11.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. - 2-е изд., стер. - М.: Прогресс, 1986. - Т. 1-4.
14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. - М.; Л.: Наука, 1974-1988. - Вып. 1-15.
15. Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. - М., 1970. - С. 138-152.
16. Абаев В.И. Понятие идеосемантики // Язык и мышление. - 1934. - Т. 2. - С. 13-28.
17. Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. - 1936. - Т. 6-7. - С. 67-91.
18. Адамова Л.М. Катоиконимия английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1978. - 23 с.
19. Алексеев В.П. О самом раннем этапе расслоения и этногенезе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. - М., 1982. - С. 32-55.
20. Ангелов Д. Смысл и содержание на думите зыгъ, родъ, плем и народъ в средновековната българска книжнина // Старобългаристика. - 1978. - Т. 2. - № 3. - С. 12-31.
21. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. - 142 с.
22. Античная Греция: Проблемы развития полиса: В 2 т. / Отв. ред. Е.С.Голубцова - М.: Наука, 1983. - Т. 1-2.
23. Античный полис: Сб. ст. / Отв. ред. Э.Д.Фролов - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. - 140 с.
24. Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос

- в доклассовом и раннеклассовом обществе. - М., 1982. - С. 55-82.
25. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. - М., 1972. - Вып. 2. - С. 8-30.
26. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование: Пер. с франц. - М.: Изд-во иностр. лит., 1955. - 260 с.
27. Бибииков М.В. Византийская этнонимия: археизация как система // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1980. - С. 70-72.
28. Блаватская Т.В. Греческое общество II тысячелетия до н.э. и его культура. - М.: Наука, 1976. - 173 с.
29. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983. - 412 с.
30. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. - М.: Наука, 1981. - 390 с.
31. Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей: Пер. с нем. - Харьков: Дарре, 1895. - 320 с.
32. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. - 1946. - № 4. - С. 34-49.
33. Ващенко П.Т., Долгих Б.О. Предания о тотемических названиях родов у иганасан // Советская этнография. - 1962. - № 3. - С. 178-182.
34. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. - М., 1971. - С. 26-43.
35. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. - М., 1972. - С. 75-98.
36. Гамирелидзе Т.В. Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 т. - Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1934. - Т. 1-3.

37. Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. - М.: Наука, 1967. - 199 с.
38. Гинабург Е.Л., Крейдлин Г.Е. Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы) // Научно-техническая информация. - Сер. 2. Информационные процессы и системы. - 1982. - № 8. - С. 24-31.
39. Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. - Тбилиси, Изд-во Тбилис. ун-та, 1978. - 394 с.
40. Город и государство в древних обществах: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Мавродин - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. - 162 с.
41. Гринбаум Н.С. Язык древнегреческой хоровой лирики. - Кишинев: Штиинца, 1974. - 282 с.
42. Дмитриевский Ю.Д. О критериях экономико-географического и социально-географического подхода к изучению процесса формирования этнических общностей // Советская этнография. - 1985. - № 4. - С. 83-88.
43. Жельвис В.И. Эвантисоemia как психолингвистический феномен // Тезисы 9-го Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 1988. - С. 67-68.
44. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. - М.: Наука, 1964. - 328 с.
45. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. - М., 1984. - С. 87-98.
46. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. - М.: Наука, 1965. - 246 с.
47. История Древней Греции / Под ред. А.И. Авдиева и др. - 2-е изд., доп. и испр. - М.: Высш. шк., 1972. - 424 с.

48. История Древней Греции / Под ред. В.И.Кузищина - М.: Высш. шк., 1986. - 381 с.
49. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Алексеев В.А., Семенов Ю.И., Файнберг Л.А. и др. - М.: Наука, 1986. - 573 с.
50. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. - М.: Высш. шк., 1990. - 152 с.
51. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. - Л.: Наука, 1986. - 298 с.
52. Козлов В.И. Проблема этнического сознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. - 1974. - № 2. - С. 79-92.
53. Крюков М.В. "Люди", "настоящие люди" к проблеме исторической типологии этнических самоназваний // Этническая ономастика. - М., 1984. - С. 6-12.
54. Крюков М.В. Эволюция этнического сознания и проблема этногенеза // Расы и народы. - М., 1976. - Вып. 6. - С. 42-63.
55. Крюков М.В., Молявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. - М.: Наука, 1987. - 312 с.
56. Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. - М.: Политиздат, 1979. - 286 с.
57. Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. - 148 с.
58. Лашук Л.П. О формах донациональных этнических связей // Вопросы истории. - 1967. - № 4. - С. 78-86.
59. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. - М.: Высш. шк., 1984. - 119 с.
60. Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный рус-

73. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) - М.: Высш. шк., 1983. - 127 с.
74. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высш. шк., 1983. - 168 с.
75. Никонов В.А. Имя и общество. - М.: Наука, 1974. - 278 с.
76. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. - М., 1970. - С. 5-33.
77. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. - 290 с.
78. Новиков Л.А. Семантика русского языка. - М.: Высш. шк., 1982. - 272 с.
79. Олива П. К вопросу о возникновении и развитии эллинской народности в древней Греции // Вестник древней истории. - 1954. - № 1. - С. 40-51.
80. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. - 263 с.
81. Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. - Л.: Наука, 1977. - 207 с.
82. Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. - М.: Наука, 1978. - 271 с.
83. Поплинский Ю.К. К истории возникновения термина "этнос" // Советская этнография. - 1973. - № 1. - С. 128-134.
84. Поплинский Ю.К. О понятии "варвар" в античности // Африканский этнографический сборник. - Л., 1982. - № 13. - С. 161-185.
85. Поплинский Ю.К. Принципы этнографических описаний в античной научной литературе. Из истории этнографической науки // Африканский этнографический сборник. - Л., 1980. - № 12. - С. 129-154.
86. Попов А.И. К вопросу об использовании данных этнонимии и топо-

- нимики в историческом исследовании // Вестник Ленингр. ун-та.
- 1948. - № 3. - С. 153-156.
87. Поршнев Б.Ф. "Мы и они" как конститутивный принцип психологической общности // Материалы 3-го Всесоюз. съезда Об-ва психологов. - М., 1968. - Т. 3. Вып. I. - С. 38-47.
88. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. - М.: Мысль, 1974. - 488 с.
89. Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического сознания // 9-й Международный конгресс антропологич. и этнографич. наук. Доклады советской делегации. - М., 1973. - С. 173-178.
90. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. - М.: Наука, 1979. - 232 с.
91. Проблемы античной государственности: Сб. ст. / Отв. ред. Э.Д. Фролов - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. - 196 с.
92. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества: Сб. ст. / Отв. ред. Э.Д. Фролов - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. - 176 с.
93. Прохорова В.Н. Энантиосемия в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. - М., 1976. - Вып. I. - С. 157-165.
94. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины / Под ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробаха - М.: Наука, 1988. - 224 с.
95. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание: Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1980. - 408 с.
96. Славятинская М.Н. О поэтике полидиалектности в древнегреческом языке // Античная культура и современная наука. - М., 1980.

- С. 171-175.
97. Славятинская М.Н. Этнонимы в поэтическом тексте // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1984. - С. 119-127.
98. Соболева П.А. Дефектность парадигмы и семантическое тождество слова // Вопросы языкознания. - 1979. - № 5. - С. 37-49.
99. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Новиков Л.А., Иванов В.В., Ксдайтене Е.И., Тихонов А.Н. - М.: Рус. яз., 1987. - 160 с.
100. Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. Э.Д. - Фролов - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1989. - 181 с.
101. Становление и развитие раннеклассовых обществ: Сб. ст. / Под ред. Г.Л.Курбатова и др. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. - 355 с.
102. Суперданская А.В. Иерархия этнонимов и топонимов Крыма // Этническая топонимика. - М., 1987. - С. 62-68.
103. Супрун В.И. Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1976. - 19 с.
104. Тахо-Годи А.А. Мифологическое происхождение поэтического языка "Илиады" Гомера // Античность и современность. - М., 1972. - С. 196-215.
105. Тахо-Годи А.А. Структура поэтических тропов в "Илиаде" Гомера // Вопросы античной литературы и классической филологии. - М., 1966. - С. 45-59.
106. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. - М.: Политизд 1986. - 576 с.

107. Томсон Дж. Исследование по истории древнегреческого общества: В 2 т : Пер. с англ. - М.: Изд-во иностр. лит., 1958-1959. - Т. 1-2.
108. Томсон Дж. История древней географии: Пер. с англ. - М.: Изд-во иностр. лит., 1953. - 592 с.
109. Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. - Л.: Наука, 1973. - 207 с.
110. Тронский И.М. К семантике множественного числа в греческом и латыни // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. Филол. наук. - 1946. - № 69. - Вып. 10. - С. 54-72.
111. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. - М.: Наука, 1959. - 212 с.
112. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. - М.: Наука, 1980. - 152 с.
113. Цветков Н.В. К методологии компонентного анализа // Вопросы языкознания. - 1984. - № 2. - С. 61-72.
114. Цинциус В.И. О названиях, связанных с понятием "народ" в тунгусо-манчжурских языках // Acta antiqua. - 1962. - Т. 15. - Вып. 1-3. - С. 41-43.
115. Чеснов Я.В. Название народа - откуда оно? // Советская этнография. - 1973. - № 6. - С. 135-146.
116. Чеснов Я.В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. - М., 1970. - С. 46-50.
117. Чеснов Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен. - М., 1971. - С. 6-13.
118. Чехов А.С. Проблемы описания кореферентных и анафорических отношений в языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.

М., 1980. - 19 с.

119. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка: Пер. с франц. - М.: Изд-во иностр. лит., 1953. - 340 с.
120. Шервуд В.А. От англосаксов к англичанам (к проблеме формирования английского народа). - М.: Наука, 1983. - 240 с.
121. Шерцль В. О словах с противоположными значениями или о так называемой энантиосемии // Филологические записки. - Воронеж, 1883. - Вып. 5-6. - С. 1-39; 1884. - Вып. 1. - С. 41-84.
122. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М.: Просвещение, 1977. - 335 с.
123. Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / Отв. ред. Бромлей Ю.В. - М.: Наука, 1982. - 253 с.
124. Яценко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. - М.: Наука, 1990. - 271 с.
125. Aeneas Tacticus. Opera / Ed. A.Sain. - Paris: Belles Lettres, 1975. - 446 p.
126. Aeschinis Orationes / Ed. F.Elass. - Leipzig: Teubner, 1908. - 98 p.
127. Aeschylus. Opera / Ed. G.Murray. - Oxford: Clarendon, 1955. - 645 p.
128. Apollonii Sophistae Lexicon Homericum / Rec. J.Bekker. - Lipsiae: Fleischer, 1820. - 356 p.
129. Arcadii De accentibus librum / Ed. B.H.Barceer. - Lugduni Batavorum: Luchtmann, 1828. - 244 p.
130. Aristophanes. Opera: In 5 vol. / Ed. F.W.Hall, E.D.Geldart. - Oxford: Clarendon, 1906. - 1.1-5.
131. Aristoteles. Opera: In 5 vol. / Ed. Academia Berusica. -

- Berlin: Teismann, 1831-1870. - V.1-5.
132. Aristotelis Opera Omnia Graece et Latine: In 4 vol. / Ed. F.Gigon. - Paris: Didot, 1848-1857. - V.1-4.
133. Aristotelis Politica / Ed. W.D.Ross. - Oxford: Clarendon, 1957. - 689 p.
134. Aristotelis Respublica Atheniensium / Ed. F.G.Keynon. - Oxford: Clarendon, 1920. - 349 p.
135. Aristotelis quae feruntur magna Moralia / Rec. F.Susemihl. - Leipzig: Teubner, 1883. - 324 p.
136. Bacchylidis Carmina cum fragmentis / Ed. B.Snell, A.Maehler. - Leipzig: Teubner, 1970. - 218 p.
137. Comicorum Graecorum Fragmenta / Ed. G.Keibel. - Berlin: Academie, 1889. - 577 p.
138. Dinarchi Orationes adiectis Demadis qui fertur fragmentis. - Leipzig: Teubner, 1838. - 282 p.
139. Demosthenis Orationes : In 4 vol. / Rec. G.Dindorf. - Lipsiae: Teubner, 1876-1889. - V.1-3.
140. Etymologicum Graecae Linguae Cudianum / Ed. Fr.Sturz. - Lipsiae: Weigel, 1818. - 1280 p.
141. Etymologicum Magnum / Rec. Fr.Sylburg. - Lipsiae : Weigel, 1826. - 1099 p.
142. Eustathii thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem : In 4 vol. / Ed. G.Stallbaum. - Lipsiae: Weigel, 1827-1830. - V.1-4.
143. Eustathii Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam: In 2 vol. / Ed. G.Stallbaum. - Lipsiae: Weigel, 1825-1826. - V.1-2.
144. Euripidis Opera: In 3 vol. / Ed. G.Murray. - Oxford: Clarendon, 1902-1923. - V.1-3.

145. Euripidis Tragoediae: In 3 vol. / Rec. A.Nauck. - Lipsiae, Teubner, 1869-1903. - V.1-3.
146. Fragmente der Griechischen Historiker / Ed. P.Jacoby. - Berlin; Leiden, 1923-1958. - Bd. 1-5.
146. Fragmente der Tragödien des Aischylos / Hrag. von H.J.Mette. - Berlin: Academie, 1959. - 358 S.
148. Fragmente der Vorsokratiker / Ed. H.Diels. - Berlin: Beck, 1954. - 769 S.
149. Herodiani Technici Reliquiae / Ed. A.Lents. - Leipzig: Teubner, 1876. - V.1-2.
150. Herodoti Historiae / Ed. C.Mub. - Oxford: Clarendon, 1927.- V.1-2.
151. Hesiodi Theogonia, Opera et dies, Scutum / Ed. F.Solmsen. - Leipzig: Teubner, 1926. - 358 p.
152. Hesiodus. Fragmenta / Ed. R.Merkelbach, M.L.West. - Oxford: Clarendon, 1967. - 287 p.
153. Hesiodus. Fragmenta selecta / Ed. R.Merkelbach, M.L.West.- Oxford: Clarendon, 1970. - 198 p.
154. Hesychii Alexandrini Lexicon / Rec. M.Schmidt. - Jenae, Nauck, 1868-1876. - V.1-5.
155. Hippocratis Opera quae feruntur omnia /Ed. H.Kühnlesein.- Leipzig: Teubner, 1894-1898. - V.1-5.
156. Hyani Homerici / Rec. Aug.Baumeister. - Leipzig: Teubner, 1888. - 245 p.
157. Hyperidis Orationes sex cum ceterarum fragmentis / Ed. Ch.Jensen. - Leipzig: Teubner, 1917. - 329 p.
158. Isocratis Orationes / Rec. G.B.Denseler, F.Blass. - Leipzig: Teubner, 1913-1927. - V.1-2.
159. Lysiae Orationes / Rec. Th.Thalheim. - Leipzig: Teubner,

1913. - 275 p.

160. *Oratores Attici* / Ed. Joh.Theodor. - Paris: Didot, 1858.-
V.1-2.
161. *Pindari Carmina cum fragmentis* / Ed. L.Snell, M.Schler. -
Leipzig: Teubner, 1964-1971. - V.1-2.
162. *Platon. Œuvres complètes* / Ed. par M.et A.Croiset. -
Paris: Budé, 1929. - V.1-10.
163. *Platonis Opera* / Ed. J.Burnet. - Oxford: Clarendon, 1903-
1915. - V.1-5.
164. *Poetae Lyrici Graeci* / Ed. Th.Bergk. - Lipsiae: Teubner,
1843. - V.1-2.
165. *Scholia Graeca in Homeri Iliadem* / Ed. G.Bindorf. -
Leipzig: Weigel, 1875. - V.1-2.
166. *Scholia Graeca in Homeri Odysseam* / Ed. G.Bindorf. -
Leipzig: Weigel, 1877. - V.1-2.
167. *Scholia vetera in Pindari carmina* / Ed. A.B.Drachmann. -
Lipsiae: Teubner, 1903-1927. - V.1-3.
168. *Sophocles* / Ed. A.C.Pearson. - Oxford: Clarendon, 1928.-
688p.
169. *Sophocles. Fragments* / Ed. A.C.Pearson. - Oxford: Claren-
don, 1917. - 214 p.
170. *Suidae Lexicon* / Ed. A.Adler. - Stuttgart: Teubner, 1967-
1971. - V.1-5.
171. *Timaei Sophistae Lexicon vocum Platoniarum* / Ed. D.Ruhn-
ke, G.A.Kohl. - Lipsiae: Teubner, 1828. - 361 p.
172. *Thucydidis Historiae* / Ed. H.St.Jones, J.E.Powell. - Ox-
ford: Clarendon, 1939. - V.1-2.
173. *Tragicorum Graecorum Fragmenta* / Rec. A.Nauck. - Leipzig:
Teubner, 1889. - 345 p.

174. Xenophontis Opera omnia / Rec. E.C.Marchant. - Oxford: Clarendon, 1901-1921. - V.1-5.
175. Lexicon der Alten Welt / Hrsg. von J.Fr.Müller. - Zürich; Stuttgart: Artemis, 1965. - 3525 S.
176. Oxford Classical Dictionary / Ed. by N.G.L.Hammond, H.H. Scullard. - 2-nd ed. - Oxford: Clarendon, 1970. - 889 p.
177. Real-Enzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft.- Hrsg. von G.Hispania, W.Kroll u.a. - Stuttgart: Metzler, 1921-1979. - Bd.1- 59.
178. Lally A. Dictionnaire Grec-Français / Ed. 4-me. - Paris: Honen, 1963. - 1325 p.
179. Boiasacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. - Heidelberg: Winter, 1950. - 740 p.
180. Buck C.D. Dictionary of Selected Synonyms in Principal Indo-European Languages. - London: Will, 1967. - 2127 p.
181. Buck C.D., Petersen W. A reverse Index of Greek Nouns and Adjectives. - Chicago: Univ. of Chicago Press, 1945. - 647 p.
182. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque : Histoire des mots. - Paris: Masqueray, 1968-1977. - V.1-4.
183. Frisk Hj. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. - Heidelberg: Winter, 1957-1972. - Bd. 1-3.
184. Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. - Berlin: Akademie, 1957. - 648 p.
185. Hoffmann J.B. Etymologisches Wörterbuch der Griechischen Sprache. - München: Beck, 1950-1966. - Bd. 1-4.

186. Kretschmer P. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. - 717 S.
187. Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon / 9-th ed.- rev. and augm. by H.S.Jones. - Oxford: Oxford Univ. Press Press, 1985. - 2387 p.
188. Magnien V., Lacroix E. Dictionnaire grec-français. - Paris-Berlin: Bense, 1969. - 1653 p.
189. Pape W. Griechisch-deutsches Handwörterbuch / 3-te Aufl., bearb. von H.Segenbusch. - Braunschweig: Hoffmann, 1880.- 895 S.
190. Passow F. Handwörterbuch der griechischen Sprache / Bearb. von Rost, Palm u.a. - Leipzig: Weigel, 1841-1857.- Bd. 1-4.
191. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. - Heidelberg: Winter, 1974. - Bd. 1-3.
192. Thesaurus Graecae Linguae / Ed. H.Stephanus. - Paris: Didot, 1831-1865. - V.1-8.
193. Vömel J.Th. Deutsch-griechisches Synonymisches Wörterbuch. - Frankfurt a.Mein: Brönnner, 1819. - 430 S.
194. Allen J.T., Italic G. A concordance to Euripides. - London: Cambrige Univ. Press, 1954. - 686 p.
195. Ast Fr. Lexicon Platonicum. - Leipzig: Weigel, 1835-1838. - Bd.1-3.
196. Autenrieth J. Wörterbuch zu den homerischen Gedichten. - Lipsiae: Teubner, 1873. - 300 S.
197. Barends D. Lexicon Aeneium. - Assen: Van Gorcum, 1955.- 174 p.

198. Bechtel P. Lexilogus zu Homer: Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter. - Halle: Niemeyer, 1914. - 341 S.
199. Bétant E.A. Lexicon Thucydideum. - Hildesheim: Olm, 1961. - V.1-2.
200. Bonitz H. Index Aristotelicus. - Berlin: Akademie, 1870. - 678 p.
201. Brandwood L. A Word Index to Plato. - Leeds: Maney, 1976. - 1003 p.
202. Breimer Th. Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. - Halle: Niemeyer, 1925. - 284 S.
203. Brindseil H.E. Concordantiae omnium vocum carminum integrorum et fragmentorum Pindari ad modum concordantiarum biblicarum. - Berlin: Akademie, 1875. - 252 p.
204. Caravella J. Index Aristophanicus. - Oxford: Clarendon, 1822. - 368 p.
205. Cremer H. Wörterbuch der Neutestamentlichen Gräcität. - Gotha: Munk, 1903. - 327 S.
206. Cunliffe R.J. A Lexicon of the Homeric Dialect. - London: Blackwell, 1924. - 461 p.
206. Dindorf G. Lexicon Aeschyleum. - Lipsiae: Teubner, 1876. - 678 p.
208. Dunbar E.A., Marzullo B. A complete Concordance to the Odyssey and Hymns of Homer. - Hildesheim: Olm, 1962. - 546 p.
209. Ebeling H. Lexicon Homericum. - Lipsiae: Teubner, 1874-1880. - V.1-2.
210. Ellendt F., Genthe H. Lexicon Sophocleum. - Hildesheim: Olm, 1958. - 475 p.

211. Essen E.H.N. Index Thucydideus. - Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964. - 457 p.
212. Faehse M.G. Lexicon graecum in tragicos. - Prunislaviae: s.ed., 1830-1832. - V.1-2.
213. Fatouros G. Index verborum zur frühgriechische Lyrik. - Heidelberg: Winter, 1966. - 415 S.
214. Gehring A. Index Homericus. - Lipsiae: Teubner, 1891.- 674 p.
215. Cloth C.M., Kellogg M.F. Index in Xenophontis Memorabilia // Cornell studies in classical philology. - 1900. - V.11. - P.1-96.
216. Hofinger H. Lexicon Hesiodeum cum indice inverso. - Leiden: Brill, 1973-1975. - V.1-2.
217. Horsch A. Lexilogus zu Aeschylos. - Halle: Maas, 1821. - 312 S.
218. Italic G., Radt S.L. Index Aeschyleus. - Leiden: Brill, 1955. - 646 p.
219. Kranz W. Wortindex // Fragmente der Vorsokratiker / Hrag. von H.Diels. - Bd.2. - H.2. - Berlin, 1910. - S. 45- 214.
220. Lexicon des frühgriechischen Epos / Begr. von Snell, Red. E.-H.Voigt. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955-1978. - Lfg.1-12.
221. Mendes da Costa H.B. Index etymologicus dictionis Homericae. - Lugduni Batavorum: Sijthof, 1905. - 594 p.
222. Minton W.W. Concordance to Hesiodic corpus. - Leiden: Brill, 1976. - 313 p.
223. Nauck A. Tragicae dictionis index spectans ad Tragicorum Graecorum Fragmenta. - Petropoli: Egger, 1892. - 738 p.

224. Paulson J. Index Hesiodicus. - Hildesheim: Olm, 1972. - 94 p.
225. Powell J.R. Lexicon to Herodotus. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1938. - 392 p.
226. Rumpel J. Lexicon Pindaricus. - Hildesheim: Olm, 1961. - 498 p.
227. Schmidt C.E. Parallel-Homer. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985. - 250 S.
228. Schweighäuser J. Lexicon Herodoteum. - Oxonii: Blackwell, 1825. - 421 p.
229. Seiler E.S. Vollständiges Griechisch-deutsches Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden. - Leipzig: Teubner, 1863. - 529 S.
230. Sophocles E.A. Greek Lexicon of Roman and Byzantine periods. - New York: Jones, 1900. - 643 p.
231. Sturz P.W. Lexicon Xenophonticum. - Lipsiae: Weigel, 1801-1804. - V.1-4.
232. Sturwenson B. A Concordance to Sophocles. - London: Wright, 1898. - 312 p.
233. Vollbrecht F. Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. - Leipzig; Berlin: Günter, 1912. - 124 S.
234. Aly W. Herodots Sprache // Glotta. - 1924. - Bd.13. - S.84-117.
235. Aly W. De Aeschyli copia verborum. - Berlin: Akademie, 1912. - 94 S.
236. Antike Abhängigkeitsformen in der griechischen Gebieten ohne Polisstruktur und den römischen Provinzen: Actes du colloque sur l'esclavage en Iena 1981 / Hrsrg. von

- H.Kreissig, P.Rühnert. - Berlin: Akademie, 1985. - 156 S.
237. Ancient society and institutions. Studies presented to Victor Ehrenberg on his 75th birthday. - New York: Barnes & Noble, 1967. - 312 p.
238. Aufrecht G. Einige seltene suffixe // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. - 1852. - Bd.2. - Hft.2. - S.147-151.
239. Benfey Th. Altindisches Wurzellexicon. - Berlin: Schulte, 1887. - 341 S.
240. Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. - Paris: Maspero, 1969. - V.1-2.
241. Bonfante G. Silbenbildung im Griechischen und in der anderen indogermanischen Sprachen // Indogermanische Forschungen. - 1934. - V.52. - S.221-227.
242. Bourriot F. Recherches sur la nature du génos: Etude d'histoire sociale athénienne. - Lille; Paris, 1976. - V.1-2.
243. Brugmann K. Griechische Grammatik. - München: Beck, 1900. - 632 S.
244. Cabanes P. L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine (272-167 av.J.C.). - Paris: Belles Lettres, 1976. - 649 p.
245. Chadwick H.M. The Heroic Age. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1967. - 474 p.
246. Chantraine P. A propos de grec *ἀνέρες* // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. - 1946. - V.43. - P.1. - P.51-56.
247. Chantraine P. Formation du nom grec. - Paris: Kailash, 1925. - 325 p.

248. Chantraine P. Remarques sur l'emploi des formules dans le premiere chant de l'Iliade. - Revue des Etudes Grecques. - 1932. - V.45. - P.121-154.
249. Christ W. Geschichte der Griechischen Literatur bis auf die Zeit Justinians. - München: Beck, 1898. - 944 S.
250. Conoscenze etniche e rapporti di convivenza nell'antichità / A cura di M.Sorti. - Milano: Padoli, 1979. - 248 p.
251. Descat R. L'idéologie homérique du pouvoir // Revue des Etudes Anciennes. - 1979. - V.81. - P.229-240.
252. Dihle A. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte des Volksbegriffe im griechischen Denken. - Göttingen, 1946. - 65 S.
253. Dittenberger W. Ethnika und Verwandtes // Hermes. - 1906.- Bd.41. - Hft.1. - S.78-102; Hft.2. - S.161-219.
254. Doederlein L. Homerisches Glossarium. - Erlangen: Focht, 1850-1858. - Bd. 1-3.
255. Dyroff A. Geschichte der Pronomen Reflexivum. Abt.1. Von Homer bis zur Attische Prosa. - Würzburg: Stuber, 1892. - 138 S.
256. Paris J.A. Is Plato's a caste state, based on racial differences // Classical quarterly. - 1950. - V.44. - P.38-43.
257. Fick A. Die Griechische Verbandsnamen // Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. - 1877. - V.28. - S. 106-110.
258. Flacelière R. Zycie codzienne w Grecji ze czasów Peryklesa. - Warszawa: PWN, 1985. - 270 s.
259. Flemming B. Zur semantischen Abgrenzung von Gruppen

nach Glauben, Sprache und Beruf // Semantische Hefte. -
1976-1977. - Bd.3. - S.1-79.

260. Fontenrose J. The cult and myth of Pyrrhos at Delphi.-
Berkley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1960. -
70 p.
261. Francis E.D. Virtus, Folly and Greek Etymology // Ap-
proaches to Homer / Ed. C.A.Rubino, C.W.Shelmerdine. -
Austin, 1983. - P.74-121.
262. Franke P.R. Die antiken Münzen von Epirus. - Weisbaden:
Steiner, 1961. - 344 S.
263. Gschnitzer F. Gemeinde und Herrschaft: Von der Grund-
formen griechischer Staatsordnung // Österreichische
Akad. der Wissenschaft. Sitzungsberichte. - Philos.-
Hist. Klasse. - 1960. - Bd.235. - Abh.3. - S.76-133.
264. Gschnitzer F. *Agēres* und Verwandtes // Glotta. -
1977. - Bd.55. - S.190-207.
265. Gschnitzer F. Stammes- und Ortsgemeinden im alten
Griechenland // Wiener Studien. - 1955. - V.68. -
S.120-144.
266. Gschnitzer F. Vocabulaire et institution : la continui-
té historique du II-e au I-er millenaire // Colloquium
Mycenaeum. Actes du VI Colloque international sur les
textes mycéniens et égéens. - Geneva, 1979, - P.109-134.
267. Haarhoff T.J. The Stranger at the Gate. - Oxford: Cla-
rendon, 1948. - 354 p.
268. Hammond N.G.L. Epirus. The Geography, the Ancient Re-
mains, the History and the Topography of Epirus and
the Adjacent Areas. - Oxford: Clarendon, 1967. - 347 p.
269. Harnatta J. Wort und Begriff *ἰαός* von der mykoni-

- schen Zeit bis ins 5. Jahrhundert v.u.Z. // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland. Bd.3. / Hrsg.von H.Ch.Welskopf. - Berlin, 1982. - S.156-162.
270. Hecht M. Die Griechische Bedeutungslehre. Eine Aufgabe der klassischen Philologie. - Leipzig: Teubner, 1888. - 166 S.
271. Heichelheim F. An Ancient Economic History. Bd.1. - Leiden: Sijthoff, 1958. - 492 p.
272. Heilmann L. Grammatica storica della lingua greca con cenni di sintasse storica. - Roma, Napoli: Ghiselli, 1963. - 457 p.
273. Herman G. Ritualised friendship and the Greek city. - Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1987. - 212 p.
274. Heubeck A. Das Nationalbewusstsein des Herodot. - Heustadt a. Aisch: Schmidt, 1936. - 67 S.
275. Hoffmann K., Tichy E. "Checkliste" zur Aufstellung bzw. Beurteilung etymologischer Deutungen // Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaft. - Phil.-Hist. Klasse. - 1980. - Bd.368. - S.47-52.
276. The Iliad: A Commentary. V.1 / Gen. editor E.V.Rieu. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. - 409 p.
277. Jeanmaire H. Courroi et courètes // Travaux et mémoires de l'Univ. de Lille. - 1939. - V.21. - P.1-138.
278. Jeffery L.N. Archaic Greece. The City-states 700-500 B.C. - London: Methuen, 1978. - 584 p.
279. Karaś E. Gwarowe przymiotniki ze znaczeniem "czudzy" // Język Polski. - 1975. - T.55. - K.4. - S.262-266.
280. Kardyn J. Hellada starożytna pod względem antropologicznym // Archiwum Towarzystwa naukowego we Lwowie. - Dz. 3.

T.6. - Zesz. 10. - S.1-25.

281. Kornemann E. Staaten, Völker, Menschen. Aus der Geschichte des Altertums. - Leipzig: Teubner, 1934. - 160 S.
282. Kornemann E. Polis und Urbs // Klio. - 1905. - Bd.5. - S.72-92.
283. Kreissig H. Der Begriff *polis* in der hellenistischen Koine // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland. Bd.4. / Hrsg. von E.Ch.Welskopf. - Berlin, 1984. - S.100-110.
284. Lacey W.K. The family in classical Greece. - Ithaca: Ithaca univ. press, 1984. - 342 p.
285. Langenfelt G. On the origin of tribal names // Anthropos. - 1919-1920. - T.14-15. - Fasc. 1-4. - P.295-313.
286. Larsen J.A.O. Representation and Democracy in Hellenistic Federalism // Classical Philology. - 1945. - V.40. - N.2. - P.65-97.
287. Larsen J.A.O. Representative Government in Greek and Roman History. - Berkley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1955. - 249 p.
- ← 288. Legrand Ph.-E. Hérodote: Index analytique. - Paris: Bude, 1954. - 247 p.
289. Leukart A. Zur Herkunft der Griechischer Nomina von typus *oikos-rys*, *δυναμ-rys*, *νοτι-rys* // Flexion und Wortbildung. Akten der 5. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. - Wiesbaden, 1975. - S. 178- 199.
290. Iuce J.V. The Polis in Homer and Hesiod // Proceedings of the Royal Irish Academy. Sect. Archaeology. - 1978.- V.78. - N.1. - P.1-15.

291. Mader B. Untersuchungen zum Tempusgebrauch bei Homer. - Hamburg: Univ. Verlag, 1970. - 285 S.
292. Meillet A. Sur le suffixe indo-européen *nes // Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. - 1908. - V.15.- P.254-264.
293. Müller K.B. Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. T.1. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. - Wiesbaden: Steiner, 1972. - 386 S.
294. Müller R. Polis und Ethnos, Sklaverei und andere Abhängigkeitsformen in der griechischen Gesellschaftstheorie// Antike Abhängigkeitsformen in der griechischen Gebieten ohne Polistruktur und römischen Provinzen / Hrsg. von H.Kreissig, F.Kühnert. - Berlin, 1985. - S. 97- 125.
295. Neumann W.L. The Politics of Aristotle. - Oxford: Clarendon, 1887-1902. - V.1-4.
296. Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. - München: Beck, 1950-1955. - Bd.1-2.
297. Otrębski J. Die von den indoeuropäischen Reflektivpronomen *se, seus, sue usw. abgeleiteten Verwandtschaftsnamen// Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet. - Innsbruck, 1967. - S.73-77.
298. Pajdakowski Wł. Starożytny Epir i jego mieszkańcy. - Poznań: Wydawnictwo Univ. im. A.Mickiewicza. - 1970. - 130 s.
299. Papazoglou F. Quelques problèmes de l'histoire épirote// Ziva Antika. - 1970. - T.20. - P.115-136.
300. Porzig W. Die Namen für Satzinhalte in Griechische

- und in Indogermanische. - Halle: Niemeyer, 1946. - 49 S.
301. Risch E. Wortbildung der homerischen Sprache. - Berlin: Steiner, 1974. - 328 S.
- ← 301 a. 302. Roy J. Tribalism in Southwestern Arcadia in the Classical Period // Acta Antiqua. - 1972. - 9.20. - Fasc.1-2. - P.43-51.
303. Rudolf W. Ethnos und Kultur // Ethnologie / Hrsg. von H.Fischer. - Berlin, 1983. - S.47-68.
- ← 304. Schindler J. Zum Ablaut der neutralen s-Stämme des Indogermanischen // Flexion und Wortbildung. Akten der 5. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. - Wiesbaden, 1975. - S.259-267.
305. Schmidt K.H. Das Perfektum in Indogermanischen Sprachen// Glotta. - Bd.42. - H.1. - S.46-59.
306. Schulze E. Griechische Lehnworte im Gotthischen // Kleine Schriften. - Göttingen, 1934. - S.517-528.
307. Schwickardi W. Zum Fortleben altgriechischer sozialer Typenbegriffe im Neugriechischen // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland. Bd.7 / Hrsg. von E.Ch.Welskopf. - S.135-161.
308. Schwyzer E., Debrunner A. Griechische Grammatik. - München: Beck, 1950. - Bd.1-2.
309. Sordi M. Storia politica del mondo greco. - Milano: Vita e Pensiero, 1982. - 358 p.
310. Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. - Berlin: Akademie, 1981-1985. - Bd.1-7.
311. Stagakis G. Studies in the Homeric Society. - Wiesbaden: Steiner, 1975. - 122 p.

312. Stagakis G. Therapontes und Hetairoi, in the Iliad, as Symbols of the Political Structure of the Homeric State // Historia. - 1966. - V.15. - Hft.4. - S.408-419.
313. Struck E. Die Bedeutungslehre als Hilfsmittel bei alt-sprachlichen Lektüre // Gnomon. - 1961. - V.33. - S.748-756.
314. Sturtevant E.H. The Indo-Hittite Laryngeals. - Baltimore: Downes, 1942. - 143 p.
315. Svoronos J.N. Neue Inschriften und Münzen aus Epirus und den angrenzenden Gebieten // Journal Internationale d'Archäologie Numismatique. - 1905. - V.8. - P.227-235.
316. Susemihl F. Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. T.1. - Leipzig: Teubner, 1891. - 399 S.
317. Thomas C.G. The Roots of Homeric Kingship // Historia. - 1966. - V.15. - Hft. 4. - S.387-407.
318. Vernant J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs. - Paris: Dueroix, 1965. - 287 p.
319. Weil R. Aristote et le fédéralisme // Actes du Congrès de la Association G.Budé. - Paris, 1960. - P.80-88.
320. Welskopf E.Ch. Die Bezeichnungen *λαός*, *ἔθνος*, *ἑρμῶς*, *ἡγεύς*, *ἔθνος* in den homerischen Epen // Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in der Sprachen der Welt. Bd.3. - S.163-192.
321. Welwei K.-W. Die griechische Polis. Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. - Stuttgart: Berlin: Kohlhammer, 1983. - 328 S.
322. West M.L. The Berlin Tyrtæus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. - 1967. - Bd.1. - S. 173-182.
323. Will E. Dorien et Ioniens. Essai sur la valeur du cri-

tère ethnique appliqué à l'étude de l'histoire et de la civilisation grécque. - Strasbourg: Ed. de l'Univ. de Strasbourg, 1956. - 107 p.

324. Wilamowitz-Moellendorf U.v. Dichterfragmente aus die Papyrussammlung der Königlichen Museen // Sitzungsberichte der Preussische Akademie der Wissenschaft. - 1918. - Bd.2.- S.728-736.

325. Witkowski St. Historjografia grecka i nauki pokrewne. - Kraków: PAU, 1925-1927. - T.1-3.

326. Yépez Ch.B. La musica de los Guahibo. - Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas, 1982. - 39 p.

327. Δάκερης Σ. Συμβολή εἰς τὴν εὐροχρονία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδος // Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς. - 1957. - 6.88-113.

328. Εὐαγγελίδης Δ. Ψήφισμα τῶν βασιλέως Νεονορέμων ἐν Διδώνῃς // Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς. - 1956. - 6.1-13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Названия языков и диалектов

- алб. - албанский
- англ. - английский
- белор. - белорусский
- в.-луж. - верхнелужицкий
- гом. - гомеровский
- гот. - готский
- греч. - древнегреческий
- груз. - грузинский
- дор. - дорийский
- др.-англ. - древнеанглийский
- др.-в.-н. - древневерхненемецкий
- др.-исл. - древнеисландский
- др.-перс. - древнеперсидский
- др.-сакс. - древнесаксонский
- др.-швед. - древнешведский
- и.-е. - индоевропейский
- ирл. - ирландский
- кипр. - кипрский
- лат. - латинский
- лэтыш. - латышский
- лит. - литовский
- месоп. - месопотамский
- н.-луж. - нижнелужицкий
- новогреч. - новогреческий
- оск. - оскский

польск. - польский
русск. - русский
серб. - сербский
скр. - санскрит
словацк. - словацкий
словен. - словенский
ср.-в.-н. - средневерхненемецкий
ст.-слав. - старославянский
укр. - украинский
фриг. - фригийский
хетт. - хеттский
чеш. - чешский
элейск. - элейский

2. Библиографические сокращения - см. стр. 32

3. Прочие сокращения

ЛСВ/В/ - лексико-семантический вариант /варианты/

ЭСО/О/ - этно-социальное обозначение /обозначения/

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОМЫ ОБЩИЕ КОНТЕКСТЫ С ЛЕКСЕМОЙ ΕΘΝΟΣ

И СХОДИЛ К НАМ

Ил.2.286-287: "и устремились народы, подобно густым роям пчел..."

Сх.93.13: "ἔθνη <относится> к изображаемым здесь грекам; следовало бы сказать *βρύχια*... животные эти сродни поэзии / пчелы - Ю.К./ ... О наступлении по фалангам хорошо сказано: <пчелы также> вооружены жалами, послушны и устремляются к свершению своего дела..., они привязаны друг к другу..."

Ил.2.459: "подобно стаям пернатых птиц..."

Сх.113.19: "мусические, кроткие и стадные это <существа>, а потому подобает называть их *ἔθνη*".

"словами *ἔθνος ἐσθλόν* здесь он называет просто множество, как и в других случаях..."

Евст.880.62: "ἐθέρων ἔθνη περὶ - вместо "очень многие поспешно устремились".

Евст.864.40: "Обрати внимание, что выражение *καὶ δ' ἐθέρων ἔθνη περὶ* подобно в чем-то выражению *ἐν ἀγέρῳ πορὶα νεκρῶν*".

Евст.1751.22: "(поэт) говорит *ἔθνη χοῖρας* вместо *πυλῆς*, как и в "Илиаде" *ἔθνη ποτ' ὄντι*. Отсюда же заимствует Оппиан, называя риб *ἔθνη πόγας*. Первоначально простое выражение поэт разнообразит и распространяет: *βῦ ἐς θυρεαῖς* - и, поясняя, добавляет *ὄν ἔθνη χοῖρας*".

Ил.2.91-92: "так бесчисленные отряды от кораблей и палаток

стали собираться к берегу глубокого моря..."

Ил.2.464-465: "так бесчисленные отряды от кораблей и палаток
выплескивались на равнину Скамандра..."

Ил.2.459-463: "их отряды, как бесчисленные стаи гусей, журав-
лей и длинношеих лебедей, летавших туда и сюда
и шумящих крыльями..."

Ил.2.469-471: "подобно густым роям мух, которые кружатся по па-
стухьей хижине в весенней время, когда молоко на-
полняет сосуды..."

Ил.13.489-496: "Эней стал созывать со всех сторон своих товари-
щей, увидев Деисоба, Париса и божественного Аге-
нора, которые вместе с ним предводительствовали
троянцам. Тотчас за ними последовали и их войс-
ка. Как за бараном-вожаком следуют овцы на
водопой после пастбы, и радуется сердце пасту-
ха, так же и у Энея в груди возрадовалась душа,
когда он увидел отряд воинов, устремившихся за
ним."

Ил.11.722-724: "Есть река Миниейос, впадающая в море близ Арены.
Там мы, пелейские конники, осаждали божественной
зари, в то время как отряды пеших воинов стека-
лись..."

Ил.17.551-554: "Окутавшись темным облаком она опустилась среди
отряда Ахейцев, и стала возбуждать к битве
всех воинов. Первым она ободрила Атрида Менелая,
поскольку он оказался ближе к ней..."

Од.11.34: "после того, как он воззвал с мольбой к сестрицам
умерших..."